С. П. ЛУППОВ

Книга в России в XVII веке

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Книга

С. П. ЛУППОВ

в России в XVII веке

Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1970

Книга представляет собой монографическое исследование на основе изучения архивных материалов, надписей на старинных книгах, описей книжных собраний и библиотек, а также имеющейся литературы. В монографии рассматриваются вопросы книгоиздательства и переписки книг, книготорговли (книжные рынки, цены на книги и рукописи, определение себестоимости и продажной цены книг в типографиях и т. д.), распространения книг среди различных категорий населения и в различных географических пунктах страны, история возникновения и состав фондов книжных собраний частных лиц и библиотек. Ряд материалов вводится в научный оборот впервые: организация книжной торговли в Москве, принудительное распространение изданий Печатного двора, спрос на книги среди разных групп населения, анализ состава книжных фондов библиотек и т. д.

Ответственный редактор доктор исторических наук *С. Н. ВАЛК*

Сергей Павлович Луппов

КНИГА В РОССИИ В XVII веке

Утверждено к печати Библиотекой Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. Н. Богданова-Котькова*
Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Р. Г. Гершинская* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 12/XII 1969 г. Подписано к печати 10/VII 1970 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. л. $3^1/_2$. Печ. л. 7=11.76 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.90. Изд. № 4467. Тип. зак. № 633. М-10034. Тираж 4600. Бумага № 2. *Цена 71 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука» Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

6-10
645-70 (II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение книги в истории человеческого общества огромно. В книгах заключена вся сумма знаний, накопленных предыдущими поколениями; книга является средством общения между людьми, средством воспитания их в духе самого прогрессивного мировоззрения, источником высокого эстетического наслаждения. В разные исторические эпохи роль книги была различной. Менялись в зависимости от исторических условий и характер ее влияния на общество, и задачи, которые она выполняла. Самые прогрессивные и самые реакционные идеи проявляли себя через книгу. В книге как в зеркале всегда отражалась борьба классов, борьба общественных мнений. Отсюда понятно, что изучение книги в историческом плане представляет большую актуальность.

Задача настоящей работы — рассмотреть весь круг вопросов, связанных с историей книги в России в XVII в. — в период, непосредственно предшествующий петровским реформам: проблема создания книги (книгопечатание, переписка книг), пути распространения ее среди населения, условия возникновения книжных собраний и библиотек, их роль в развитии культуры страны. Подобного рода комплексная тема не была еще предметом монографического исследования.

Литература по затрагиваемым в предлагаемой книге вопросам обширна, однако не все темы разработаны в ней с одинаковой полнотой. Если о книгопечатании в России мы знаем довольно много, особенно после выхода в свет юбилейной двухтомной монографии «400 лет русского книгопечатания. 1564—1964», то о создании рукописных

книг сведений у нас уже меньше, а вопросам распространения книг среди населения исследователи стали уделять большое внимание лишь в последнее время, главным образом в связи с публикацией записей на старинных книгах. Недостаточно изученными являются также и вопросы книготорговли и истории библиотек. О книготорговле после монографии В. П. Адриановой, вышедшей из печати в 1912 г., мало кто писал. По истории библиотек имеется немало работ, написанных в прошлом веке и в нынешнем (см., например, труды С. А. Белокурова), однако анализ состава книжных собраний и библиотек России в XVII в. не был еще предметом специального исследования.

Имеющиеся источники позволяют в значительной степени восполнить пробелы литературы. Этими источниками являются архивные фонды Центрального государственного архива древних актов, Государственного исторического музея и рукописных отделов крупнейших библиотек, записи на старинных книгах, сделанные их владельцами, описи книжных собраний и библиотек (опубликованные и неопубликованные).

Перечисленные источники использованы автором при написании настоящей работы. Особенно много новых материалов было почерпнуто при просмотре архивного фонда Приказа книгопечатного дела (ЦГАДА, ф. 1182), где сохранились сведения о том, кто покупал книги в XVII в., как определялась цена изданий Печатного двора, как скоро распродавались эти издания. Не менее интересные сведения были получены и в результате изучения записей на старинных книгах. Автор использовал и известную ему литературу, стремясь по возможности каждый раз устанавливать первоисточник сообщаемых сведений и их достоверность.

Собранный материал сгруппирован в шесть глав. В I главе, являющейся вводной, дается общая характеристика просвещения в России. II глава посвящена вопросу создания печатных и рукописных книг (книгоиздательство и переписка книг). В этой главе уделяется особое внимание изменению тематики русских книг в XVII в.: книгопечатание начинает приобретать светские черты (появляются печатные книги для чтения,

учебные книги и первые книги светского содержания). Еще более светской становится рукописная книга. Именно она, а не печатная книга является в XVII в. настоящей выразительницей общественного мнения.

В III главе — о книготорговле — говорится о книжном рынке в России и о ценах книг. Привлечение архивного материала дало возможность получить новые данные по этим вопросам, в частности сведения об определении себестоимости и продажной цены изданий основной типографии в России — московского Печатного двора, о скорости их распродажи, показать, какие из этих изданий пользовались наибольшим спросом.

IV глава, посвященная вопросу о распространении книг среди населения, написана на основе архивных материалов и записей на старинных книгах. В главе показывается, какими именно книгами интересовалась та или иная группа населения, как переходила книга от одних владельцев к другим, каков был круг ее географического распространения.

В V главе дается анализ состава книжных собраний отдельных лиц по данным сохранившихся описей. Среди этих лиц мы находим крупных исторических деятелей того времени: А. С. Матвеева, В. В. Голицына, патриарха Никона, царя Федора Алексеевича, справщика Печатного двора Сильвестра Медведева и др. Автором сделана попытка связать состав книжных собраний с индивидуальными особенностями их владельцев, проследить пути, которыми комплектовались эти библиотеки.

Заключительная VI глава посвящена библиотекам: монастырским, церковным, библиотекам государственных учреждений. В главе излагается история развития библиотек, дается (на основе описей) анализ состава их книжных фондов, раскрывается особенность каждой из библиотек и методы комплектования их фондов.

Перечисленные главы неодинаковы по размерам, так как основное внимание в книге уделяется новым данным, а сведения, полученные из литературы, излагаются сжато. Новых материалов приводится больше всего в главах III, V и VI, поэтому они и больше других по объему. Книга рассчитана на широкого читателя: историков, историков культуры, историков книги, издательских и биб-

лиотечных работников. Специальные вопросы (вопросы палеографии, текстологии, издательского оформления книги и др.) в ней не затрагиваются.

Настоящая работа является первым из задуманных автором очерков, каждый из которых должен быть посвящен определенному хронологическому периоду. Вследствие этого автор особенно заинтересован в получении отзывов на свою книгу. Все критические замечания и пожелания просьба присылать по адресу: Ленинград, В-164, Библиотека Академии наук СССР, научно-библиографический отдел.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ВМОИДР	— Временник Московского общества истории и древностей российских.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ЧОЛДП	— Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.

Глава первая

ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

XVII век, особенно его вторая половина, является крупной исторической вехой в истории Русского государства. Это был не только канун петровских реформ, подготовленных всем ходом развития России, но и начало их проведения. В области культуры, как и в других областях жизни страны, предпосылки коренных преобразований создались уже в XVII в. Несмотря на то что Россия сильно отставала в культурном отношении от стран Западной Европы, она уже сознавала свою отсталость и была готова перенять все полезное у более культурных народов Запада.

К тому же и «отсталость» была относительной. В основном она заключалась в недостатке образованности населения, в почти полном отсутствии учебных заведений. Однако Россия имела свою самобытную культуру, и население ее вовсе не было поголовно неграмотным, как это считали наши историки XVIII—XIX вв., основываясь главным образом на свидетельствах иностранцев. «Мы привыкли думать, — писал А. И. Соболевский в своей работе «Образованность Московской Руси XV—XVII веков», — что среди русских этого времени было очень немного грамотных, что духовенство было отчасти малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу».[1] Основой такого мнения являлись известное

[1] Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1892, с. 3—4.

письмо новгородского епископа Геннадия митрополиту Симону (конец XV в.), постановления Стоглавого собора, сочинения Посошкова и особенно свидетельства иностранцев.

А. И. Соболевский энергично восстает против подобного представления. Он обращает внимание на то, что, несмотря на огромное количество пожаров и других стихийных бедствий, до нас дошло большое число письменных памятников XV—XVII вв., причем эти документы и книги писались в самых различных уголках государства, не исключая северные окраины и Сибирь. «Над ними должны были трудиться целые тысячи писцов и подьячих, они предназначались еще большему количеству читателей». А. И. Соболевский приводит факты, когда книги, начиная с XV в., писались в селах и деревнях и о том, что в сборниках XV—XVII вв. очень часто встречаются статьи о пользе чтения книг.[2]

На основе изучения большого числа документов XVI—XVII вв. (различных «челобитных», «поручных», «духовных» и т. д.) с собственноручными подписями челобитчиков, поручителей, свидетелей А. И. Соболевский попытался определить состояние грамотности среди различных слоев населения Московской Руси. Он пришел к выводу, что белое духовенство XVI—XVII вв. было поголовно грамотным, в черном духовенстве (монашество) грамотных людей было свыше 75%, среди крупных и мелких землевладельцев — более 50%, среди посадских людей — не менее 20%, среди стрельцов, пушкарей и казаков было, по-видимому, меньше грамотных, хотя и в числе их всегда находились грамотеи; даже грамотные крестьяне не являлись исключением, и процент грамотных среди крестьян едва ли был ниже 15.[3] Разумеется, все эти цифры относились лишь к мужскому населению страны; женщины, как правило, были неграмотными.

Мнение А. И. Соболевского о состоянии грамотности в допетровской Руси в целом является правильным, однако нельзя безоговорочно принять полученные им

[2] Там же, с. 4.
[3] Там же, с. 4—12.

цифры. Впрочем, и сам А. И. Соболевский признавал их условность, учитывая, что наличие (или отсутствие) подписи под документом не является надежным критерием грамотности (или неграмотности) того или иного лица, поскольку, во-первых, грамотные люди той эпохи не всегда сами подписывали документ, а иногда поручали сделать это другим лицам; во-вторых, люди, умевшие читать, могли и не уметь писать; в-третьих, грамотные старики могли сами не подписывать документ из-за слабости зрения.[4]

Но дело не только в этом. Методика подсчетов А. И. Соболевского не является безупречной. На это обратила внимание Н. А. Бакланова в своей статье «Русский читатель XVII века». По мнению Н. А. Баклановой, с которым нельзя не согласиться, ошибкой А. И. Соболевского является то, что он использует данные XV—XVII вв., не делая различия по времени в пределах такого большого периода, и что на основании нескольких «рукоприкладств» на двух-трех документах он делает общее заключение о числе грамотных той или иной группы населения. Вследствие нечеткости своей методики А. И. Соболевский пришел, например, к выводу, что грамотность стрельцов была довольно слабой, а между тем, пишет Н. А. Бакланова, из поручных записей XVII в. видно, что «зачастую эти записи писались стрельцами и на многих из них стрельцы ставили свои рукоприкладства в качестве послухов (свидетелей, — *С. Л.*). Очевидно, среди них было немало грамотных людей. Стоит отметить и то обстоятельство, что стрельцы московских Стремянного и других полков зачастую работали подьячими на Ивановской площади в Москве».[5]

Данные Н. А. Баклановой о грамотности стрельцов подтверждаются и другими фактами. Грамотные стрельцы имелись не только в Москве, но и на отдаленных окраинах Русского государства. Так, например, в Холмогорах в 70-х годах XVII в. четверо стрельцов и человек одного

[4] Там же, с. 4.
[5] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 162—163.

из них занимались перепиской книг для воеводы Ивана Мещеринова[6] (см. об этом на с. 100—101).

Блестящее подтверждение общего положения А. И. Соболевского о сравнительно широком распространении грамотности в допетровской Руси дали археологические раскопки 50—60-х годов нашего века, в результате которых в Новгороде, а потом и в других городах были найдены многочисленные берестяные грамоты — памятники русской письменности XI—XV вв. Большинство этих грамот представляют собой частные письма, в которых затрагиваются вопросы повседневной жизни простых людей. Изучение содержания берестяных грамот показывает, что еще задолго до XVII в. грамотных на Руси было не так уж мало, даже среди представителей низших слоев населения. Интересно, что авторами писем были и женщины.[7]

Другое подтверждение более широкого распространения грамотности в России, чем это представлялось нашим историкам XIX в., дает изучение владельческих надписей на старинных книгах, о чем подробнее будет сказано ниже (см. с. 76—78), а также последние данные, полученные в результате изучения архивных материалов. Выяснение вопроса о том, представители каких слоев населения могли собственноручно подписаться под хранящимися в наших архивах старинными актами, показало, что грамотных в России в XVII в. было немало и что процент грамотных в стране в течение XVII в. несомненно увеличился. Если в XVI в. грамотными были главным образом духовенство и приказные люди (дьяки, подьячие) и гораздо в меньшей степени представители других слоев населения, то в XVII в. грамотность значительно распространилась среди дворянства и населения посада. Так, например, в первой половине XVII в. еще встречались неграмотные и малограмотные воеводы, во второй половине XVII в. таких случаев почти нет.

[6] Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 37—38.

[7] См. опубликованные А. В. Арциховским, М. Н. Тихомировым и другими тексты берестяных грамот (эти грамоты публиковались начиная с 1953 г. в виде отдельных изданий, а также в журнале «Советская археология»).

Любопытны данные о грамотности посадского населения, полученные на основе подсчета собственноручных подписей под документами. В 1686 г. среди мелкого посадского люда Москвы грамотных было 23.6%. В московской Мещанской слободе процент грамотных с 1677 до 90-х годов XVII в. вырос с 36 до 36—52. Интересно, что в 80—90-х годах XVII в. процент грамотных в Соли Камской был выше, чем в Москве, — 40—49.[8]

Приведенные цифры, разумеется, нельзя считать вполне точными. Они характеризуют (и то в известной степени [9]) лишь грамотность более зажиточных слоев мужского населения посада. Впрочем, и среди беднейшего посадского населения было немало грамотных людей, которые кормились лишь «площадным письмом», т. е. составлением различных юридических документов для населения.[10]

Рост грамотности среди городского населения России в XVII в. объясняется возросшими потребностями государства. Грамотные люди были нужны для государственного аппарата (приказные люди), в промышленности и торговле. В Москве в конце XVII в. числилось 178 дьяков и 1450 подьячих,[11] т. е. свыше 1600 человек грамотеев — цифра немалая для того времени. В деревне грамотность была гораздо ниже. Крепостные крестьяне продолжали оставаться в основном неграмотными, более грамотными были крестьяне черносошные.[12]

Таким образом, в конце XVII в. грамотность на Руси была распространена довольно широко среди различных слоев населения, за исключением крепостного крестьянства. Однако уровень грамотности продолжал оставаться низким. Основная масса грамотных умела лишь читать и

[8] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 554—556.

[9] Вспомним мнение А. И. Соболевского о том, что подпись под документом не является надежным критерием грамотности того или иного лица.

[10] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 556—557.

[11] Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года. Л., 1967, с. 147.

[12] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 554.

писать, и то недостаточно хорошо. Это объяснялось плохой постановкой обучения грамоте в ту эпоху.

Вплоть до второй половины XVII в. регулярных школ для обучения грамоте в России не существовало. Грамоте обучались в церквах и монастырях, у отдельных грамотеев («мастеров» своего дела из числа духовенства, приказных и т. д.) или в своих семьях (грамотный член семьи обучал других). Долгое время методика обучения была одна и та же: сначала учились по букварю, потом по Часослову и, наконец, по Псалтырю. Так учились и дети бояр, и дети простолюдинов.[13]

Однако разница все же была. Богатые люди приглашали для обучения своих детей хороших учителей, которые, помимо обучения грамоте и счету, могли дать детям кое-какие добавочные знания. Основная же масса населения пользовалась услугами полуграмотных учителей, неспособных даже толком обучить грамоте. Именно о таких учителях говорится в известном письме новгородского архиепископа Геннадия, на которое ссылается А. И. Соболевский. Геннадий возмущается необразованностью самих учителей. Однако из его письма видно, что обучались грамоте и низшие слои населения и что среди грамотеев были и мужики, т. е. крестьяне.[14]

Наиболее типичным было обучение грамоте в церквах. Во многих из дошедших до нас описей церковных библиотек XVII в., как мы увидим далее (см. главу VI), помимо богослужебных книг, значатся и книги для обучения грамоте: учебные псалтыри и часословы. Обучением грамоте занимались священники, дьяконы, пономари. В сохранившейся порядной записи 1686 г. говорится, что пономарь церкви Николы Чудотворца обязался «книг беречь, и малым робятом, в кои дни доведетца по книгам говорить, а ему, Архипу, над ними смотрить и приказывать накрепко, чтоб они, говоря по книгам, книг берегли, не драли и воском слов не закапывали и по домам из

[13] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2. М., 1915, с. 143, 146—151.

[14] Послание новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону о подьяческом ставлении и необходимости устроить училища для ставленников. — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», СПб., 1841, т. 1, с. 146—148.

церкви книг без спросу и без ведома никто не брал, а ему, Архипу, к себе в дом для научения своих детей церковных книг не имать».[15] Разумеется, подобного рода обучение не могло давать хороших результатов.

Тяга к получению настоящего образования, которая все более и более ощущается в России в XVII в., объяснялась в значительной мере влиянием Западной Европы. Именно в XVII в. сношения России со странами Запада стали более тесными. Развивались дипломатические и торговые отношения, увеличивались культурные связи. Проводниками культурного влияния были ученые люди, выходцы из Белоруссии и Украины, работавшие в Москве в различных областях культурно-просветительной деятельности: переводчиками книг, справщиками Печатного двора и т. д. Здесь прежде всего надо назвать приглашенных в Москву русским правительством Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Дамаскина Птицкого и других поборников просвещения, сыгравших немаловажную роль в развитии культуры в России.

Самой крупной фигурой из них был несомненно Симеон Полоцкий. Широко образованный по тому времени человек, горячий сторонник просвещения в России и обмирщения русской культуры, автор ряда ученых трудов не только богословского характера, поэт и писатель, переводчик, руководитель одной из первых школ в Москве и специально созданной для него типографии, воспитатель царских детей, Полоцкий сделал много для развития просвещения в России. Его деятельность в этой области подготовила открытие в Москве первого высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии.

Не случайно, что проникновение в Россию иностранной культуры шло именно через Белоруссию и Украину — пограничные земли тогдашнего Русского государства, в которых приобщение к западной культуре шло значительно более быстрыми темпами, чем в центральных областях России. В Киеве, как известно, Академия была создана на несколько десятков лет ранее, чем в Москве, и из числа воспитанников этой Академии вышло немало будущих дея-

[15] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, с. 292—293.

телей в области просвещения в России. Следует также указать, что книги, изданные на Украине и в Белоруссии, несмотря на то что они подвергались гонениям в Московской Руси, получили большое распространение в различных кругах русского общества. Книги эти пользовались спросом и расходились на Руси не только в подлинниках, но и в многочисленных списках и переводах.[16]

Наряду с выходцами из Украины и Белоруссии значительное влияние на развитие культуры в России в XVII в. оказали греки, переселившиеся из Турции. Наиболее крупными деятелями среди них были братья Иоанникий и Софроний Лихуды, прибывшие в Москву в 1685 г. Назначенные первыми преподавателями учрежденной в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии, Лихуды, как мы увидим далее, добились отличных успехов учащихся, при этом преподавание велось по специально составленным ими же учебникам.

Лихуды были проводниками греческой православной культуры и выступали против латинского образования. Споры между сторонниками греческого и латинского образования сопровождались богословской дискуссией о таинстве причастия. Лихудов поддерживал патриарх Иоаким, а сторонников латинской культуры, которых возглавлял ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев, поддерживали В. В. Голицын и правительница Софья. Московское общество в своих симпатиях к враждующим партиям раскололось. Несомненно, в этих спорах более прогрессивную позицию занимала партия латинян, а греческая партия, внешне принявшая реформу Никона, опиралась на более консервативные круги духовенства.[17]

Большое культурное влияние на русских оказала иностранная научная и художественная литература, проникновение которой в Москву и другие города страны в XVII в. значительно возросло. Произведения иност-

[16] Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). Исследование. — «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», 1891, ч. 24, с. 117—134.

[17] Там же, с. 145—172, 230—236; Краткий очерк истории русской культуры..., с. 146.

ранных авторов распространялись в России как в оригиналах, так и в переводах, в печатных изданиях и в списках. И. А. Шляпкин в своем исследовании «Св. Дмитрий Ростовский и его время» приводит большое число примеров переводов иностранных научных книг, сделанных у нас в XVI и XVII вв. Список И. А. Шляпкина разнообразен по своей тематике: здесь и историческая, и филологическая, и географическая, и астрономическая, и биологическая, и медицинская, и архитектурная, и военная, и художественная литература.

Особым вниманием, как видно из списка И. А. Шляпкина, пользовалась литература по космографии: в 1565—1568 гг. были переведены на русский Космография и польская летопись, в 1584 г. — Космография Марцина Бельского, являющаяся 5-й книгой его известной «Хроники всего мира», в 1630 г. — очень популярная Космография Гергарда Меркатора, она же была переведена и в 1637 г.; в 1655—1667 гг. переводится Космография в 76 главах, составленная по Меркатору и Бельскому. Из исторической литературы назовем переводы: извлечение из польской Хроники Гвагнина (Гваньини, переведено в 1652—1654 гг.), 1-я книга Хроники Стрыйковского (1682 г.), «О убиении Карлуса I английского» (перевод Е. Славинецкого) и др.; из филологической литературы переводились словари, грамматики; из медицинской — лечебники. Из других областей знания назовем переводы «Анатомии» Андрея Везалия Брюссельского (перевод Е. Славинецкого), «О свойствах человеческого тела» (1677 г.), «Селенография» И. Гевелия, «О пушечных и иных разных ратных делах мастерствах» (1621 г.), «О случаях военных» Ю. Фронтина (перевод К. Истомина, 1693 г.) и т. д.[18]

Число сделанных в России переводов иностранных книг непрерывно возрастало: если за весь XVI в. известно только 26 переводов, а за первую половину XVII в. — 13, то за вторую половину XVII в. сделано 114 переводов. Характерно, что из всех переведенных произведений иностранных авторов только 37 были религи-

[18] Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время..., с. 76—94.

озно-нравственного содержания, все же остальные книги относились к светской литературе.[19]

Переводы иностранных книг о строении Вселенной, книг по географии, философии, истории и другим наукам расширяли мировоззрение русских, пробуждали в них интерес к познанию мира. Одной из излюбленных книг в России в XVI—XVII вв. была «Луцидарис» — краткий, написанный в форме вопросов и ответов курс мироведения и географии. Немецкий оригинал этой книги восходит к латинскому тексту XII в. Гонория Отенского, пытавшегося согласовать натурфилософию Аристотеля с богословием. Капитальные труды по космографии Гергарда Меркатора (в русском переводе «Книга, глаголемая космография, сиречь всего света описание»), Луки де Линда (в русском переводе «Луки Делинда описание света») и др., распространенные в России, стояли еще на геоцентрической точке зрения, которой придерживались духовные власти. Однако уже в XVII в. Россия познакомилась и с учением Коперника. В 1657—1658 гг. Епифаний Славинецкий перевел вышедшую в Амстердаме в 1645 г. обширную Космографию Иоганна Блеу, в которой наряду с учением Птолемея излагалось и учение Коперника.[20] Однако это сочинение осталось известным сравнительно небольшому кругу лиц. К тому же знакомство России с учением Коперника произошло с опозданием более чем на 100 лет.

Такое же запоздание в ознакомлении с новейшими научными идеями наблюдалось и в других областях знания. Запад был уже знаком с философией Бэкона, Декарта, Спинозы, а в России распространялись переводы сочинений, излагавших труды Аристотеля и философов-схоластов. Так, например, в России очень популярен был трактат средневекового схоласта Раймунда Люлла (1235—1315), известный у нас под названием «Великая наука» и неоднократно переиздававшийся на Западе. В этом труде делалась попытка охватить в общей схеме весь мир духовный и материальный. Автор излагал

[19] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 562.

[20] Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. Изд. 2-е. М.—Л., 1947, с. 30—32, 50—53, 120—132.

взгляды Аристотеля, причем большое место в труде отводилось астрологии.[21]

Несмотря на то что русским приходилось знакомиться далеко не с самыми передовыми научными воззрениями Запада, распространение иностранных научных трудов в России имело положительное влияние на развитие культуры страны; разумеется, с научной литературой могла знакомиться лишь верхушка тогдашнего общества и немногочисленные ученые люди.

В XVII в. необходимость приобретения знания у иностранцев хорошо понималась знатью. В царской семье и в семьях бояр становилось довольно обычным явлением обучение детей учителями из иностранцев или учеными людьми из числа белорусов и украинцев. Таким учителем и наставником детей Алексея Михайловича был Симеон Полоцкий. Многие обучали своих детей иностранным языкам. Знание латинского и польского языков не было редкостью. Известно, например, что В. В. Голицын знал языки латинский, немецкий, греческий, что дети царя Алексея Михайловича Алексей, Федор и Софья учились польскому языку и читали польские книги, что сын А. Л. Ордина-Нащокина говорил на нескольких иностранных языках, и т. д.

И не только в Москве, но и в провинциальных городах России были люди, знающие иностранные языки. Так, например, известно, что один из самозванцев XVII в. Т. Д. Акиндинов, родившийся в 1617 г. в семье вологодского торговца, рано научился грамоте, прочел много книг, знал латынь, интересовался астрологией.[22]

Для XVII в. как раз характерно проникновение иностранного влияния не только в верхние слои русского общества, но и в широкие круги населения. В своей работе, посвященной данному вопросу, Н. Д. Чечулин подробно рассматривает пути, по которым распространялось это влияние. Большое число иноземцев, прибывавших

[21] Там же, с. 53—61.

[22] Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII—XVIII веков. — «Вопросы истории», 1969, № 3, с. 144. По данным С. М. Соловьева, фамилия этого самозванца была Акундинов и он был сыном стрельца (Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 5, т. 10. М., 1961, с. 464).

в Россию через Псков, Нарву, Великие Луки и Архангельск, нанимались на русскую службу. Некоторые из них были приглашены правительством, другие предлагали свои услуги по собственной инициативе. Служилые и торговые иностранцы составляли в русских городах целые колонии. В Москве основание колонии относится уже к XV в., а в середине XVII в. немецкая слобода в Москве насчитывала уже свыше 1000 человек. Подобные колонии существовали в Вологде, Нижнем Новгороде, Астрахани, Архангельске, Холмогорах, Туле.[23]

Число иностранцев, прибывавших в Россию, увеличивалось во время войн. Пленников правительство расселяло большими партиями во внутренних городах страны: Нижнем Новгороде, Владимире, Угличе, Казани, городах Сибири и т. д. Во время войны с Польшей, начавшейся в 1654 г., было захвачено очень большое число пленных. Их в качестве холопов направляли в различные части государства, преимущественно же в Москву.

При заключении мира в 1667 г. было условлено, что пленники, не перешедшие в православие, должны вернуться на свою родину. Однако через два-три года началось возвращение в Россию бывших пленников, которые привозили с собой и своих родичей. В Москве собралось такое большое число выходцев из Польши, что их пришлось поселить в особой Мещанской слободе. В 1676 г. в ней насчитывалось 570 дворов с мужским взрослым населением до 1200 человек. Это были ремесленники различных специальностей. Характерно, что только около четверти этих людей прибыло прямо в Москву. Остальные предварительно побывали в различных местах Русского государства, даже в Белозерске, Енисейске и т. д. Во время своих странствий они, разумеется, тесно общались с русским населением.[24]

Н. Д. Чечулин говорит и еще об одном пути проникновения иностранного влияния — через русских пленных, побывавших длительное время за рубежом. Число таких пленников, возвратившихся позднее в Россию, было зна-

[23] Чечулин Н. Д. К вопросу о распространении в Московском государстве иностранных влияний. М., 1902, с. 4.
[24] Там же, с. 4, 6—8.

чительным. В 1623 г. патриарх Филарет предписал допрашивать русских, возвратившихся из плена, не нарушали ли они свои религиозные обязанности в плену. В архивах сохранились записи Патриаршего приказа об исполнении этого распоряжения только за неполный год. И все же через Патриарший приказ прошло проверку за это время до 150 человек, из них не меньше 65 побывали в плену от 10 до 20 лет, а были и такие, которые находились за рубежом 30—40 лет и исходили буквально всю Европу. Эти 150 человек принадлежали к 48 городам России от Смоленска до Арзамаса и от Рыльска и Оскола до Ярославля, Углича, Костромы, Старицы, Бежецка и Суздаля.[25]

Таким образом, в XVII в. общение простых русских людей с иностранцами стало значительно более тесным, постепенно исчезала та отчужденность от западной культуры, которая была характерна для России предыдущих веков. Почва для проведения реформ в области культуры была подготовлена, и русский народ был готов учиться у более культурных народов Западной Европы и сознавал необходимость такого учения.

Проведение реформ облегчалось также и тем, что в XVII в. самобытная культура России сделала значительный шаг вперед. В связи с обследованием обширных, до того времени не изученных территорий Восточной Сибири расширился географический кругозор русских людей. Приобретенные знания дали возможность составления географических обзоров и чертежей Сибири, самым значительным из которых была «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова (1701 г.). По заданию правительства делались описания прилегающих к Сибири иностранных государств («статейные списки русских послов»). Известный переводчик XVII в. Николай Спафарий, отправленный в 1675 г. послом в Китай, по возвращении представил в 1678 г., кроме обычного статейного списка, также и двухтомное описание Сибири и Китайского государства.[26]

[25] Там же, с. 5—6.

[26] Арсеньев Ю. В. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708). — ЧОИДР, 1900, кн. 4, отд. 1. Материалы исторические, с. 16—17.

Росли познания русских и в других областях естественных наук: математике, физике, химии, что было вызвано практическими потребностями, связанными с развитием военного дела (артиллерии, изготовления взрывчатых веществ, фортификации и т. д.) и промышленности (металлургии, производства красок). Очень популярные в ту эпоху различные лечебники (из которых некоторые были написаны русскими людьми) говорят о познаниях русских в области медицины и ботаники (лечебные травы). В астрономических рукописях, излагавших чаще всего учение Птолемея, отражены познания в области астрономии. Из сказанного видно, что в XVII в. в России накопление знаний происходило почти в каждой отрасли естественных наук, однако уровень теоретической разработки вопросов оставался низким, вследствие чего русская наука отставала от западноевропейской.[27]

Новые шаги сделаны были и в исторической науке. Для появившихся в эти годы повестей и сказаний об исторических событиях характерным является отказ от традиционного летописного изложения хода событий и попытка отбора фактов исходя из основной идеи произведения. Появляются крупные исторические труды: «Новый летописец», «История» Грибоедова, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, новые редакции Хронографа и др.[28]

Дальнейшее развитие получила и русская литература, которая все более и более высвобождалась из-под влияния церковной идеологии, а целый ряд сатирических повестей того времени имеет ярко выраженный антиклерикальный характер. Появляются и крупные писатели: Г. Котошихин, С. Полоцкий, Сильвестр Медведев и др. А в произведениях выходца из Хорватии Ю. Крижанича пропагандируется необходимость образования, использование иностранного опыта (переводы иностранных книг), хотя и высказывается предостережение от излишнего увлечения иностранщиной.

Русское правительство постепенно становилось на путь преобразований в области культуры. Все чаще приглаша-

[27] Краткий очерк истории русской культуры..., с. 156—157.
[28] Там же, с. 151—153.

лись на русскую службу иностранные специалисты, закупались через послов за рубежом иностранные книги. По распоряжению правительства в Посольском приказе, где были сосредоточены лица, знавшие иностранные языки,[29] делались переводы иностранной научной литературы. Именно здесь была переведена в 1637 г. известная уже нам Космография Г. Меркатора. По поручению царя был сделан Е. Славинецким перевод труда И. Блеу, в котором излагались взгляды Коперника. Епифаний Славинецкий относится к числу наиболее плодовитых переводчиков XVII в. В списке его переводов, опубликованном В. М. Ундольским, значится около трех десятков переводов, причем значительную часть их составляют переводы книг светского содержания, например «Уставы гражданоправительные от Фукидидовы истории» (кн. 1), «Конец книги Плиния второго», «Книга врачевская анатомия», «О убиении краля Аггелского» и др.[30] Широко известны своей переводческой деятельностью А. А. Виниус, Кревет, Спафарий.[31]

Получавшиеся в Москве иностранные газеты (голландские, немецкие) направлялись в Посольский приказ, где переводились для сообщения царю. Со второго десятилетия XVII в. при царском дворе стали изготовляться рукописные «Ведомости», или «Куранты», — нечто вроде газеты, составленной из переводов иностранных известий.[32] Посольский приказ во времена, когда им ведал А. С. Матвеев, создал, как мы увидим далее (см. главу II), ряд рукописных книг светского содержания. При дворе Алексея Михайловича появился театр, в котором играли не только иностранные актеры, но и русские, обу-

[29] Во время Котошихина в Посольском приказе было около 50 переводчиков и 70 толмачей (Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование, т. 1. СПб., 1862, с. 187).

[30] Ундольский В. М. Ученые труды Епифания Славинецкого. — ЧОИДР, 1846, кн. 4 (заседание 30 ноября 1846 г.), отд. 4. Смесь, с. 69—72.

[31] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 7, т. 14. М., 1962, с. 473; Арсеньев Ю. В. Новые данные о службе Николая Спафария в России..., с. 1—31.

[32] Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 24—32.

ченные у иностранцев. Таким образом, как отмечает С. М. Соловьев, появление театрального училища в Москве предшествовало основанию Славяно-греко-латинской академии.[33]

Как уже говорилось, положение с учебными заведениями в России было особенно неблагополучным. Долгое время в стране вообще не было регулярных школ, и лишь в XVII в. такие школы начали создаваться, однако в ряде случаев они были недолговечны. За неимением в Москве учебных заведений все, кто желал получить образование, вынуждены были ехать в Киев или за границу. Так, например, московские жители Иван Озеров и Перфилий Зеркальников, близко стоявшие к ученому кружку киевских старцев в Москве, выхлопотали себе проезжую грамоту в Киев для пополнения образования.

Желание получить образование было не только у жителей Москвы. Из челобитной некоего Андрея Семенова сына Незговорского мы узнаем, что в 1655 г. (т. е. на другой год после воссоединения Украины с Россией) он приехал из Тобольска в Киев «книжного ради учения». Незговорскому не повезло. Он был, по-видимому, принудительно взят в подьячие бояриным В. Б. Шереметевым, участвовал в походе, попал в плен к полякам, снова был подьячим и лишь в 1661 г. «для полонного терпения» был отпущен в Москву.[34] Некоторые русские люди для получения образования отправлялись учиться даже в польские латинские школы.[35]

Необходимость учреждения в Москве таких школ, в которых учащиеся могли не только обучаться грамоте, но и получать образование, давно уже была очевидна светским и духовным властям, особенно после появления раскола в русской церкви. Однако долгое время дело тормозилось из-за того, что не могли найти преподавателей.

[33] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 7, т. 13. М., с. 136—137, 143.

[34] Эйнгорн В. О. К истории просвещения на Руси в XVII в. — ЧОИДР, 1891, кн. 1, отд. 4. Смесь, с. 5—8.

[35] Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии. — «Прибавления к изданию „Творения св. отцов в русском переводе“», 1889, кн. 4, с. 597.

Попытку организации школы при созданном им Андреевском монастыре сделал в конце 40-х годов XVII в. Ф. М. Ртищев, пригласивший в этот монастырь ученых монахов из Киева.[36] По сведениям Олеария, в Москве по указу царя и патриарха была учреждена греко-латинская школа, во главе которой был поставлен Арсений Грек. С. А. Белокуров убедительно доказал, что эти данные относятся не к 30-м годам XVII в., как ошибочно считали некоторые исследователи, а к 50-м годам, когда Арсений Грек был возвращен патриархом Никоном из Соловецкой ссылки.[37] Школа находилась при Чудовом монастыре.

В 1665 г. в Заиконоспасском монастыре в Москве была основана «школа грамматического обучения» для молодых подьячих приказов. Здесь их обучали не только русской грамматике, но и латинскому языку. Для школы было построено специальное здание. Во главе ее стоял Симеон Полоцкий.[38]

Все перечисленные школы еще нельзя считать регулярными. Число учащихся в них, по-видимому, было очень невелико, да и сами школы не были долговечны. В своей работе о греко-латинских школах в Москве Н. Ф. Каптерев правильно отметил недостаточность наших сведений о московских школах этого периода, а подчас и противоречие этих сведений другим известным нам фактам. Однако на основе разбора всех имеющихся данных Н. Ф. Каптерев приходит к крайним выводам: вероятнее всего, что до 80-х годов XVII в. образовательных школ в Москве вообще не было.[39] Тем не менее Н. Ф. Каптерев все же не отрицает факта существования школы Полоцкого, которая, по его мнению, была не общеобразовательной, а выполняла чисто практическую задачу — обучить очень небольшое число подьячих латинскому языку.[40] На наш взгляд, полное отрицание Н. Ф. Каптеревым факта существования школ Арсения

[36] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 565.
[37] Белокуров С. А. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. М., 1888, 43 с.
[38] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 566.
[39] Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке..., с. 615.
[40] Там же, с. 611—612.

Грека и Ф. М. Ртищева (пусть эти школы и очень сильно отличались от школ последующего времени) является недостаточно обоснованным.

В 1681 г. правительством царя Федора была учреждена школа при московском Печатном дворе, в котором обучали русской грамматике и греческому языку. Во главе школы стоял русский монах Тимофей, знавший греческий язык. Число учащихся в школе быстро возрастало и в 1686 г. достигло 232 человек, из которых 66 обучались греческому языку, а 166 славянской грамматике.[41] Из архивных дел мы узнаем, что в 1683 г. в школу Тимофея было отпущено с Печатного двора 50 азбук, 10 псалтырей и 10 часословов.[42] Одновременно со школой Тимофея существовала учрежденная в 1682 г. при Заиконоспасском монастыре школа Сильвестра Медведева (о ней будет сказано в главе V).

Школа Тимофея была предшественницей Славяно-греко-латинской академии, основанной, как известно, в 1687 г. и первоначально называвшейся Славяно-греко-латинским училищем. Учреждение Академии было крупным событием в истории культуры России, так как было создано первое в стране высшее учебное заведение, к тому же учебное заведение, которое по первоначальному плану ставило перед собой задачу дать учащимся общее, а не только богословское образование. Здесь обучали грамматике, пиитике, риторике, диалектике, философии, психологии, физике, греческому и латинскому языкам.

Академия была доступна для лиц различных слоев населения. В ней получали образование как дети знати, так и дети духовенства и чиновничества. Первоначально учащихся было всего 28 человек (взятых из типографской школы), но в дальнейшем число учеников стало быстро расти. Преподавателями школы были известные

[41] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 566; Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке..., с. 649—653; Соловьев А. Н. Государев Печатный двор и синодальная типография в Москве. Историческая справка. М., 1903, с. 40. В «Очерках истории СССР» указывается, по-видимому, ошибочная дата открытия типографской школы — 1680 г.

[42] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, № 229, л. 1.

нам братья Лихуды, которые поставили обучение настолько хорошо, что уже через три года ученики могли переводить латинские и греческие книги. После того как по проискам иерусалимского патриарха Досифея Лихуды в 1694 г. были удалены из Академии, их заменили их бывшие ученики Федор Поликарпов и Николай Головин.[43] Начиная с самого основания Славяно-греко-латинская академия была тем учебным заведением, которое давало стране кадры образованных людей, использовавшихся правительством в различных областях государственной и общественной деятельности.

[43] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, с. 566—567; Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 24—25, 36—37.

Глава вторая

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО. ПЕРЕПИСКА КНИГ

Большое значение в деятельности русского правительства в области просвещения имело книгопечатание. В отличие от западноевропейских стран, где со времени возникновения книгопечатания типографии находились в частных руках и издание книг было делом частной инициативы, в России книгопечатание с самого начала являлось монополией государства, которое определяло направление издательской деятельности, подчинив ее задачам, стоящим перед светской и церковной властями феодального государства.

Характерно, что в течение длительного времени вся типографская деятельность была сосредоточена лишь в столице страны — Москве, поскольку Киевская типография до 1654 г. находилась за пределами Русского государства, а типография в Нижнем Новгороде (1613—1614 гг.) и Иверском монастыре (1655—1665 гг.) вследствие кратковременности своего существования большого значения не имели.

XVII век явился новой страницей в истории книгопечатания в России. Количество книг, изданных в стране, стало быстро возрастать. Если за всю вторую половину XVI в. в Москве было напечатано лишь 18 книг, то в течение XVII в. вышло уже 483 издания, т. е. в среднем выходило в год около 5 книг. Любопытны данные по десятилетиям XVII в., которые приводит Н. П. Киселев: [1]

[1] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века.— «Книга. Исследования и материалы», 1960, сб. 2, с. 130—133.

Годы	Количество изданий
1601—1610	13
1611—1620	10
1621—1630	45
1631—1640	68
1641—1650	78
1651—1660	60
1661—1670	42
1671—1680	33
1681—1690	63
1691—1700	71
Всего	483

Как видно из приведенных цифр, расцвет книгоиздательской деятельности приходится на 40-е годы XVII в., период, когда книгопечатанием руководил патриарх Иосиф (Дьяков), уделявший большое внимание изданию книг. Далее следовал спад издательской деятельности (до 80-х годов), и лишь в конце века количество выходивших книг снова возросло. Интересно, что многие книги вышли в большом числе изданий, что свидетельствовало о значительном спросе на них. Так, Псалтырь в XVII в. издавался 44 раза (и, кроме того, 21 раз Псалтырь с восследованием), Служебник — 28 раз, Часовник — 27 раз, Евангелие напрестольное — 22 раза и т. д.[2]

Однако дело было не только в возрастании числа изданий в XVII в., гораздо важнее было другое — расширение тематики выходивших книг. В течение почти столетия, с начала книгопечатания в Москве до 40-х годов XVII в., в России издавались почти исключительно богослужебные книги. Очевидно, духовные и светские власти страны считали, что главной задачей книгопечатания является удовлетворение потребности церквей (число которых все увеличивалось) в исправных богослужебных книгах. С 40-х годов XVII в. картина меняется: начи-

В монографии «Русское книгопечатание до 1917 года. 1564—1917» (М., 1964, с. 54) дается другая цифра числа книг, вышедших в Москве в XVII в.: 482 (авторы главы Н. П. Киселев и Е. Л. Немировский).

[2] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века, с. 136.

нают издаваться и книги для чтения. Первой такой книгой был Пролог — двухтомный сборник житийных и нравоучительных статей (вышел в 1641—1643 гг.), пользовавшийся на Руси большой популярностью и много раз переиздававшийся.

Вслед за Прологом последовали сборники, или, по тогдашней терминологии, соборники (их в XVII в. вышло 10), представлявшие собой собрания сочинений византийских и отечественных церковных писателей. Произведения византийских писателей стали выходить также отдельными изданиями, печатались поучения русских церковных иерархов, начала выходить учебная литература и, что особенно важно, книги вполне светского содержания.

Издание азбук и букварей являлось новшеством. В предыдущую эпоху (вплоть до второй трети XVII в.) основной книгой, по которой учились грамоте, был, как известно, Псалтырь. Однако потребность в специальных книгах для обучения чтению была велика. Поэтому в XVII в. Печатный двор в Москве выпустил восемь изданий азбук, в том числе и известную Азбуку Бурцова,[3] которые быстро расходились.

Еще большим новшеством было издание книг для чтения светского содержания. Таких книг вышло в XVII в. семь: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (перевод с немецкой книги Вальхаузена), широко известная Грамматика Мелетия Смотрицкого, Уложение царя Алексея Михайловича, «Тестамент Василия, царя греческого, своему сыну Льву Философу» (два издания), «Считание удобное» (таблица умножения), «Краткое обыкновенное учение о строении пеших полков».

По мнению Н. П. Киселева, издания XVII в. можно разделить по их содержанию на три группы:

1) книги богослужебные — 410 (84.89%);

2) книги религиозного содержания, но не богослужебные — 66 (13.66%);

3) книги нерелигиозного содержания — 7 (1.45%). Всего 483 книги.

Это деление, разумеется, весьма условное и дает несколько искаженное представление о содержании изданий

[3] Русское книгопечатание до 1917 года, с. 55—60.

XVII в. Так, например, Н. П. Киселев отнес к богослужебным книгам все издания смешанного характера, в которых вслед за описанием службы тому или иному святому дается житие этого святого. С нашей точки зрения, едва ли правильно зачислить в книги религиозного содержания все буквари только на том основании, что в них для обучения чтению использовались преимущественно религиозные тексты. Кроме того, надо учитывать, что многие издававшиеся в XVII в. произведения, казалось бы религиозного характера, например известная «История о Варлааме и Иоасафе», по существу являлись книгами для занимательного чтения и религиозное их содержание было как бы внешней, привычной для людей того времени оболочкой, а не сущностью книг.[4] Таким образом, цифры, приведенные Н. П. Киселевым, дают неполное представление о гражданском характере изданий XVII в. по сравнению с тем, как это было в действительности.

Книгопечатание в России находилось в ведении патриарха и верховная духовная власть осуществляла строгую цензуру над выходящими книгами. Нередки были случаи, когда уже вышедшую, говоря теперешним языком апробированную, книгу затем осуждали (например, Устав церковный 1610 г. или Кормчую 1650 г.), и приходилось либо заменять отдельные листы, либо перепечатывать книгу целиком.[5] С еще большим подозрением относились к немосковским изданиям: украинским, белорусским, литовским. Некоторые издания вообще запрещались. В 1673 г., как мы увидим далее (см. с. 52), московская цензура наложила запрет на продажу 14 изданий (377 экз.) из числа книг киевской печати, присланных архимандритом Киево-Печерского монастыря Гизелем для продажи в Москву. Позднее при патриархе Иоакиме недоверие к киевским изданиям перешло в открытое гонение.

Основной типографией в России был московский Печатный двор, созданный еще при Иване Грозном (во время польской интервенции Печатный двор находился

[4] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века, с. 134—135.

[5] Русское книгопечатание до 1917 года, с. 56.

в Нижнем Новгороде). В 1620 г. для Печатного двора в Москве на Никольской улице были отстроены новые каменные палаты, и с тех пор работа его непрерывно расширялась. Если в 1622 г. в типографии было лишь 6 станов, то в 1624 г. было уже 8, в 1629 г. — 9, в 1633 г. — 14 станов.[6] При типографии имелся ряд вспомогательных мастерских, помещавшихся в деревянных строениях: словолитня, рисовальная и резная, переплетная, столярная, кузница, рудня (где коптилась сажа для чернил), горн для варения олифы. Таким образом, это был уже целый комбинат, в котором при патриархе Иосифе (1642—1652 гг.) работало 165 человек.

В XVII в. существовало разделение труда типографских рабочих. Образовались специальности: наборщик, разборщик, «тередорщик» (печатник), «батыйщик» или «батырщик» (наносил краску на форму), словолитец, «знаменщик» (художник), «резец» (гравер), переплетчик и др. Каждый стан представлял как бы особое отделение типографии, при котором работали два наборщика, один разборщик, четыре тередорщика, четыре батыйщика. Книги набирали различными шрифтами.[7]

Большое значение в типографии имели «справщики», которые занимались редактированием рукописей, подготовлявшихся к печати, и чтением корректур. Справщики заседали в Правильной палате и составляли как бы особую постоянную комиссию, обычно из пяти человек: три справщика, один чтец, один писец. К их услугам была типографская библиотека для наведения необходимых справок. В числе справщиков были самые передовые люди того времени: Арсений Суханов, Епифаний Славинецкий, Сильвестр Медведев, Федор Поликарпов, Тимофей и др. Это была высшая интеллигенция XVII в., к которой правительство часто обращалось с различными ответственными поручениями. Справщики, помимо работы в типографии, занимались переводами, были авторами книг.[8]

[6] Там же, с. 53.
[7] С о л о в ь е в А. Н. Государев Печатный двор и синодальная типография в Москве. Историческая справка. М., 1903, с. 20, 26—27; Русское книгопечатание до 1917 года, с. 53.
[8] С о л о в ь е в А. Н. Государев печатный двор..., с. 29—30.

Хорошо понимая значение справщиков, правительство принимало активные меры к разысканию для выполнения этих обязанностей наиболее образованных людей, которые, говоря языком царской грамоты 1616 г., «подлинно и достохвально извычни книжному учению и граммотику и риторию умеют». Такие люди, за отдельными исключениями, выбирались из монахов и вдового белого духовенства, их искали в монастырях, имевших богатые книгохранилища, а со второй половины XVII в. на должности справщиков стали брать также выходцев из Белоруссии, Украины и Греции.[9]

Придавая большое значение Печатному двору, правительство подбирало не только справщиков, но и других работников этой типографии с большой осторожностью. Каждый новый, или «прибылой» (по терминологии того времени), человек мог поступить на Печатный двор лишь после того, как он представит коллективное поручительство своих будущих сотоварищей по печатному стану. Такие же челобитные и поручительства требовались и при повышении их в должности. В фондах Центрального государственного архива древних актов в Москве сохранился целый ряд челобитных о зачислении на работу и поручные записи мастеровых Печатного двора.[10]

Так, например, мастеровой Надей Захарьев в своей челобитной на имя царя пишет (июнь 1651 г.): «Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне быть у своего, государь, книг печатного дела в разборщиках на выбылое на Макарьево место Федорово, а тому, государь, Макарью, велено быть в наборщиках отставленного наборщика на Иваново место Никифорова, а на мое место в батырщики вели, государь, быть брату моему, прибылому батырщику Ивану Титову».

Далее в деле следует поручная запись о Захарьеве всех мастеровых этого стана, в которой написано, что «быть ему, Надье, у государева книжного печатного дела в наборщиках и... никаким воровством не воровать, и

[9] Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). — ЧОИДР, 1896, кн. 3, отд. 4. Исследования, с. 163.
[10] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, № 8, лл. 1—2 об.; № 15, л. 1—1 об.; № 21, лл. 1—2 об.; № 78, лл. 1—2 об. и др.

государевой казне хитрость не чинить, и не бражничать, и за бражничеством своим дела не поставить, и, взяв государево денежное и хлебное жалованье, не збежать», в противном случае поручители согласны платить пеню, «что государь укажет»;[11] подобная же поручная запись была дана и на «прибылого» батыйщика Ивана Титова.[12]

Несмотря на низкую оплату труда,[13] работа на Печатном дворе все же настолько привлекала грамотных людей того времени, что ради получения желанного места они согласны были даже идти на жертвы. Так, например, в июле 1653 г. Митко Клементьев просил в своей челобитной предоставить ему место его дяди батыйщика Печатного двора Лукьяна, соглашаясь уплатить оставшийся после него кабальный долг 20 руб. — сумма огромная по ценам того времени.[14]

Круг обязанностей мастеровых Печатного двора был строго определен. Дополнительная работа рассматривалась как «излишняя» и подлежала особой оплате. Видимо, она и выполнялась в неурочное время. Сохранились челобитные об оплате сверхурочной работы. В 1686 г. столяр Елизар Савельев просил заплатить ему за разборку стана (выдали 20 алтын, т. е. 60 коп.); кузнец Никита Еремеев писал в челобитной, что он «тянул стали на пунсоны... болши пуда», и просил выдать ему «против прежних дач» (т. е. столько, сколько платили ему раньше). Кузнецу было заплачено 2 руб.[15]

Начало печатания нового издания отмечалось молебном. Служащим и мастеровым людям выплачивались деньги «на калачи» в соответствии с должностью, которую занимал каждый. Так, например, в ноябре 1686 г., когда начали печатать Минею тиражом 1200 экз., было выплачено «на калачи»: дьяку 16 коп., трем подьячим

[11] Там же, № 8, лл. 1—2.
[12] Там же, № 15, л. 1—1 об.
[13] В 1623/24 г. наборщики получали в год всего по 15 р. 40 к., разборщики и тередорщики — по 11 р. 50 к., батыйщики — по 10 р. 50 к. Вследствие сильного недовольства мастеровых правительство в 1630 г. было вынуждено повысить оплату за труд (Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 29—32, 70—71).
[14] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, № 21, лл. 1—2 об.
[15] Там же, № 63, л. 1—1 об.; № 64, л. 1—1 об.

по 8 коп., трем писцам по 4 коп., 16 наборщикам по 4 коп., восьми разборщикам, 32 тередорщикам, 32 батыйщикам, знаменщику, резцу, олифленнику, руднику, двум приставам, двум словолитцам, двум кузнецам, двум столярам, восьми сторожам по 2 коп.[16] Эти деньги зачитывались в счет стоимости книг. По окончании набора выводилась себестоимость книги и подавалась докладная патриарху об определении продажной цены. Подробнее об этом будет сказано в главе III.

В 50—60-х годах XVII в. деятельность Печатного двора сократилась, однако затем постепенно наступает новый подъем. В 1683 г. в типографии работало снова 12 станов. Число выходивших книг увеличивалось, но увеличивались и строгости цензуры. В 1674 г. справщикам было запрещено без разрешения руководства типографии вносить какие-либо изменения в текст набиравшихся книг. При патриархе Иоакиме было приказано каждую новоизданную книгу перед выходом ее в свет прочитывать в Крестовой палате в присутствии патриарха.[17]

Как мы уже видели, московский Печатный двор был той типографией, в которой впервые в России начали печатать светские книги. Однако в Москве существовала (правда, непродолжительное время) и другая типография, печатавшая книги светского содержания, — это была так называемая Верхняя типография, учрежденная в 1678 г. в помещении царского двора специально для издания произведений Симеона Полоцкого. Особенностью этой типографии было то, что она имела право издания книг без специального на то разрешения патриарха, т. е. она была освобождена от духовной цензуры. За короткое время своего существования (1678—1683 гг.) Верхняя типография издала всего 6 книг, в том числе «Букварь языка словенска» и «Обед душевный» С. Полоцкого, «Тестамент Василия, царя греческого», и др.[18]

Помимо московских типографий, в XVII в. в России имелись и другие типографии: в Иверском монастыре,

[16] Там же, № 267, л. 1.
[17] Соловьев А. Н. Государев Печатный двор..., с. 35, 38—40.
[18] Русское книгопечатание до 1917 года, с. 62—63.

в Киеве и Новгороде-Северском (позднее переведена в Чернигов). Типография Иверского монастыря, основанная патриархом Никоном в 1655 г. и в 1665 г. переведенная в Новый Иерусалим (ныне Истра), где она, по-видимому, бездействовала, не оставила существенных следов в истории русского книгопечатания (издала лишь три книги малого формата).

Киевская типография при Киево-Печерской лавре возникла в 1616 г., т. е. до возвращения Киева России. Со времени своего основания типография никогда не замыкалась в рамки издания одной лишь богослужебной литературы. Здесь печатались, например, похвальные слова, иногда стихотворные произведения. В 1627 г. Киевской типографией был издан «Лексикон славяно-российский, имен толкование» П. Берынды, заключавший в себе 6982 термина. В период, когда Киев снова вошел в состав Русского государства, типография Киево-Печерской лавры работала под руководством Иннокентия Гизеля, чрезвычайно образованного человека, поборника не только политического, но и культурного единства Украины с Россией. Выдающимися изданиями типографии этого времени являются «Мир с богом человеку» (1669 г.) — трактат о морали, характеризующий состояние общества на Украине во второй половине XVII в., — и «Синопсис» Гизеля (1679 г.) — первое доступное всем пособие по русской истории на славяно-русском языке. «Синопсис» является самым популярным изданием Киевской типографии, которое много раз переиздавалось.[19]

Типография в Новгороде-Северском была основана известным политическим и литературным деятелем того времени Лазарем Барановичем, большим другом Москвы. За время своего существования с 1674 по 1679 г. она напечатала несколько изданий на славянском и польском языках, самым крупным из которых был «Анфилогион». В 1680 г. типография возобновила свою деятельность уже в Чернигове. За 20 лет (до 1700 г.) ею было выпущено около 40 изданий, из которых богослужебные книги составляли явное меньшинство.

[19] Там же, с. 54, 85—99.

Среди книг Черниговской типографии наиболее интересным было «Руно орошенное» Дмитрия Ростовского — книга нравоучительная, полусветского характера, считавшаяся, по-видимому, интересным чтением, так как в короткое время (до 1702 г.) выдержала семь изданий. Кроме того, типография издала ряд панегириков, большинство из них в стихотворной форме, полемические сочинения Галятовского на польском языке, учебник риторики и др.[20] Таким образом, издания Черниговской типографии отличались разнообразием тематики. В этот период своей деятельности она еще не подчинялась стеснительным условиям цензуры Москвы.

Из всего сказанного видно, что, несмотря на то что типографий в России в XVII в. было немного, они издали большое число книг разнообразной тематики. В этот период, особенно во второй половине XVII в., издавалось уже немало книг для чтения и начали выходить книги светского содержания. Популярность книг росла, и многие из них переиздавались неоднократно.

Быстрое развитие в России в XVII в. книгопечатания не привело к уменьшению значения рукописных книг. Переписка книг, практиковавшаяся еще в древней Руси начиная с появления в ней грамотных людей, являлась до начала книгопечатания единственным способом размножения литературы. Книгопечатание не только не прекратило практику переписки книг, но, по-видимому, и не сократило ее размеры. И в XVII, и даже в XVIII в. переписывание книг продолжалось, хотя, как мы знаем, число выходивших в России книг непрерывно росло. Объяснялось это явление рядом причин.

Во-первых, как мы увидим далее, печатные книги на Руси стоили очень дорого и рукописные книги вплоть до XVIII в. зачастую оказывались дешевле печатных. Во-вторых, многих ходовых печатных книг все же не хва-

[20] Каменева Т. Н. 1) Книгопечатание в Чернигове (1646—1818). — «Проблемы источниковедения», М., 1959, т. 8, с. 273—292; 2) История Черниговской типографии (XVII—XVIII вв.). Автореф. дисс. М., 1964, с. 6—8; Клепиков С. А. Издания Новгород-Северской типографии и ложночерниговские издания 1674—1679 годов. — «Книга. Исследования и материалы», М., 1963, сб. 8, с. 256.

тало, особенно в провинции, и проще было переписать книгу, чем искать ее в продаже, тем более когда дело касалось редких книг. В-третьих, на Руси во второй половине XVII в. значительная часть населения, придерживавшаяся раскола, относилась враждебно к новым изданиям Печатного двора (вышедшим после реформ Никона) и признавала только рукописные и старопечатные книги. В-четвертых, и это было особенно важно, по тематике своих изданий книгопечатание далеко не удовлетворяло растущих потребностей населения. В известной уже нам работе Н. П. Киселев пишет, что в допетровское время книгопечатание не отражало развития русской общественной мысли и русская литература успешно развивалась лишь в рукописных книгах.[21]

Так оно и было в действительности. В отношении издания книг светского содержания правительство в XVII в. делало лишь первые шаги, а среди населения в большом числе экземпляров распространялись рукописные исторические и бытовые сатирические повести, переводные западноевропейские романы, книги о строении Вселенной, лечебники и т. д. Таким образом, переписка книг восполняла как пробелы в тематике изданий XVII в., так и недостаток печатных книг, а в целом ряде случаев рукописная книга успешно конкурировала с книгой печатной.

Вследствие большой стоимости книг в XVII и XVIII вв. (и в более раннее время) переписка книг была прибыльным делом, и с давних лет существовали на Руси писцы-профессионалы, которые брались за деньги переписывать книги. Эти писцы выходили прежде всего из числа духовенства, но были и представители других слоев населения. Мы уже знаем, что воевода Мещеринов нанимал для переписки книг двинских стрельцов. В числе переписчиков у него работали также «Сенка псаломщик», «соловецкие выходцы» старец Дионисий и Иосиф по прозвищу Елень и человек стрельца Васки Антипина Савоска Яковлев.[22] Из розыскного дела Федора Шакловн-

[21] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века, с. 128—129.

[22] Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 37—38.

того видно, что перевод с греческого, который делал дьякон Афанасий, переписывали набело «гулящие люди»,[23] по-видимому из посадского населения.

По мнению Л. М. Костюхиной, переписчиками произведений светской литературы (бытовых повестей, рыцарских романов и т. д.) в XVII в. были по преимуществу представители светского населения и в первую очередь посадские люди. Кроме посадских, перепиской занимались подьячие, «служние люди», жившие в монастырских слободах и выполнявшие различные поручения монастырей, а также холопы. Такой переписчик из дворовых людей Олферец по прозвищу Ворон был у князя И. П. Шаховского, переписчиками были также крепостные: боярина С. В. Ромодановского — И. Х. Родионов, князя Н. И. Одоевского — Дмитрий Квачевский, стольника И. Н. Вельяминова — Федот Извеков. Дмитрий Квачевский нанимался даже для переписки книг в мастерскую Посольского приказа.[24]

Работа по переписке книг была трудоемкой и продолжалась месяцами. Так, например, из пометы на рукописной книге «Венец веры» видно, что она переписывалась с 28 июня по 30 августа 1699 г., т. е. два месяца.[25] Запись начала XVII в. говорит о том, что рукопись, писанная полууставом, «Поучение Симеона Нового богослова» форматом в 1 лист объемом 223 листа переписывалась с 26 апреля по 12 октября 1614 г., т. е. более пяти месяцев (около полутора листов в день).[26] Однако остается неясным, занимался ли писец только перепиской или отрывался на другие работы. Кроме того, надо учитывать, что переписка полууставом шла медленнее, чем скорописью. Поэтому данный пример для XVII в. едва ли

[23] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 166.

[24] Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела в России XVII века. — В кн.: Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 58, 59, 67.

[25] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 33.

[26] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 165—166.

можно считать типичным, и переписка скорописью шла, конечно, быстрее, чем полтора листа в день.

Интересны сведения о технике переписи. В статье М. Н. Тихомирова о записях на старинных книгах приводится запись на книге Иоанна Златоуста, сообщавшая, что эта книга писалась с 1 апреля по 5 июня 1622 г. «коленным писанием»,[27] т. е. писец держал рукопись на коленях, как это показано на миниатюрах того времени. Разумеется, такой способ переписки не содействовал скорости выполнения работы.

Вследствие своей трудоемкости переписка книг стоила немалых денег (учитывая стоимость рубля в XVII в.). Записи на книгах дают примеры платы за работу писцов. В 1604 г. за «писмо» Минеи форматом в 1 лист полууставом заплачено (за 598 листов) 20 алтын (7 р. 20 к. в переводе на деньги конца XIX в.), за переписку в Москве полууставом сборника в четверку в 314 листов заплачено гораздо больше — 3 р. 50 к. (42 руб. в деньгах конца XIX в.).[28]

Интересную запись о плате за переписку приводит в своей статье Н. А. Бакланова. На одном из сборников полууставом имеется запись: «Лета 7131 (т. е. 1628, — *С. Л.*) году сию книгу... писал... поп Иван Шапкин Пунемец, а цену ему от писма склали христолюбцы Иван Семенов Патрик две гривны денег, Савва Зарецкой с Пунемы пол полтины, Анна Тарасова жена Мартьянова пол полтины, Никита Овдокимов дал бычка, и того бычка продали, а взяли на нем осьмнадцать алтын, и те деньги отдали за тое ж книгу, Конан Софронов два алтына, Тимон да Варлам Осиповы гривну, да прикладных денег дали гривну».[29] Переписка книг была настолько дорогим делом, что платить за нее пришлось в складчину шести человекам, которые все вместе собрали $1^1/_2$ руб. (18 руб. на деньги конца XIX в.). Здесь интересно соотношение: стоимость переписки равнялась стоимости

[27] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков..., с. 31.

[28] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, с. 17. О соотношении стоимости рубля в XVII и XIX вв. будет сказано в главе III.

[29] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 165.

трех бычков (за бычка выручили 18 алтын, т. е. 54 коп.).

На одной из рукописей XVII в. приводится совет старого писца молодому: «Се ж ти ученье книжного писма на люди не пиши... а почнет хто приговаривать, и ты от часовничной тетради менши алтына не возми, потому в два дни тетрат, скажи, едва написат, масло и свечи горят и на чернило натягивай, на хлеб и на вологу, было б чем дело сподобляти».[30] В этой записи интересны данные и о стоимости переписки, и о скорости, с которой переписывались книги. Одну тетрадь (8 страниц текста) переписывали за 2 дня (4 страницы в день). Вспомним, что полууставом писали за день $1^1/_2$ листа, или 3 страницы текста. За 8 страниц переписки платили 1 алтын (3 коп.), а день работы писца стоил $1^1/_2$ коп.

Вследствие трудности переписки нередки были случаи, когда книгу брались переписывать не один, а двое и более переписчиков. Текст они распределяли между собой, по-видимому, по тетрадям, а в конце работы тетради сшивались в книгу. Так переписывали Деяния апостолов для воеводы Мещеринова два «соловецких выходца» Дионисий и Иосиф.[31]

Книги переписывались по заказу как для частных владельцев книг, так и для библиотек государственных и церковных. К пополнению своих собраний путем переписки книг и рукописей прибегали едва ли не все владельцы частных библиотек. Некоторые книги они переписывали собственноручно, другие переписывались по их заказу. Так, например, архиепископ Великоустюжский Александр, узнав о том, что в библиотеке сольвычегодского Введенского монастыря имеется интересующая его Космография Козьмы Индикоплова, просил прислать ее к нему «на Устюг для списания».[32] Мы увидим далее, что перепиской книг пополняли свои библиотеки Сильвестр Медведев, Афанасий Холмогорский и другие владельцы книжных собраний.

[30] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги..., с. 18.
[31] Дело о пограблении Соловецкого монастыря..., с. 37.
[32] Боцяновский В. Ф. К истории просвещения в древней Руси XVII века. Книги в Устюге Великом. СПб., 1892, с. 17.

За счет переписки книг пополнялись и монастырские библиотеки. Во многих крупных монастырях для переписки книг существовали специальные книжные мастерские палаты. По всем данным, они имелись в Троице-Сергиевом, Соловецком, Антониево-Сийском, Кирилло-Белозерском, Чудовом и ряде других монастырей. Автор статьи по истории рукописного дела в России в XVII в. Л. М. Костюхина приводит интересные данные. В Чудовом монастыре в начале XVII в. за один год было переписано 17 томов книг религиозного содержания объемом от 300 до 1220 листов каждый. Палеографический анализ показал, что работало одновременно 22 писца, причем предисловия к томам писал один писец. Разметка текста производилась заранее. Редактирование текста проводили сами писцы, но, кроме того, было два справщика.[33] Из всего этого следует, что «над чудовскими рукописями трудилась целая группа монахов-писцов, представлявшая собой какое-то производственное объединение внутри монастыря».[34]

Книгописные монастырские палаты работали как для удовлетворения потребностей своего монастыря, так и по заказам других монастырей и, по-видимому, частных лиц. Так, например, книжная палата Соловецкого монастыря занималась, между прочим, перепиской книг специально для продажи. Об этом говорят пометы на книгах вроде: «Живет в книжной палате (имеется в виду книга, — *С. Л.*), а пишут с нее жития в денежную казну на продажу».[35]

Крупнейшим заказчиком рукописных книг был царский двор. В 70—90-х годах XVII в. по его заказу художественной мастерской Посольского приказа был сделан целый ряд богато иллюстрированных рукописных книг, из которых бо́льшая часть была светского содержания. Инициатором «строения» (по тогдашней терминологии) книг был начальник Посольского приказа А. С. Матвеев. В «строении» книг принимал участие це-

[33] Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела..., с. 59—63.
[34] Там же, с. 63.
[35] Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», М.—Л., 1962, т. 18, с. 303.

лый ряд лиц: 1) переводчики и составители текста, 2) переписчики, 3) иллюстраторы (иконописцы, золотописцы), 4) переплетчики, 5) золотых и серебряных дел мастера, изготовлявшие украшения к переплетам. Многие переводы делал известный переводчик Николай Спафарий.

Приведем названия некоторых из книг светского содержания, сделанных в Посольском приказе: «Книга, а в ней собрание, откуду произыде корень великих государей царей и великих князей российских...», или «Титулярник», «Книга об избрании на превысочайший престол... Михаила Федоровича... и возведение на патриарший престол Филарета Никитича», «Василиологион» (о подвигах монархов древних времен и русских), «Александрия», «Книга огнестрельного художества», «Книга о триугольномерии и землемерии», «Книга о мельничном строении», три книги о животных (скоты и звери, птицы, рыбы и гады).[36] Таким образом, тематика книг Посольского приказа была достаточно разнообразна.

Несмотря на то что книги «строились» всего в 2—3 экз. (1 экз. оставался в Посольском приказе), деятельность Посольского приказа по созданию светских книг имела большое значение. Даже те книги, которые «строились» в поднос царю, переписывались и размножались в большом числе списков, и продукция Посольского приказа успешно конкурировала с продукцией Печатного двора.[37] Таким образом, в последней трети XVII в. в Москве существовал, кроме Печатного двора, второй

[36] Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — «Книга. Исследования и материалы», М., 1963, сб. 8, с. 179—244; Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. — В кн.: Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической и культурной жизни. М., 1961, с. 392—411; Михайловский И. Н. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 5—9.

[37] Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа, с. 244. Как мы увидим далее (см. с 138), рукопись «Хрисмологион», очевидно одна из копий рукописной книги, «строенной» в Посольском приказе; в конце XVII в. принадлежала некоему Коробовскому.

издательский центр, тематика «изданий» которого была значительно более актуальной.

Кроме государственных и монастырских мастерских по переписке книг, существовали и частные мастерские, объединявшие книгописцев и художников и работавшие на рынок. Такой мастерской, по данным Л. М. Костюхиной, была мастерская П. П. Деревянина, жителя Москвы, но родом из Галича, под руководством которого во второй половине XVII в. работало несколько писцов и рисовальщиков. Мастерская Деревянина занималась перепиской и иллюстрацией книг, которые пользовались большим спросом в ту эпоху: житийные сборники, апокалипсисы, космографии. Таким образом, эта мастерская работала на рынок.[38]

[38] Костюхина Л. М. Из истории рукописного дела..., с. 68—69.

Глава третья

КНИГОТОРГОВЛЯ

Книга была предметом продажи с незапамятных времен. В предисловии к знаменитому Апостолу Ивана Федорова (1564 г.) говорится о том, что книги продавались «на торжищах», причем это было обычным явлением и для более раннего времени. Точные сведения о местах торговли книгами сохранились лишь от XVII в. Из архивных данных и из записей на старинных книгах мы узнаем, что в Москве в XVII в. книги продавались в торговых рядах, но любопытно, что специальный книжный ряд в Москве упоминается лишь в 80-х годах XVII в., а более ранние дошедшие до нас сведения говорят о покупке книг не в книжном, а в овощном и других торговых рядах. Отсюда можно сделать предположение, что книжный ряд в Москве появился лишь в последней четверти XVII в. Это предположение в какой-то мере подтверждается данными описи обывательских дворов московской Мещанской слободы 1677 г. В описи указывается род занятий хозяев дворов, и лишь про одного из жителей сказано, что он «торгует на Крестце книгами».[1] Но торговал ли он в книжном ряду или в другом месте, остается неясным.

В нашей литературе имеется единственное упоминание о существовании книжного ряда в Москве значительно ранее 70-х годов XVII в. Автор статьи «Надписи на ста-

[1] Опись московской Мещанской слободы обывательским дворам и поименной список, кто чем промышляет, 1677 года. Из бумаг покойного М. П. Заблоцкого. — ЧОИДР, 1860, кн. 2, отд. 5. Смесь, с. 14.

ринных книгах» А. Н. Лебедев, приводя запись на рукописной книге XVI в. Минея служебная (месяц октябрь) «продал сию книгу Минею Рождества пречистые поп Иван в книжном ряду Гришке Кишкину», делает вывод о существовании книжного ряда в Москве уже в XVI в.[2]

Однако приведенная А. Н. Лебедевым помета, заимствованная из «Описания славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры», никак в этом издании не датирована.[3] Ознакомление же с оригиналом Минеи (на которой сделана помета), хранящейся в настоящее время в Рукописном отделе Библиотеки СССР им. Ленина, показало, что эта помета сделана почерком XVII в.[4] Таким образом, предположение А. Н. Лебедева о существовании в Москве в XVI в. книжного ряда является ошибочным.

Какие же факты дошли до нас о книготорговле в XVII в.? Из записи на рукописной книге XVII в. Минея общая (полуустав XVII в.) мы узнаем, что в 1631 г. крепостной крестьянин Д. М. Пожарского Ивашко Осипов Попов продал эту книгу «во вошном (т. е. в овощном, — *С. Л.*) ряду торговому человеку Никите Юрьеву, а подписал сам своею рукою».[5] Из другой записи (на рукописной книге Стихирарь) устанавливается, что ее в 1635 г. продал Семен Матфеев сын, «что книгами торгует».[6] Известно также, что книги для царевича Алексея Михайловича покупались в Москве у сидельцев Строгановых (видимо, в 30-х годах XVII в.).[7]

От середины XVII в. (и более позднего времени) сведения о книготорговле сохранились в архивах. Так, известно, что в августе 1651 г. по поручению правитель-

[2] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896 (прилож. к журн. «Книговедение» за 1896 г.), с. 27.
[3] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 2. М., 1878, с. 163.
[4] Рукоп. отд. Библ. им. Ленина, ф. 304, 1, № 487 (523), лл. 106—110.
[5] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, с. 156—157.
[6] Там же, с. 147.
[7] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2. М., 1915, с. 592—593.

ства были куплены в овощном ряду в Москве различные богослужебные и богословские книги (всего 38 книг). При этом называются и имена торговцев, у которых куплены книги: Гришка Григорьев, Силка Никитин, Варфоломей Семенов, Юрка Белозерцев, Васка Макаров.[8]

От 1651 г. имеются и другие сведения. Архиепископ Сибирский Симеон обратился в Москву с просьбой выслать ему необходимые для богослужения книги. Только часть просимых книг нашлась на Печатном дворе. Остальные пришлось покупать в овощном ряду. Характерно, что на Печатном дворе книги оказались непереплетенными (т. е. не подготовленные для продажи), а в овощном ряду все книги продавались в переплете. Всего было куплено 10 книг на 38 р. 26 алтын. В том же году для церквей Сибирской епархии было куплено в овощном ряду еще две книги. В деле перечисляются и имена торговцев овощного ряда, у которых были куплены книги. Снова мы встречаем Силу Никитина, Варфоломея Семенова, Ваську Макарьева (видимо, Васка Макаров).

Кроме того, называются торговые люди Онуфрий Евтихеев и Леонтий Иванов.[9] Из других архивных данных мы узнаем, что в июне 1669 г. у торгового человека овощного ряда в Москве Ивана Максимова был куплен ряд богослужебных книг.[10] Продажа книг в овощном ряду продолжалась и в последующие годы.

В 80-х годах XVII в. упоминается уже московский книжный ряд. Как видно из архивных документов, в марте 1681 г. было закуплено у торгового человека этого ряда Петра Григорьева большое число книг: 300 учебных азбук, 10 учебных псалтырей, 50 часословов.

[8] Материалы для истории книгопечатания и книжной торговли в России (сообщил И. Е. Забелин). — «Библиографические записки», 1861, т. 3, стлб. 136—137. Приводя эти сведения в известной уже нам статье, А. Н. Лебедев ошибочно относит упомянутые факты к двум датам: 1651 и 1654 гг. (с. 28—29). Между тем все покупки были сделаны в одно время — 1 августа 1651 г.

[9] Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей XVII в. Стоимость церковных книг в Москве в 1651 г. — «Библиограф», 1890, № 2, отд. 1, с. 26—27.

[10] Эйнгорн В. Из архивных мелочей XVII века. Московские книжные цены в 1669 г. — «Библиограф», 1892, № 3, отд. 1, с. 117—118.

Вся эта литература была послана в «Казанские городы»,[14] очевидно, для обучения грамоте крещенных народностей края. В 1690 г. Сибирский приказ закупил в книжном ряду в Москве 11 богослужебных книг для отсылки в мангазейский Троицкий монастырь. Книги продал торговый человек Федор Турчанин, который одновременно торговал также церковными сосудами, ризами и другими подобными товарами.[12]

Несмотря на наличие книжного ряда, книги продолжали продаваться по старой традиции и в овощном ряду. Да и в книжном ряду наряду с книгами продавались и иконы. Такой торговый ряд икон и книг значится в Москве в Китайгороде по описи 1695 г.[13] Книжные торговцы в необходимых случаях привлекались правительством в качестве экспертов для оценки книг. Так, в 1675 г. оценку книг митрополита Сарского и Подонского Павла производили торговые люди «овошного ряду» Иван Фокин «с товарищи».[14] В 1689 г. оценку книг опального боярина В. В. Голицына производили торговые люди уже книжного ряда Федка Харитонов и Федка Игнатьев.[15]

Книги в Москве можно было купить и на Печатном дворе, который продавал свои издания желающим. Однако до 40-х годов XVII в. у Печатного двора не было своей лавки, и книжная продукция в эти годы продавалась в принудительном порядке. Всякий раз, как выходила новая книга, какое-то количество экземпляров подносилось высокопоставленным лицам (царю, патриарху и т. д.), основная же часть тиража рассылалась «по памятям», т. е. по спискам, по церквам и монастырям

[11] Материалы для истории книгопечатания. . ., стлб. 137.

[12] Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей XVII в. Московские книжные цены в 1690 г. — «Библиограф», 1890, № 5—6, отд. 1, с. 63—64.

[13] Поршнев Г. И. История книжной торговли в России. — В кн.: Книжная торговля. Пособие для работников книжного дела. М.—Л., 1925, с. 81.

[14] Брайловский С. Н. Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке. Чудовский инок Евфимий. — ЧОЛДП, 1890, кн. 2, № 9, отд. 1, с. 401—403.

[15] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 4. СПб., 1893, стлб. 45—46, 57—58

Москвы и других городов, причем требовалось собрать деньги за эти книги и выслать в Печатный приказ.

В Центральном государственном архиве древних актов сохранились данные о том, что издания Печатного двора в принудительном порядке продавались торговым людям Москвы. В 1619 г. была напечатана в количестве 1026 экз. книга Минея сентября и октября месяцев (516 и 510 экз.). Из этих книг 12 было поднесено царю, царице и патриарху, несколько экземпляров роздано бесплатно по челобитным, 6 экз. продано (2 князю Ивану Ивановичу Одоевскому и 4 «володимирцу» Семену Елизарьеву), оставшиеся экземпляры приказано было распределить между торговыми людьми Москвы с принудительной оплатой себестоимости книг (по 75 коп. за каждый экземпляр).

В деле имеются подробные сведения, куда и сколько экземпляров было отдано. При распределении книг правительство совершенно не считалось с тем, какими товарами торговали те или иные ряды или лавки. Книги были переданы в такие ряды, как овощной, сурожский, пушной, шапочные, кафтанные, скорняжный, медовый, котельный, луковый, рыбный, «что торгует свежей рыбой», и т. д. Кроме того, по определенному количеству экземпляров для продажи должны были взять торговые люди московских улиц, например торговцы Никитской улицы — 6 экз. Минеи, Петровской улицы — 5 экз. и т. д. Крупным торговым рядам полагалось купить больше книг (овощным — 72 экз. Минеи, Сурожскому — 66 экз. и т. д.), более мелким — лишь по нескольку экземпляров (свечной нижний ряд — 3, котельный — 8 и т. д.).

Всего было принудительно продано в Москве 920 книг, из них 711 в торговых рядах Китайгорода и 209 в Белом городе. Деньги за книги уплачивали старосты рядов, иногда сразу же, иногда в несколько сроков. Кроме того, 74 экз. было передано для принудительной продажи церквам и «к торговым людям в лавки» (в том числе 54 посланы в Казанскую епархию) и 6 экз. продано в Приказе книгопечатного дела.[16] Так был принудительно «реализован» (говоря современным языком) весь тираж

[16] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 1, лл. 1—36.

Минеи. Как видно из того же архивного дела, с другими изданиями поступили так же.

Впоследствии, по-видимому, в связи с недовольством московских торговых людей стали стремиться больше книг рассылать по епархиям. Сохранились сведения, уже от 1626—1637 гг., о принудительной продаже изданий Печатного двора населенным пунктам Устюжской четверти.[17] Как видно из опубликованной переписки по этому вопросу, в «памяти» (т. е. памятной записке) Приказа книгопечатного дела (от 29 октября 1626 г.) сообщалось дьяку Устюжской четверти М. Смывалову, что ему направлено 90 экз. Шестоднева и столько же экземпляров Часовника. Смывалову предлагалось, переслав немедленно в Печатный приказ деньги за эти книги из средств Устюжской четверти, сами книги разослать по городам этой четверти с тем, чтобы книги были отданы там «по соборным церквам и по монастырем и торговым людем в лавки». Города, в которые рассылались книги, обязаны были выслать за них деньги в Устюжскую четверть в Москве и тем возместить затраченные ею средства.

К «памяти» прикладывалась и разнарядка, куда сколько посылать книг: «на Устюг Великий» полагалось послать Шестоднева и Часовника по 30 экз., «к Соли Вычегодской» — Шестоднева — 20, Часовника — 20, «на Тотму и в уезд», а также «на Чаронду и в уезды» — по столько же. Деньги за книги взимались по себестоимости (т. е. без всякой наценки) «для просвещения божиих церквей» (за Часовник брали по 25 коп., за Шестоднев 1р. 30к.).[18] Подобные же «памяти» сохранились от 23 февраля 1627 г. (рассылка Минеи мая месяца), от 22 января 1628 г. (рассылка Псалтыря с восследованием, Минеи июня месяца), от 4 сентября 1628 г. (рассылка Евангелия напрестольного и Часовника), от 31 августа 1629 г. (рассылка Минеи июля месяца), от 14 июля 1637 г. (рассылка Минеи декабря месяца, канонников и уставов).[19]

[17] Акты, относящиеся к распространению печатных богослужебных книг в XVII веке (из рукописей Е. В. Барсова). — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. 5. Смесь, с. 1—6.

[18] Там же, с. 1—2.

[19] Акты, относящиеся к распространению печатных богослужебных книг в XVII веке, с. 3—5.

Сохранилась и челобитная крестьян Чарондского округа царю Михаилу от 1627 г., они протестуют против действия воеводы Ф. М. Извольского, взыскивающего с них деньги за присланные книги. По твоему указу, пишут крестьяне, велено присланные книги передать в монастыри, в соборные церкви и в лавки торговых людей, а у нас в Чарондском округе «общих монастырей и соборных церквей и торговых людей нет» и воевода Извольский раздает книги в волостные церкви, а деньги взыскивает с нас, государевых крестьян. А между тем у нас в церквах книги уже есть. Крестьяне просят царя освободить их от этого побора. В деле есть помета: «За нынешние книги деньги заплатите, а впредь к вам книг не пошлют».[20] Однако, как мы знаем, книги на Чаронду продолжали посылаться и позднее. Аналогично рассылались книги и по другим местам. Стремление правительства продать весь без остатка тираж каждого нового издания приводило к тому, что Печатному двору в необходимых случаях приходилось покупать на рынке свои же издания по удороженной цене.

После пожара Печатного двора в 1634 г. в связи с большими затратами на восстановительные работы было решено продавать новые издания типографии не по себестоимости, а с наценкой. Это практиковалось и в последующие годы.[21] В 1640 г. по приказу царя на Печатном дворе была устроена специальная книжная лавка (для этого поставлена особая «горница на подклети»),[22] где всегда можно было приобрести издания этой типографии. Однако практика рассылки книг по городам едва ли была оставлена полностью, по крайней мере подобные факты наблюдались даже в XVIII в.

В Москве продавались книги не только Печатного двора. После воссоединения Украины с Россией книги киевской печати широким потоком хлынули в Москву. В 1669 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель предложил правительству купить

[20] Там же, с. 5—6.

[21] Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 56.

[22] Румянцев В. Е. Древние здания московского Печатного двора. М., 1869, с. 29.

у него все издания книги «Беседы на деяния апостольские», напечатанной в Киеве для продажи в Москве и других городах России. Правительство отказалось, но разрешило Гизелю «вольную продажу» киевских изданий в Москве.

В 1672 г. Гизель прислал в Москву для продажи большое число книг «печерского издания и всяких диалектов» на русском, славянском и польском языках. Здесь были буквари, грамматики, жития святых виршами (т. е. в стихотворной форме), а также богослужебная литература. Посланцы Гизеля арендовали специальную лавку в Москве и продавали книги по ценам, ниже московских. Однако, вследствие того что правительство не разрешило продажу польских книг, не вся привезенная литература была распродана. В следующем, 1673 г. Гизель снова прислал для продажи в Москву книги (около 800 экз.), из коих не менее 1/6 части было на польском языке. Московские власти не разрешили продавать, как «несходные с новоисправленными московскими», почти половину книг (377 экз.). Однако, идя навстречу киевскому духовенству, они все же согласились взять в казну по продажной цене запрещенную ими литературу. При этом киевскому архимандриту не было разрешено вновь привозить подобные книги для продажи в Москву.

В 1675 г. архиепископ Черниговский, известный нам Лазарь Баранович, прислал в Москву книг на 731 руб. в надежде, что правительство купит эту литературу. Правительство сначала отказалось, предложило Барановичу самому организовать продажу своих книг в Москве, но так как эта продажа шла туго, оно все же оплатило стоимость привезенных книг, запретив Барановичу в дальнейшем привозить книги в Москву.[23] И. Гизель и Л. Баранович относились к числу друзей Москвы, и русскому правительству было очень важно поддержать их в те трудные времена, когда спор за Украину еще не был полностью разрешен. Поэтому правительство не останавливалось перед большими финансовыми затратами, решив купить ненужную ему литературу.

[23] Эйнгорн В. О. О распространении в Москве в третью четверть XVII в. книг киевской и львовской печати. — ЧОИДР, 1895, кн. 2, отд. 5. Смесь, с. 18—19; Адрианова В. П. Материалы

Присылая в Москву для продажи большое число польских книг, украинцы знали, что делали. Спрос на польские книги в столице был немалый, так как польский язык был хорошо известен образованной части русского общества. Пользовались спросом, как мы знаем, и киевские издания, иногда правительство даже специально закупало эти издания в Киеве.[24]

Торговля книгами велась не только в Москве, но и в других городах России. Книжный торговый ряд был в Новгороде. Книги можно было купить и в монастырях, во многих из которых существовала так называемая «книгохранительная казна».[25] В Киеве имелись три крупных книжных лавки: лаврская, академическая и при магистрате. Киевским изданиям приходилось выдерживать конкуренцию львовских. Количество книг, продаваемых Львовским братством в Киеве, росло из года в год: если в 1646 г. продано было книг на 3948 злотых, то уже в 1676—1681 гг. на 12 821, а в 1690 г. на 17 517 злотых.[26]

Интересны сведения о торговле книгами в одном из отдаленнейших городов России — Енисейске. В архиве министерства юстиции сохранились сведения о книгах, продававшихся в Енисейске в 1649 и 1687 гг. Выясняется, что в 1649 г. продавались книги 38 названий, а в 1687 г. вдвое меньше — 19 названий. Все это была богослужебная и богословская литература. Исключение составляют только азбуки печатные и грамматики. Характерно, что книги в росписи цен на разные товары, составленной местными торговыми людьми, поставлены в одной группе с предметами церковного обихода: «оклады образные серебряные и золоченые, и серебро дельное в мелочах, и книги печатные, и вино церковное».[27] Таким образом, в Енисейске

для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, с. 23—24.

[24] Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899, с. 868, 869.

[25] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги..., с. 24—25.

[26] Поршнев Г. И. История книжной торговли в России, с. 81—82.

[27] Оглоблин Н. Н. Книжный рынок в Енисейске в XVII в. — «Библиограф», 1888, № 7—8, отд. 1, с. 281—284.

было то же, что и в Москве: отдельных книжных лавок не существовало, а книги продавались вместе с церковными предметами.

Приведенные данные о книготорговле в такой глухой провинции, как Енисейск, позволяют сделать вывод, что торговля книгами в XVII в. существовала едва ли не во всех городах России. Правда, продавались почти исключительно книги религиозного содержания, но уже ощущался спрос и на учебную литературу, и на книги для чтения. Следует сказать, что далеко не все акты купли-продажи книг происходили на рынке. Часто понравившуюся книгу приобретали непосредственно у ее прежнего владельца без захода в книжную лавку или на рынок. До нас дошло большое число записей на полях старинных книг, в которых упоминаются имена лиц, продавших книгу и купивших ее. Таким образом, устанавливается широта распространения книг. Об этом будет сказано ниже (см. главу IV).

Очень интересен вопрос о ценах на книги. Мы располагаем сравнительно большим числом сведений о ценах на книги за разные годы XVII в. Помимо того, этому вопросу посвящено специальное исследование В. П. Адриановой, данные из которого приводились уже нами выше. При сопоставлении цен надо всегда помнить, что курс рубля в XVII в. менялся. По данным В. О. Ключевского, стоимость рубля в различные периоды истории России по отношению к стоимости рубля 80-х годов XIX в. была следующая:[28]

1500 г.	100 руб.
1501—1550 гг.	63—68 »
1551—1600 гг.	60—74 »
1601—1612 гг.	12 »
1613—1636 гг.	14 »
1651—1700 гг.	17 »

Разумеется, эти данные очень приблизительны, так как они получены В. О. Ключевским лишь на основании сопоставления цен на хлеб в разные исторические пе-

[28] Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему (материалы для истории цен). — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 4. Исследования, с. 72.

риоды. Однако представление об изменении стоимости рубля цифры В. О. Ключевского все же дают.

Как уже говорилось, в нашем распоряжении имеется довольно много данных о ценах на книги в XVII в. Эти сведения почерпнуты из архивных источников, опубликованной литературы, из записей на старинных книгах и рукописях. К сожалению, сохранившиеся данные о ценах не всегда сопоставимы, так как в целом ряде случаев мы не знаем, о каком точно издании идет речь (год его выхода из печати, формат, наличие переплета и т. д.).

Наш обзор о книжных ценах мы начнем с цен, по которым продавались книги Печатного двора — основной типографии в России в XVII в. Как видно из опубликованных и архивных материалов, издания Печатного двора поступали в продажу по ценам, установленным правительством. Если до середины 30-х годов XVII в., как мы видели, книги Печатного двора продавались по себестоимости, то в дальнейшем правительство стало стремиться извлекать прибыль из работы типографии.

Каждый раз, когда заканчивался набор какой-либо книги, на Печатном дворе делался расчет ее себестоимости. Эти сведения со всеми подробностями сообщались в специальном доношении на имя патриарха (а иногда на имя царя), причем задавался вопрос, по какой цене следует книгу «отдавать в мир», т. е. продавать. Большое число таких доношений сохранилось в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, и из них можно почерпнуть весьма ценные сведения о себестоимости и продажной цене книг.[29] Некоторые из этих данных мы приведем ниже.

Очень интересные сведения о том, как производился расчет себестоимости книги Уложение, можно почерпнуть из выписки из расходной книги Печатного двора за 1649 г., опубликованной в «Сборнике Археологического института».[30] В расходной книге приведены все до мелочей расходы по типографии, которые связаны

[29] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 3, №№ 39, 42, 108, 110, 210 и др.
[30] Выписка из расходных книг, хранящихся в библиотеке синодальной типографии, № 34, лл. 317—322. — «Сборник Археологического института», СПб., 1879, кн. 2, с. 21—23.

с изданием этой книги: стоимость бумаги и прочих материалов (краска, холсты, мука для клейстера, гвозди и т. д.), жалованье работников типографии, стоимость переделок и т. д. Эти данные мы свели в таблицу, опустив подробности и исправив допущенные писцом XVII в. арифметические ошибки при подсчетах (табл. 1).

Таблица 1

Стоимость напечатания тиража (1200 экз.) Уложения

Наименование расходов	Сумма	В % к общей сумме
Стоимость бумаги (430 стоп по 1 р. $2^1/_2$ к. стопа)	440 р. 75 к.	48.8
Стоимость прочих материалов	41 р. $95^1/_2$ к.	4.6
Жалованье типографских мастеровых 12 станов (наборщиков, разборщиков, тередорщиков, батыйщиков) за $1^1/_2$ месяца и 2 дня их работы	270 р. 12 к.	30.0
Жалованье справщиков, подьячих, сторожей и др.	1 р. 26 к.	0.1
Прочие расходы (стоимость дров, угля, олова, чернил, бумаги, починки оборудования, переплета, «подносных» экземпляров Уложения, калачей для мастеровых людей, оплаты молебна попу и т. д.)	24 р. $91^1/_2$ к.	2.7
Стоимость переделок (рабочая сила и материалы)	124 р. 26 к.	13.8
Всего	903 р. 26 к.	100

Из числа 1200 экз. книг было поднесено царю 9 экз. (6 в переплете «по обрезу золотом» и 3 в простом переплете), патриарху 3 экз. (2 в переплете «по обрезу золотом» и один в простом переплете), справщикам 5 экз. (по 1 экз. бесплатно, по-видимому без переплета). Таким образом, себестоимость 1 экз. из числа 1183 книг, идущих в продажу, составляла 76 коп. У канцеляриста

Печатного двора, делавшего подсчет себестоимости, вследствие допущенных им арифметических ошибок получалась другая цифра: «26 алтын пол-3 денги», т. е. $79^1/_4$ коп.

Таким образом, почти половину себестоимости книги (48.8%) составляла стоимость бумаги и около $^1/_3$ — стоимость рабочей силы, остальное падало на другие расходы. Из приведенной выписки из архивного дела мы узнаем, что Уложение печаталось одновременно на всех 12 станах типографии, причем, весь процесс печатания занял $1^1/_2$ месяца и 2 дня, т. е. около $6^1/_2$ недель.

Относящиеся к этому же времени данные о цене книг Печатного двора приведены в составленной в декабре 1649 г. описи имущества Печатного двора, в которой среди прочего имущества перечисляются и книги, предназначенные для продажи. В этой описи, опубликованной С. А. Белокуровым, указывается себестоимость и продажная цена каждой из книг, а также количество имеющихся в наличии экземпляров[31]. Для более ясного представления о соотношении продажной цены и себестоимости книги каждого издания данные этой описи мы сгруппируем в виде таблицы (табл. 2), определив в каждом случае процент, который составляла наценка на книгу по отношению к ее себестоимости (сведения о количестве экземпляров каждого издания в таблице не приводятся).

Все эти книги лежали на складе непереплетенными.

После сведений о книгах, предназначенных для продажи, в описи Печатного двора приводится перечень переплетенных книг прежних лет изданий («да в переплете розных книг прежнего выходу»), т. е. оставшихся от рассылки и продажи.[32] Если количество экземпляров книг текущих изданий было на складе еще большое (некоторых книг даже свыше 2000 экз.), так как книги не успели еще разойтись, то книги прежних лет изданий (не исключая и упомянутую выше Минею 1636 г. издания) были представлены на складе лишь единичными экземплярами. Следовательно, издания почти полностью разошлись.

[31] Белокуров С. А. Московский Печатный двор в 1649 году. — ЧОИДР, 1887, кн. 4. Смесь, с. 16—18.
[32] Там же, с. 18—19.

Таблица 2

Название книги	Себестоимость 1 экз.	Продажная цена	Наценка на себестоимость	Отношение наценки к себестоимости книги (в %)
Уложение Алексея Михайловича	62 коп.[a]	1 руб.	38 коп.	61.3
Многосложный свиток	47 коп.	80 коп.	33 коп.	70.2
Грамматика	33 коп.	50 коп.	17 коп.	51.5
Книга Кирилла Иерусалимского	1 р. 8½ к.	1 р. 70 к.	61½ коп.	56.7
Соборник	54 коп.	2 р. 50 к.	1 р. 96 к.	363.0
Книга о вере	52½ коп.	80 коп.	27½ коп.	52.4
Маргарит	57½ коп.	2 р. 50 к.	1 р. 92½ к.	383.6
Трефологион (сентябрь—ноябрь)	—	90 коп.	—	—
Пролог	1 р. 54½ к.	3 руб.	1 р. 45½ к.	94.2
Минеи месячные за весь год	8 р. 63⅜ к.	12 руб.	3 р. 36⅝ к.	39.0
Минеи месячные разных месяцев	72 коп.	1 руб.	28 коп.	38.9
Житие Сергия Чудотворца	45⅛ коп.	70 коп.	24⅞ коп.	55.1
Евангелие толковое повседневное	91 коп.	2 р. 75 коп.	1 р. 84 к.	204.4
Поучения Ефрема Сирина	60 коп.	1 руб.	40 коп.	66.7
Октоих «на осм глас»	1 р. 80½ к.	2 р. 30 к.	49½ коп.	24.6
Учение и хитрость ратного строения пехотных людей	61 коп.	1 руб.	39 коп.	64.0
Евангелие напрестольное, в полдесть	37 коп.	1 руб.	63 коп.	170.3
Потребник иноческий	—	2 руб.	—	—
Житие Саввы Сторожинского чудотворца	3½ коп.	10 коп.	6½ коп.	151.1
То же, набрано «евангельским» шрифтом	29 коп.	Не назначена	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Название книги	Себестоимость 1 экз.	Продажная цена	Наценка на себестоимость	Отношение наценки к себестоимости книги (в %)
«Символы, рекше исповедание и о вере и о богословии»	—	3 коп.	—	—
Лист о поклонах .	—	1 коп.	—	—
Азбука	—	1 коп.	—	—
Вечерня	—	3 коп.	—	—
Минея декабря месяца (1636 г. издания) . . .	—	1 р. 60 к.	—	—

[a] Приведенные данные о себестоимости Уложения расходятся с теми, которые мы только что приводили. Чем объяснить расхождение тех и других архивных данных и какие из них более правильны, сказать трудно. Как нам удалось убедиться, расчеты канцеляристов Печатного двора XVII в. далеко не отличаются точностью.

Приводим данные о ценах этих книг (в деле значится только продажная цена):

Минея, октябрь, в простом переплете, ветхая	95 к.
Минея, январь, в простом переплете, подержанная	1 р. 80 к.
Минея, февраль, в простом переплете	1 р. 44 к.
Минея, апрель, в простом переплете . .	98 к.
Минея, март, в переплете «по обрезу золотом», подержанная	1 р. 20 к.
Минея, июнь, в переплете «по обрезу золотом», подержанная	1 р. 30 к.
Минея на разные месяцы, в простом переплете, 13 книг по 1 р. 24 к. . .	17 р. 36 к.
Книга о вере, в простом переплете . .	1 р.
Потребник иноческий, 7 книг по 2 р. 30 к.	16 р. 10 к.
Устав меньшой 1633 г., в простом переплете	2 р. 15 к.
Всего	44 р. 28 к.

При рассмотрении вышеприведенных данных описи Печатного двора 1649 г. первое, что бросается в глаза, это дороговизна книг. Так, например, Сборник (по тогдашней терминологии Соборник) и Маргарит продава-

лись в середине XVII в. по 2 р. 50 к., Пролог — по 3 руб., Минея за весь год — по 12 руб., Евангелие толковое повседневное — по 2 р. 75 к. и т. д. Другие книги (меньшего объема) стоили, правда, дешевле (70 коп.—1 руб.), но и эти цены, если вспомнить, что в XVII в. (1628 г.) бычка можно было купить за 54 коп., являются огромными (как известно, 1 руб. в середине XVII в. равнялся 17 руб. 80-х годов XIX в.). При этих условиях книги могли покупаться только состоятельными людьми или учреждениями.

Второе, что обращает на себя внимание, — это большие наценки на себестоимость книги при их продаже. Такая наценка, по нашим данным, колебалась от 24.6 до 383.6% себестоимости книги, а в среднем составляла 50—70% себестоимости. Устанавливать такую наценку можно было лишь будучи уверенным, что книга и по дорогой цене разойдется. И, судя по размеру наценки, наиболее ходовыми книгами считались Маргарит — собрание слов византийского церковного писателя Иоанна Златоуста (наценка 383.6%), Соборник — сборник произведений византийских церковных писателей (наценка 363%), а также Евангелие толковое повседневное (наценка 204.4%) и Евангелие напрестольное (наценка 170.3%).

В отношении евангелий сомнений, действительно, не могло быть — любой церкви они были необходимы, но то, что книги для чтения, хотя и назидательного характера, успешно конкурировали с богослужебными книгами, является значительным фактом для истории культуры России XVII в. Интересно, что и на единственную книгу светского содержания, находившуюся в 1649 г. на складе (Уложение), была наложена большая наценка (61.3%). Книги расходились и, как мы только что видели, на складе Печатного двора в 1649 г. изданий прежних лет уже не было.

Сравнивая цены недавно вышедших книг Печатного двора с ценами аналогичных изданий прежних лет, мы видим, что последние немного выше, например цена Потребника иноческого прежних лет изданий была 2 р. 30 к., а более поздних — 2 руб. Соответственно и цена «Книги о вере» изменилась: вместо 1 руб. за экземпляр книги стало 80 коп. Это, как нам кажется, объясняется только тем, что книги прежних лет изданий были

в переплете, а книги более поздние еще не были переплетены. Из приведенной табл. 2 видно, что себестоимость малоценных книг в эти годы не определялась, а прямо назначалась продажная цена.

В последующие годы положение с ценами на книги Печатного двора мало изменилось. Это также видно из табл. 3, составленной нами на основании архивных данных за 1663 г.[33]

Таблица 3

Название книги	Год издания	Тираж	Себестоимость	Продажная цена	Наценка на себестоимость книг	В % к себестоимости
Шестоднев . . .	1663	1200	90 коп.	1 руб.	10 коп.	11.1
Евангелие	1663	1200	96 коп.	2 руб.	1 р. 04 к.	108.3
Библия	1663	2400	3 р. 53 к.	5 руб.	1 р. 47 к.	41.4
Псалтырь учебный	1663	1150	$53^1/_2$ коп.	70 коп.	$16^1/_2$ коп.	30.8

Примерно за эти же годы сведения о цене книг Печатного двора приводит в своей книге А. Н. Соловьев,[34] эти сведения мы сгруппировали в табл. 4.

Таблица 4

Название книги	Год издания	Себестоимость	Продажная цена	Наценка на себестоимость книги	В % к себестоимости
Служебник . . .	1655	1 р. 30 к.			
Триодь постная .	1656	1 р. $93^3/_4$ к.	3 руб.	1 р. $6^1/_4$ к.	54.8
Часослов	1656	25 коп.	42 коп.	17 коп.	64.0
Псалтырь с восследованием . .	1657	1 р. 50 к.	2 р. 25 к.	75 коп.	50.0
Евангелие	1657	1 р. $10^3/_4$ к.	2 руб.	$89^1/_4$ коп.	86.2
Библия	1663	3 р. $37^2/_5$ к.	5 руб.	1 р. $62^3/_5$ к.	48.2

Из приведенных табл. 3, 4 видно, что в 50—60-х годах XVII в. правительство продолжало практику установ-

[33] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 65, лл. 1—14 об., 196—202, 211—220, 227—233.

[34] Соловьев А. Н. Государев Печатный двор и синодальная типография в Москве. Историческая справка. М., 1903, с. 46.

ления продажных цен на издания Печатного двора значительно выше их себестоимости, и это привело в конце концов к затовариванию ряда книг. К июню 1668 г. на складе Печатного двора имелось нераспроданных: Библия — 347 экз., Минея общая — 900, «О священстве» — 1700, Беседы на Матфея — 810, Беседы на Иоанна — 980, сочинения Григория Богослова — 1838, Октоих — 475, Минея сентября месяца — 2210, «Поучения Ефрема Сирина» — 2250, Вечеря — 2276, «Жезл правления» — 855, Святцы — 1350 экз. и т. д. Указом было предписано продавать книги по себестоимости. Общая сумма уценки перечисленных книг составляла огромную по тому времени цифру — 3611 руб.[35]

Следует отметить, что приведенный перечень далеко не покрывает всех изданий Печатного двора. В нем нет, например, таких изданий, как Уложение, «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», Псалтырь, Маргарит, Пролог и т. д., которые, очевидно, разошлись даже по завышенной цене. Однако в дальнейшем правительство уже избегало высоких наценок на книги. Как видно из архивных дел, относящихся к 90-м годам XVII в., даже на ходовые издания Печатного двора назначались цены, близкие к себестоимости книг. Так, например, цена за азбуку, вышедшую в 1693 г., была назначена в 2 деньги (1 коп.) при себестоимости 1½ деньги,[36] а за Псалтырь учебный — 40 коп. при себестоимости 35 коп.[37]

Из чего же складывалась себестоимость этого Псалтыря учебного? Как видно из приведенных в архивном деле расчетов (для наглядности мы объединим все приведенные расходы в четыре группы), затраты на издание 4800 экз. Псалтыря были следующие (табл. 5).[38]

Таким образом, по сравнению с расчетом, производившимся в 1649 г., по себестоимости Уложения в 1695 г. доля стоимости бумаги упала с 48 до 38%, зато во много

[35] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 66, лл. 14—15 об.
[36] Там же, оп. 3, № 108, лл. 1—2.
[37] Там же, № 110, лл. 4—5.
[38] Там же, лл. 1—4.

Таблица 5

Наименование расходов	Сумма	В % от общей суммы
Стоимость бумаги	638 р. 85 к.	38.9
Стоимость прочих материалов	82 р. 47½ к.	5.0
Жалованье мастеровых, участвующих в наборе	332 р. 75 к.	20.3
Жалованье обслуживающего персонала (справщики, приказные и т. д.)	588 р. 47½ к.	35.8
Всего	1642 р. 55 к.	100

раз увеличились накладные расходы. Очевидно, в 1649 г. при определении себестоимости учитывалось только жалованье справщиков и не принимались во внимание расходы на оплату обслуживающего персонала.

Интересны почерпнутые из архивов сведения о том, как скоро распродавались издания Печатного двора. В декабре 1649 г. некий Володимир Борзов принял для продажи 1181 экз. Уложения. С 1 января по 25 августа 1650 г. им было продано 1173 экз., т. е. примерно по 5 экз. в день. Вначале продажа шла очень ходко: 4 января было продано 30 экз., 5-го — 85, 7-го — 216, 9-го — 148, 11-го — 116 экз. Но уже в феврале начался спад, в дальнейшем продавалось в день лишь несколько экземпляров, а потом и по нескольку экземпляров в месяц. Тем не менее за 8 месяцев весь тираж был распродан.[39] Таким образом, в среднем продавалось по 148 экз. в месяц.

А вот относящиеся к тому же времени данные о продаже других изданий, почерпнутые из архивных материалов (табл. 6).[40]

Приведем аналогичные сведения, относящиеся к началу 60-х годов (табл. 7).[41]

[39] Там же, оп. 1, № 47, лл. 1—108 об.

[40] Там же, лл. 115—129, 131—158, 161—169, 170—174, 178 об.—194, 197—205, 209—209 об., 210—210 об., 217—228 об., 233—243 об.

[41] Там же, № 65, лл. 1—94, 196—250.

Таблица 6

Название книги	Цена	Сколько книг продано	За какое время	В среднем продавалось в месяц
Минея месячная	1 руб.	304	24 V 1650—7 V 1653	8.6
Учение и хитрость ратного строения пехотных людей	1 руб.	95	9 VII 1650—12 VIII 1651	8
Соборник	2 р. 50 к.	263	26 I 1650—23 XI 1653	6
Евангелие толковое повседневное	2 р. 75 к.	126	8 II 1650—18 VIII 1651	6
Пролог	3 руб.	100	12 II 1650—9 VIII 1651	5.5
Поучения Ефрема Сирина	1 руб.	10	23 II—10 V 1650	4
Маргарит	2 р. 50 к.	38	5 IV 1650—27 II 1651	3.4
Книга о вере	80 коп.	111	25 I 1650—VII 1653	2.5
Потребник иноческий .	2 руб.	4	4 III—5 VI 1650	1.3
Грамматика	50 коп.	49	9 VII 1650—15 XI 1653	1.2

Таблица 7

Название книги	Цена	Сколько книг продано	За какое время	В среднем продавалось в месяц
Псалтырь учебный	70 коп.	993	24 VII—XI 1663	495
Библия	5 руб.	1456	1 III—14 VIII 1664	270
Шестоднев . . .	1 руб.	100	4 VIII—20 X 1663	39
Евангелие напрестольное	2 руб.	120	2 II 1663—13 V 1664	8

Из табл. 6, 7 видно, что наиболее ходовыми изданиями были, помимо Уложения, Псылтырь учебный, Библия, Шестоднев, Минея месячная, «Учение и хитрость ратного строения», Соборник. Следует иметь, однако, в виду, что поскольку данные таблиц относятся лишь к ограниченному отрезку времени (1650—1653 и 1663—1664 гг.), характеристика скорости распродажи некоторых изданий получается неполной. Так, например, из сведений, приводимых П. Николаевским, можно сделать вывод, что в конце 40-х годов XVII в. ежемесячно продавалось «Книги о вере» — 42 экз., «Поучений Ефрема Сирина» — 41 экз., Малого катехизиса — 94 экз., Кирилловой книги — 16 экз.[42] В начале 50-х годов, как видно из табл. 6, «Книга о вере» и «Поучения Ефрема Сирина» расходились значительно медленнее, так как к этому времени уже было продано большое число экземпляров обеих книг. Подобная же картина, как мы видели, наблюдалась и при продаже Уложения.

Еще более разительный пример постепенного уменьшения спроса на книгу дает Библия. Библия, несмотря на огромную по тому времени цену (5 руб.), продавалась сначала очень быстро (1 марта 1664 г. было продано 137 книг, 2 марта — 530 книг).[43] Однако потом дело застопорилось и, как мы уже видели, остатки тиража пошли в продажу по себестоимости. Характерно, что такие дорогие издания, как Пролог и Соборник, охотно покупались и тиражи их были распроданы полностью (в списке переоценивавшихся в 1668 г. книг их нет). Это еще раз подтверждает то, что в XVII в. интерес к книгам для чтения очень вырос.

Быстрая распродажа учебных псалтырей не вызывает удивления. Это была одна из основных книг, по которым учились читать, но еще быстрее раскупалась азбука — дешевая и нужная для всех книга. Продажа азбук была для целого ряда лиц средством извлечения дохода. Они покупали на Печатном дворе азбуки в большом числе экземпляров, а потом перепродавали их. Этим охотно занима-

[42] Николаевский П. Московский Печатный двор при патриархе Никоне. — «Христианское чтение», 1891, ч. 1, с. 149.
[43] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 65, лл. 16—51 об.

лись сами работники Печатного двора, но были среди оптовых покупателей и представители других городов. Вот данные за 1650 г.:

8 мая батыйщикам Ермолаю Снаеву, Афанасию Васильеву, тередорщикам Илье Семенову, Дмитрию Карпову отпущено 472 экз. на сумму 4 р. 72 к.
В тот же день сторожу Дмитрию Никифорову, тередорщикам Дмитрию Павлову и Дмитрию Карпову отпущено 618 экз.
12 августа сторожу Прокофию Федорову и тередорщику Иванову отпущено 119 экз.
В тот же день «с Вятки Успенского монастыря архимандриту» Иоакиму и нижегородцу Богдану Онаньину, Лариону Федотову отпущено 714 экз.
15 августа попу Семену с Белозерска, георгиевскому дьячку Афанасию Ильину отпущено 339 экз.
19 августа из Галича Спасского монастыря игумену Иоакиму, галичанину Григорию Смирнову отпущено 404 экз.
18 августа тередорщикам Артамонову, Семенову, Кириллову отпущено 234 экз.
Всего продано за 3 месяца 2900 экз., т. е. по 967 экз. в месяц.[44]

В июне 1651 г. «из остаточных книжных запасов» было сделано 2400 азбук, которые обошлись по полушке ($^1/_4$ коп.) экземпляр, а продавались, как и азбуки 1650 г. издания, по 2 деньги (1 коп.). 2 июля, очевидно в первый же день продажи, весь тираж был распродан:

Нижегородцу Ивану Архипову	300 экз.
Казанцу Василию Григорьеву	400 »
С Костромы Никольскому попу Федору . .	200 »
Овощного ряду Борису да Юрью Белозерцевым	700 »
Ивану Федорову да Силе Никитину . . .	500 »
Петрушке Григорьеву	294 »
Всего	2394 »

Из оставшихся 6 экз. 5 было роздано бесплатно справщикам и один оставлен как «кавычная» книга для следующих переизданий.[45]

Следует сказать, что из каждой книги определенное число экземпляров подлежало бесплатной раздаче и стоимость этих экземпляров раскладывалась на экземпляры, шедшие в продажу. В 60-х годах XVII в. в раздачу шло

[44] Там же, № 47, лл. 214—216.
[45] Там же, лл. 509—511 об.

около 70 экз., из них 50 оставлялось для распределения по церквам и монастырям. Один экземпляр оставался как «кавычная» книга. Остальные шли высокопоставленным людям (царю, патриарху и т. д.) и сотрудникам Печатного двора (справщикам, подьячим, чтецам).[46] В 90-х годах число раздаваемых книг, как видно, еще увеличилось. Так, например, в 1693 г. из тиража (1200 экз.) книги Псалтырь учебный бесплатно было роздано 107 экз., причем работникам Печатного двора (справщикам, дьяку, подьячим, чтецам и писцам) было выдано по 4 книги. Обычай оставлять 50 экз. для церквей и монастырей сохранился.[47]

Несмотря на большую стоимость книг Печатного двора, они все же расходились. Это видно из того, что книги издавались большими тиражами. Нормальным тиражом считался тираж в 1200 экз., но были книги, которые печатались в значительно большем числе экземпляров. Так, Азбука была издана в январе 1677 г. тиражом 4810 экз., в июле 1677 г. — 9600 экз., в феврале 1691 г. — 4800 экз., в августе того же года — 14 400 экз., в июне 1693 г. — снова 14 400 экз.; Часослов был издан в декабре 1691 г. тиражом 7200 экз., в мае 1697 г. — 2400 экз., в мае следующего года — 4800 экз., в июле 1700 г. — 4800 экз.; Святцы в июле 1689 г. были изданы тиражом 7200 экз., и т. д.[48] Даже такие дорогие издания, как Пролог, в течение XVII в. издавались не один раз: первая половина — 8 раз, вторая половина — 7 раз.[49] Следовательно, и их раскупали, хотя и не так быстро, как учебные книги.

И все же размеры тиражей того времени не могут не вызывать удивления. Чем объяснить, что эти тиражи расходились в стране, население которой в то время было по меньшей мере в 20 раз малочисленнее нынешнего? Мы считаем, что это явление объясняется тем, что почти каждое издание того времени было рассчитано не на какую-то определенную категорию читателей, а на всех жи-

[46] Там же, № 67, лл. 201—202, 217—218 об., 13 об.—14 об. и др.
[47] Там же, оп. 3, № 110, л. 4.
[48] Там же, №№ 48, 49, 86, 88, 89, 92, 108, 176, 182, 194.
[49] Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века. — «Книга. Исследования и материалы», 1960, сб. 2, с. 136.

телей страны. Любую из книг мог купить каждый, кто имел на это средства. Кроме того, большую долю тиражей приобретали церкви и монастыри, число которых непрерывно увеличивалось.

До сих пор мы говорили о ценах печатных книг, по которым продавал их Печатный двор, но существовал еще книжный рынок, где устанавливались свои цены на книги, не совпадавшие с ценами Печатного двора. Дело в том, что в XVII в. книг все же не хватало (а кроме того, они не так уж легко достигали глухих мест России). Приведем такой пример. В 1669 г. понадобились книги для посылки их в Киево-Печерский монастырь, а в «казне великого государя» их не оказалось. Книги были «приисканы» в торговом ряду, где торговцы запросили за них баснословные цены: за Евангелие толковое 13 руб. (в 1649 г. на Печатном дворе его продавали, как мы знаем, за 2 р. 75 к.), за Пролог 13 руб. (в 1649 г. — 3 руб.), за Минею (за весь год) 70 руб. (в 1649 г. — 12 руб.). Очевидно, нужда в книгах была большая, потому что правительство заплатило торговому человеку Ивану Максимову деньги, которые он запросил, правда, за Евангелие было уступлено 3 руб. (уплачено не 13, а 10 руб.).[50]

Приведенный пример говорит о недостатке печатных книг в России, однако он не является типичным. Такое сильное отклонение цен на рынке от цен Печатного двора бывало крайне редко. Разумеется, книготорговцы стремились использовать выгодную для них конъюнктуру на книжном рынке, но это им не всегда удавалось. Влияние продукции Печатного двора на цены на книги, особенно во второй половине века, давало себя знать.

Изучив большое число данных о ценах на книги XVII в., В. П. Адрианова-Перетц в своем исследовании «Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв.» пришла к выводу, что цены на книги зависели от: 1) формата книги (большие книги ценились дороже), 2) наличия иллюстраций (наличие миниатюр заметно отражалось на оценке книг), 3) наличия переплета

[50] Эйнгорн В. О. Из архивных мелочей XVII века. Московские книжные цены в 1669 г., с. 117—118.

(дорогой переплет, особенно с золотыми украшениями, заметно удорожал цену книги), 4) содержания книги (главное внимание при оценке обращалось именно на содержание, а не на внешний вид книги). В. П. Адрианова-Перетц считает, что книги в допетровской Руси стоили непомерно дорого (что зависело от дороговизны материалов и в первую очередь бумаги) и что книги оценивались «крайне неравномерно».[51] Эта неравномерность, особенно цен рукописных книг, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, объясняется тем, что книготорговля в Северо-Восточной Руси была сосредоточена главным образом в руках отдельных лиц, а не профессиональных торговцев. В XVII в., по мнению В. П. Адриановой-Перетц, печатные книги стоили дороже рукописных и появление книгопечатания не сказалось заметно на цене рукописей.

Далее, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, в XVI—XVIII вв. книги богослужебные ценились дороже книг для чтения, а светские — дешевле книг религиозного содержания. Из богослужебных книг дороже всего ценились прологи, затем евангелия, минеи и т. д. Из книг для чтения дороже всего ценились летописи и хронографы.[52]

Выводы В. П. Адриановой-Перетц о зависимости цен на книги от формата, наличия иллюстраций, наличия переплета и содержания книг не подлежат сомнению. Что касается прочих ее выводов, то, как нам кажется, в них следует внести некоторые коррективы. Прежде всего, неравномерность цен на книги была не так уж велика. В отдельных случаях отклонения были действительно большие. Мы сами приводили подобный пример, относящийся к 1669 г. Другой пример дает В. П. Адрианова-Перетц, сообщая, что Евангелие, изданное в Москве в 1681 г., продавалось по 3, 6 и по 8 руб.[53] Однако чаще всего мы не наблюдаем столь сильного расхождения цен на книги.

Взять, например, такую ходовую книгу, как Евангелие. В XVII в. продавались, как известно, различные виды

[51] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги..., с. 12—14.
[52] Там же, с. 31—32.
[53] Там же, с. 49.

евангелий: Евангелие напрестольное, Евангелие толковое, Евангелие учительное, Евангелие воскресное и т. д. И цены соответственно были разные. Кроме того, как мы знаем, на цены влияли формат книги, переплет, наличие иллюстраций и т. д. И все же цены на все эти виды евангелий колебались не слишком уж в больших пределах. На Печатном дворе, как мы видели, Евангелие толковое «в десть» без переплета стоило в 1649 г. 2 р. 75 к., а Евангелие напрестольное малого формата («в полдести») и тоже без переплета — 1 руб.,[54] но Евангелие напрестольное большого формата в 1628 г. обходилось на Печатном дворе (без наценки) в 2 р. 6 к.[55] Таковы были казенные цены. А на частном рынке цена на все виды евангелий, включая и рукописные (по тем данным, которыми мы располагаем), колебалась в пределах от 2 до 3 руб. и лишь в отдельных случаях была выше: 3 р. 50 к., 4 и даже 5 руб. Эти случаи вполне объяснимы.

Так, например, 5 руб. стоило Евангелие «по обрезу золотом», купленное в Москве в 1653/54 г. Столько же стоило Евангелие 1633/34 г., купленное в 1638 г. в Чугуеве, 4 руб. стоило Евангелие напрестольное в Енисейске, столько же стоило в Москве в 1690 г. Евангелие напрестольное, хотя и малого формата, но в дорогом переплете, и т. д. Следовательно, дороже стоили книги роскошного оформления и купленные на периферии. Мы не берем здесь цены евангелий с очень богатыми окладами, которые поднимали стоимость книг в несколько раз. Например, Евангелие, изданное в Москве в 1694 г., с дорогим окладом стоило 30 руб.[56] По существу брались деньги за оклад, а не за книгу.

Несколько дороже стоили Евангелие напрестольное и Евангелие толковое (по 4 руб.), купленные воеводой И. Мещериновым в Москве и привезенные с собой

[54] Белокуров С. А. Московский Печатный двор в 1649 г., с. 16—18.

[55] Акты, относящиеся к распространению печатных богослужебных книг в XVII веке, с. 4.

[56] Материалы для истории книгопечатания..., стлб. 137; Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 30—31; Оглоблин Н. Н. Книжный рынок в Енисейске в XVII в., с. 283—284; Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей XVII в. Московские книжные цены в 1690 г., с. 63.

в Соловецкий монастырь.[57] По-видимому, Мещеринов стремился приобретать для себя книги хорошего оформления, так как многие из указанных им цен на книги (в особенности рукописные) выше обычных. Таким образом, за сравнительно небольшим исключением, цены на евангелия колебались в неособенно больших пределах. Интересно, что цена на печатные евангелия мало отличалась от цены на рукописные евангелия и была не ниже, а скорее даже выше цены последних.

Еще в меньших пределах колебались цены на Псалтырь с восследованием: от 2 р. 50 к. до 4 руб., и лишь в далеком Енисейске цена на эту книгу в 1649 г. была высокая — 6 руб., однако уже в 1687 г. она упала до 2 р. 50 к.[58] Себестоимость Псалтыря с восследованием на московском Печатном дворе в 1628 г. составляла 2 р. 10 к.[59] Цены на Деяния апостолов колебались в пределах от 75 коп. до 2 руб., Триоди цветной — 2—3 руб. (на Печатном дворе в 1648 г. стоила 1 р. 50 к.), Триоди постной — 4 руб. — 4 р. 50 к., и т. д.

Из книг религиозного содержания наиболее дорогими являлись Пролог, Минея, Большой Устав. Пролог и Минея в течение долгого времени были излюбленными книгами для назидательного чтения русских, пока их не стала вытеснять светская книга. Обе книги представляли собой обширные собрания (Пролог — житий и нравоучительных статей, Минея — житий многочисленных святых), в которых материал распределялся по годичному кругу (по месяцам года). Весь комплект каждого издания (Пролог за весь год и Минея за 12 месяцев) стоил очень дорого: Пролог — 9—11 руб. (он обычно состоял из двух томов, каждый из которых продавался на рынке по 4 р. 50 к. — 5 руб., а на Печатном дворе по 3 руб.), Минея за 12 месяцев по казенной цене стоила 12 руб., а на рынке продавалась дороже, например, в 1653/54 г. — за 20 руб. Чаще же минеи продавались

[57] Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 36.

[58] Оглоблин Н. Н. Книжный рынок в Енисейске в XVII в., с. 283.

[59] Акты, относящиеся к распространению печатных богослужебных книг в XVII веке, с. 3.

месячными книгами. Церковный Большой Устав в середине XVII в. стоил в торговых рядах 9—10 руб. Была еще одна категория книг, ценившаяся очень дорого определенными слоями читателей — раскольниками. Выше уже говорилось, что раскольники признавали только старопечатные (дониконовские) книги, а также рукописи, восходившие к старым текстам. Они охотно отдавали четыре новые книги за одну старую.[60]

Особо следует остановиться на ценах книг светского содержания. Здесь в основном мы будем иметь дело с рукописями, так как печатных изданий светского содержания в XVII в. почти не было. Как мы уже знаем, в середине XVII в. Уложение продавалось на Печатном дворе по 1 руб., Грамматика Смотрицкого — по 50 коп., «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — по 1 руб. Эти книги на рынке имели другую цену. Так, например, Мещеринов купил книгу «Учение и хитрость ратного строения» за 3 руб.

Значительно дороже стоили лечебники и книги исторического содержания: хронографы, летописцы, степенные книги и т. д. Так, например, рукописный Хронограф в 445 л. (скорописью) в 1668 г. стоил 5 руб., за Хронограф скорописью в 542 л. в 1694 г. было заплачено 4 руб.[61] Известный уже нам Мещеринов за рукописные книги светского содержания платил большие деньги (70-е годы XVII в.): за лечебник старинный — 6 руб., за два лечебника новых — 8 руб. (т. е. 4 рубля каждый), за книгу «Александрия» — 4 руб., за Степенную книгу — 10 руб., за Гранограф (Хронограф) — 15 руб.[62]

Мы уже приводили примеры того, что в провинциальных городах (например, в Енисейске), где книги найти было труднее, они стоили дороже. Вот еще пример: Сборник большой печатный в Козьмодемьянске был куплен за 5 руб., а Маргарит (собрание слов Иоанна Златоуста) — за 7 руб.[63] В Москве на книжном рынке эти книги можно было приобрести по цене 3 р. 50 к. за каждую. К концу

[60] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 30.
[61] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги..., с. 80.
[62] Дело о пограблении Соловецкого монастыря..., с. 37—38.
[63] Там же, с. 36.

XVII в. влияние цен Печатного двора в Москве стало сказываться и на цене книг в таких отдаленных городах, как Енисейск, где книги стали дешевле. Об этом говорит дошедший до нас перечень цен на книги в 1649 и 1687 гг.[64]

Происхождение этого любопытного документа таково: в 1687 г. енисейские торговые люди подали воеводе жалобу, что «таможенная изба» при взимании пошлин неправильно оценивает товары. В связи с этим было предписано «таможенному и заставному голове» Ивану Пивоварову собрать «скаски» (сведения) о ценах на различные товары, в том числе и на книги. Помимо того, Пивоварову велено было выбрать из прежних «росписей» цены на товары в 1649 г. Из сопоставления этих данных выясняется, что: 1) репертуар продававшихся в Енисейске книг в 1687 г. сократился вдвое против 1649 г., 2) цена на книги, за единичными исключениями, сильно снизилась.

Вот эти данные (мы приводим цены только на те книги, которые продавались и в 1649, и в 1687 гг.):

	Цена в 1649 г.	Цена в 1687 г.
Евангелие напрестольное	4 руб.	4 руб.
Евангелие толковое	3 »	3 »
Триодь постная	6 »	4 »
Триодь цветная	6 »	3 »
Устав	7 »	5 »
Октоих осмигласный	4 »	5 »
Пролог полугодовой	8 »	5 »
Минея месячная	2 р. 50 к.	1 »
Минея общая	5 руб.	4 »
Апостол	3 »	1 р. 60 к.
Псалтырь с восследованием	6 »	2 р. 50 к.
Псалтырь учительный	4 »	90 коп.
Октоих четверогласный	2 »	2 р. 50 к.
Маргарит	5 »	5 руб.
Часослов	2 »	50 коп.
Святцы большие	2 »	50 »
Каноник	2 »	70 »
Азбука печатная	10 коп.	3 »
Ирмологий	1 р. 50 к.	70 »

Из приведенных данных мы видим, что если в середине XVII в. цены на книги в Енисейске значительно превышали цены на аналогичные издания в Москве,

[64] Оглоблин Н. Н. Книжный рынок в Енисейске в XVII в., с. 281—284.

иногда в два раза (примеры цен в Москве мы только что приводили), то в 1687 г. положение выровнялось и такого разрыва уже не наблюдалось. По-видимому, к концу XVII в. в связи с увеличением числа изданий Печатного двора, поступавших на книжный рынок, цены на книги не только в Енисейске, но и в других городах России, не исключая и Москвы, снизились. Так, например, из архивных данных мы узнаем, что в 1690 г. Пролог на весь год в книжном ряду в Москве продавался уже за 6 руб.[65] (т. е. по цене Печатного двора), тогда как за 40 лет перед тем он стоил почти в два раза дороже. А. Н. Лебедев в своей статье приводит данные о снижении цены одной из книг: в 1673 г. она была продана за 1 руб., а в 1681 г. уже за 50 коп.[66] В целом надо считать, что рыночные цены на книги в течение второй половины XVII в. имели тенденцию к снижению.

Следует сказать несколько слов о путях проникновения в Россию иностранных книг. Как мы увидим далее (см. главы V, VI), иностранные книги имелись в России в большом количестве в составе книжных собраний частных лиц и библиотек. Книги эти чаще всего закупались за рубежом. Для этого использовались поездки русских за границу, а иногда имели место и специальные экспедиции за книгами, например поездка Арсения Суханова на Восток. Обо всем этом будет сказано ниже.

Другим путем проникновения иностранных книг была продажа их приехавшими в Россию иностранцами и поднесение русским людям зарубежных книг в дар. Мы не располагаем сведениями о том, продавались или нет иностранные книги на книжных рынках России, однако случаи покупки книг непосредственно у иностранцев были, по-видимому, нередки. Больше данных имеется о поднесении книг в дар, особенно высокопоставленным лицам. Известно, например, что в 1632 г. царю Михаилу Федоровичу прислал «маленькую книжечку» об употреблении лекарств доктор медицины Лондонской коллегии Джон, в 1637—1641 гг. ему же было прислано несколько книг из

[65] Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей XVII в. Московские книжные цены в 1690 г., с. 63—64.
[66] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 11.

Молдавии,[67] князь В. В. Голицын получил в 1664 г. в дар рукописную книгу Иова Лудольфа об Абиссинии,[68] и т. д.

Был еще третий путь проникновения в Россию иностранных книг — в качестве военных трофеев. Так, например, на Шестодневе из собрания А. И. Хлудова есть надпись: «Сия книга... взята за саблею посреди Литовского государства в стольном граде Вильно».[69] Начальник Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, как мы увидим далее (см. с. 197), просил прислать ему книги, «сысканные» в Смоленской приказной избе и бывшие прежде у иезуитов. Книги эти были, очевидно, трофейными.

Интерес русских к иностранной литературе возрастал, и число иностранных книг, попадавших в XVII в. в Россию, непрерывно увеличивалось.

[67] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 29—30.

[68] Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя. — «Русский библиофил», СПб., 1911, № 6, с. 77.

[69] Чечулин Н. Д. К вопросу о распространении в Московском государстве иностранных влияний. М., 1902, с. 6.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Купленные в книжной лавке Печатного двора, в торговых рядах, у частных лиц, а также за рубежом русские и иностранные книги распространялись по стране. Некоторые из них оседали в библиотеках государственных учреждений, монастырей, церквей; другие попадали в руки отдельных лиц и иногда надолго задерживались у одного владельца (или членов его семьи), чаще же сравнительно скоро переходили из одних рук в другие. Выяснение вопроса о широте распространения книг в Русском государстве, о том, какие группы населения проявляли интерес к книгам и какого рода литература интересовала ту или иную группу населения, имеет большое значение при изучении истории культуры страны.

Ценным источником при рассмотрении этой проблемы, помимо архивных материалов (о них будет сказано ниже), являются записи, которые в старину делали на книгах их владельцы. Значительная часть записей опубликована в описаниях книг старинных библиотек,[1] а также в специальных статьях, посвященных этому вопросу.[2] Но многие очень интересные записи еще ждут

[1] См., например: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1—3. М., 1878—1879; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки, отд. 1—3, М., 1855—1869; Опись книг библиотеки московского Успенского собора. — ЧОИДР, 1895, кн. 3, отд. 2. Материалы историко-литературные, с. 1—26.

[2] Ряд подобных статей опубликован в «Археографическом ежегоднике».

своей публикации и остаются неизвестными широкому кругу читателей.

Записи делались чаще всего на книжных полях страниц книги (растягиваясь на большое число страниц), а также на чистых первых и последних листах книги и внутренних корках переплета. Содержание записей было различно: иногда фиксировался лишь факт принадлежности книги тому или иному лицу, в других случаях указывалось, от кого получена или у кого куплена книга, по какой цене, в какую церковь книга «дана вкладом», кем и кому она завещена и т. д. Делали записи не только владельцы книг, но и читатели, свидетели акта купли-продажи, переплетчики и другие лица. В целом ряде случаев на одной и той же книге делалось по нескольку записей, позволяющих в какой-то мере проследить историю перехода книги от одного владельца к другому за значительный промежуток времени.

Изучение записей показывает, что книга в России в XVII в. пользовалась большим уважением. Это была не только крупная материальная, но и духовная ценность. Пожертвовать книгу в качестве вклада в церковь считалось богоугодным делом, за которое прощалось немалое число грехов. Часто это делалось по специальному обещанию. Записей о даре книг в церкви в качестве вклада сохранилось большое число, причем делали подобные вклады представители самых различных слоев населения. Иногда книгу для этой цели покупали специально. Необеспеченным людям приходилось делать складчину. Так, например, на рукописной книге Устав церковный имеется запись конца XVII в., из которой мы узнаем, что эту книгу положил вкладом «москвитин» Иван Лаврентьев, «можейчанины» Борис и Григорий Гоголевы, «купелеицкий крестьянин» Иван Овдеев.[3] Интересно, что в качестве вклада в церкви и монастыри часто давались книги не только религиозного, но и светского содержания. Так, например, в 1677 г. некто Емельян Романович Сатин положил вкладом в Туле Гранограф, игумен Ни-

[3] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря. — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 286.

фонт в 1511—1512 гг. положил вкладом Космографию Козьмы Индикоплова[4] и т. д.

В описях имущества книги перечислялись обычно сразу после икон, которыми описи начинались. Дома книги богослужебные и духовно-назидательные стояли в красном углу на полке рядом с иконами, при большом же числе книг — в специальном помещении. У думного дьяка Ивана Кононовича Олферьева (конец XVII в.) под иконостасом был сделан специальный «постав» для книг.[5]

Книги старались заключать в добротные переплеты, иногда снабженные дорогими украшениями. Они передавались по наследству, продавались, закладывались как большая материальная ценность, иногда уплачивались за долги. Так, например, из надписи на Уставе мы узнаем, что вдова попа отдала эту книгу за долги своего мужа.[6]

Случаи хищения книг были, по-видимому, частыми, потому что в очень многих записях на книгах призываются всевозможные проклятия на голову тех, кто похитит книгу. Кражей книг занималось и духовенство, более других слоев населения понимавшее ценность книг. Об этом говорит красноречивая запись архимандрита ярославского Спасова монастыря Иосифа, который в 1697 г. написал на одной из книг, чтобы книг никому не давать, так как «мирские люди брали книги и много за ними пропало, а церньцы крали книги и уносили».[7] Проклятия будущим похитителям книг, очевидно, не приносили большой пользы, и хищения книг продолжались. И даже книги, положенные в церкви в качестве вечного вклада, впоследствии, как мы увидим далее, оказывались в других руках.

[4] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896, с. 10; Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — В кн.: Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 359.

[5] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 169.

[6] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 29.

[7] Там же, с. 5.

Однако дело было далеко не в одной материальной стоимости книг. Русские люди в большинстве случаев хорошо понимали и их духовную ценность. Об этом говорят те же записи на книгах. Так, например, на Летописце Соловецкого монастыря (скоропись XVII в.) имеется запись, что эта книга «старца Иринарха Тарбеева келейная (т. е. личная собственность, — *С. Л.*). По смерти моей взяти в книгохранителную соловецку казну, читателям в пользу выдавати и меня грешного... поминати». Тот же старец Иринарх завещал и другую свою книгу в соловецкую библиотеку, чтобы можно ее было «прочитающим в пользу выдавати».[8]

Среди каких же кругов населения России в XVII в. была распространена книга? Этот вопрос рассматривается в известной уже нам статье Н. А. Баклановой «Русский читатель XVII века». Обобщив большое число текстов записей на книгах и использовав другие материалы, Н. А. Бакланова пришла к выводу, что книга в России в XVII в. имела широкое распространение среди различных слоев населения.

Выводы Н. А. Баклановой подтверждаются и другими известными источниками по этому вопросу. Оставив пока в стороне крупные книжные собрания и библиотеки (о них будет сказано в главе V), обратимся сначала к рассмотрению более типичных случаев — к владельцам книг, имевших их в небольшом количестве.

Как показывают записи на книгах, чаще всего владельцами книг были представители черного и белого духовенства: священники, дьяконы, дьячки, монахи (в данном случае мы не касаемся верхушки духовенства, так как митрополиты, епископы, архимандриты были обычно, как мы увидим дальше, владельцами целых библиотек). Вот довольно типичные примеры: из записей на книгах Служебника мы узнаем, что одна из них «домашняя» книга попа Ивана Павлова,[9] другая принадлежит «города Орешку с посаду» попу Тимофею, а куплена им у священника села Копосни; в надписи на книге «Увет духовный» (М., 1682) говорится, что это домовая книга «села

[8] Там же, с. 14.
[9] Там же, с. 8.

Дрюкова попа Андрея Васильева сына».[10] Продажа книг для духовных лиц была отнюдь не случайным делом. Об этом также говорят многие надписи. Из записей на Минее служебной (месяц октябрь, полуустав XVI в.) видно, что она была продана дьяконом, а позднее ее продал в книжном ряду поп Иван.[11]

Для нас интересно, что владельцами книг были не только представители более обеспеченных кругов духовенства (священники, дьяконы), но и представители самых низших его кругов — дьячки, причем эти случаи были нередки. Чаще всего духовные лица владели богослужебными книгами, нужными им по роду их деятельности. Но их интересовала и литература для чтения религиозного и назидательного характера, а также книги светского содержания.

Так, например, дьячок церкви Воскресения, «что в Барашах», Ондрей Савин (конец XVII в.) имел «Историю о Варлааме и Иоасафе» (М., 1681),[12] другой дьячок (1670/71 г.) был владельцем такой дорогой книги, как Пролог.[13] У священника Сергия в Козьмодемьянске были куплены книги Сборник большой и Маргарит. Холмогорский священник Борис Иванов продал в 70-х годах XVII в. воеводе Мещеринову рукописные книги Степенную и Лечебник.[14] Таким образом, вывод Н. А. Баклановой, что представители рядового духовенства в XVII в. имели только такие книги, которые им были нужны при выполнении церковных треб,[35] не совсем точен. Особенно большой интерес к литературе для чтения, включая и литературу светского содержания, проявляли наиболее начитанные из монахов (старцев), по-видимому, те из

[10] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI—XVII веков. — В кн.: Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 307, 332.

[11] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 2, с. 163.

[12] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати. . ., с. 333.

[13] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова, с. 388.

[14] Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым. — ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 36—38.

[15] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 183.

них, которые воспитали свой вкус на чтении книг в монастырских библиотеках. Казначей Воскресенского монастыря старец Марк Щербаков имел рукописные книги Космографию и Родословную книгу,[16] у старца Исидора была книга Соборник.[17]

Другой группой населения, среди которой была широко распространена книга, являлось чиновничество, начиная с верхов его — дьяков — до мелких приказных людей. Из светского населения (не считая знати) это были наиболее грамотные люди. Дьяки такого приказа, как Посольский, стремились использовать для приобретения книг заграничные поездки. Так поступал, например, дьяк И. П. Плакидин Меньшой. В описи имущества думного дьяка И. К. Олферьева (1700 г.) значится 14 книг, среди них два летописца (остальные книги религиозного содержания).[18] По мнению Н. А. Баклановой, круг чтения дьяков и подьячих был шире круга чтения других владельцев книг. Их записи встречаются на книгах научного содержания (хронографы, сочинения Пересветова) и на произведениях художественной литературы (басни Эзопа).[19]

Вот перечень некоторых книг, имевшихся у представителей этой группы населения: пензенский подьячий Иван Васильев сын Валяев имел книгу «Синопсис» (Киев, 1674),[20] дьяк Андрей Семионов сын Шахов — Уложение царя Алексея Михайловича,[21] подьячий Федор Посников — книгу «Диоптра и хождение Трифона Коробейникова». Подьячий стрелецкого приказа Андрей Андреев сын Протопопова продал во второй половине XVII в. две рукописные книги — Шестоднев и Синоксарь.[22] Подьячий Поместного приказа Иван Фомин сын Солков имел руко-

[16] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. ..., с. 286—288.
[17] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 7.
[18] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 183—184.
[19] Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 201—202.
[20] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 330.
[21] Рукоп. отд. БАН СССР, рукопись, шифр 249 III.
[22] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 387, 390.

писный Сборник.[23] Другой Сборник был у таможенного дьячка Гавриила Иванова.[24] Из приведенных примеров видно, что тематика книг, интересовавших эту группу населения, была действительно широкая и что богослужебная литература не особенно привлекала приказных людей.

Книга была распространена и среди представителей различных групп населения посада: купечества (гости, гостиная сотня), мелких торговых людей, ремесленников. Приведем несколько данных о книгах, принадлежавших верхушке торгового населения: гостиной сотни Афанасию Михайлову сыну Гурьеву принадлежала медицинская рукопись XVII в.,[25] гостю Семену Филиппову сыну Задорину — рукопись «Толковые пророчества», гостю Остафью Иванову сыну Филатьеву — рукописная книга Палея, гостю Потапову — рукописная книга «Трактион Никона Черной горы». Гостиной сотни Иван имел рукописный Соборник (сказание «како Кирилл составил азбуки» и др.).[26]

Целый ряд сведений мы имеем о книгах посадских людей разных городов, иногда без точного указания рода их занятий. Так, например, суздальцу посадскому человеку Григорию Лукоянову сыну Крашенинникову принадлежала рукописная книга Космография, устюжанину торговому человеку Митке Козмину сыну Худякову — рукописный Хронограф, ярославцу посадскому человеку Стефану Васильеву сыну «Сборник повестей и житий» (XVII в.), Конюшенной овчинной слободы тяглецу Любиму Дементиянову сыну — рукописная книга «Диоптра и хождение Трифона Коробейникова», ярославцу посадскому человеку Дмитрию — рукописная книга «Измаград», устюжанам Андрею и Ивану Даниловым детям Четвериковым — рукописный Хронограф,[27] угличанину посадскому человеку Федору Буторину — книга Триодь

[23] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 34.
[24] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв..., с. 283.
[25] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 7.
[26] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 378, 382, 388.
[27] Там же, с. 378—380, 384—385, 387, 395.

постная (М., 1607), володимерец посадский человек дал вкладом книгу «Служба и житие Николая» (М., 1641).[28] Посадский человек сумлянин Михайло Михалев имел книгу «Александрию» «старинного уставного писма в полдесть».[29] Космография Козьмы Индикоплова принадлежала ярославцу посадскому человеку Стефану Тарабаеву. Владельцами книг были также калужанин посадский человек Илья Басов и московский торговый человек Иван Амбросиев сын.[30]

Вот еще названия книг, принадлежавших посадским людям: торговый человек верхнего медового ряда Иван Карпов сын Радин имел книгу Октоих (М., 1683), новгородский посадский человек Макей Никифоров сын Клеткин дал вкладом Пролог (сентябрь—февраль) и книгу Иоанна Златоуста,[31] суздалец посадский человек Василий Григорьев сын Лыков имел Триодь цветную,[32] кадашевец Иван Федоров сын Черный — «Лествицу» И. Синайского.[33]

Книги были и у мастеровых людей. Портной мастер в Чебоксарах Степан Иванов сын имел книгу Потребник (М., 1642),[34] казенный сапожный мастер Афанасий Сергиев сын дал вкладом Евангелие учительное, государев иконописец Исидор Осипов имел книгу Акафистник киевской печати.[35] Ладожанам иконописцу Ивану Яковлеву сыну и его брату принадлежала «История о Варлааме и Иоасафе».[36] Книги имели и мастеровые Печатного двора, которым они иногда выдавались вместо жалованья.[37] Это стало практиковаться с 40-х годов XVII в.[38]

[28] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 305, 314.
[29] Дело о ограблении Соловецкого монастыря..., с. 38.
[30] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 6, 7.
[31] Там же, с. 6, 11.
[32] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. ..., с. 284.
[33] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII вв. ..., с. 35.
[34] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 315—316.
[35] Леонид [Кавелин П. А.]. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, с. 76, 80—81.
[36] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 389—390.
[37] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 65, лл. 210, 226.
[38] Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 34.

Приведенные примеры говорят прежде всего о широте распространения книг. Перед нами проходят владельцы книг — посадские люди большого числа городов: Москвы, Новгорода, Суздаля, Ярославля, Владимира, Углича, Устюга, Чебоксар, Калуги, Ладоги, Сум. Кроме того, из примеров видно, что у посадских людей в числе книг различного содержания было относительно меньше богослужебных книг, а больше книг для чтения (соборники, «История о Варлааме и Иоасафе», Палея и др.), а главное у них было сравнительно много книг светского содержания: хронографы, «Александрия», Космография, рукопись по медицине.

Наличие у посадских людей книг светского содержания отмечает в известной уже нам работе и Н. А. Бакланова. Она добавляет также, что у посадских людей проявлялся интерес к сочинениям Пересветова (они имелись у белозерского и новоторжокского посадских людей), к художественной литературе («Повесть об Азовском сидении», имевшаяся у вологжанина посадского человека Аврама Корнилова сына Ермачкова). В числе исторических книг у посадских встречалось «Сказание» Авраамия Палицына (у посадского человека города Устюжны Нефеда). Ярославский посадский человек С. Тарабаев имел лицевую (т. е. иллюстрированную) рукопись «Козьма Индикоплов». Можно отметить и местные интересы читателей: «Повесть о Тихвинской иконе» принадлежала сначала тихвинскому посадскому человеку, а потом перешла к олончанину. Н. А. Бакланова приходит к выводу, что среди посадских, владевших книгами, чаще всего встречаются записи москвичей и жителей городов Севера, особенно вологжан.[39]

Говоря об описях книг посадских людей XVII в., Н. А. Бакланова пишет, что в ее распоряжении имеются лишь четыре описи, из которых три относятся к 1695 г., а одна — к 1701 г. Состав этих собраний очень невелик: две-шесть книг, как правило, религиозного содержания (в одном случае имелся печатный букварь). Владельцы книг — зажиточные люди. Таким образом, по мнению Н. А. Баклановой, такого небольшого числа книг было

[39] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 185—186.

достаточно для богатого человека из купечества. Однако она тут же приводит пример и более крупного книжного собрания, состоявшего из 11 книг и принадлежавшего посадскому человеку Соли Камской О. И. Ростовщикову.[40] Нам представляется, что говорить о типичности книжного собрания в две-шесть книг для богатых посадских людей едва ли есть достаточное основание. По-видимому, сведения о других крупных книжных собраниях посадских людей до нас не дошли. Возможно, что со временем они будут обнаружены в наших архивах.

Любопытны сохранившиеся отрывочные сведения о наличии книг у стрельцов и казаков. Так, например, рукописная книга Слово Григория Богослова принадлежала во второй половине XVII в. стрельцу Осипову,[41] две рукописные книги «Ирмолай с обиходом» куплены у двинского стрельца Ивашки Щербака,[42] занимавшегося, как уже говорилось, перепиской книг. Зная о сравнительно широком распространении грамотности среди стрельцов, можно не удивляться тому, что у них были книги. А вот примеры книг казаков: рукописный церковный Устав принадлежал отставному казаку Никите Севрюгину.[43] Евангелие учительное (1606) стольник В. П. Кикин купил в 1667 г. в Полтаве у казака Афанаса Богуна.[44] Возможно, что эта книга была военной добычей казака.

О наличии книг у крестьян сведений сохранилось несколько больше. Интересно, что владельцами книг были не только государственные, но даже и крепостные крестьяне, а также дворовые люди и что крестьяне имели книги не только религиозного содержания. Вот некоторые данные: в 1654 г. книгу Шестоднев положил во вклад крестьянин деревни Зарубина, принадлежавшей Д. Д. Ольшанину, Василий Козмин сын по прозвищу Шестерня; книгу Апостол (М., 1635) купил у окольничего В. И. Стрешнева крестьянин села Турунтаева Вологод-

[40] Там же, с. 184—185.
[41] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 396.
[42] Дело о пограблении Соловецкого монастыря..., с. 38.
[43] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 7.
[44] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 312.

ского уезда Кузьма Алексеев,[45] в 1682 г. патриарший крестьянин Варзжужской волости Павел Титов сын Щука дал во вклад рукописную книгу Хронограф,[46] в 1631 г., как мы уже знаем (см. с. 46), крепостной крестьянин князя Д. М. Пожарского Иван Осипов Попов (Пурецкой волости) продал в овощном ряду торговому человеку Никите Юрьеву рукописную книгу Минею общую; во второй половине XVI в. «похвальский» поп Иван Яреву продал Евангелие крестьянину Онанию Данилову; книга «Зерцало» принадлежала в первой половине XVII в. сначала монастырскому крестьянину Анфилофею, а потом монастырскому крестьянину Ивану; книгу «Торжественник» в конце XVII в. положил вкладом крестьянин Борецкой волости Карп Иванов сын; Сборник (история Казанского царства, жития) принадлежал во второй половине XVII в. жителю деревни Жирова Андрею Иванову;[47] книга «Мая цветник» принадлежала крестьянину села Иванова Никифору Горелину; другая книга принадлежала крестьянину Каргопольского уезда деревни Амосовской Ивану Борисову сыну Пятково; Ростовского уезда крестьянин Иван Иванов Воронин передал по наследству книгу Минею месячную своему внуку; другой крестьянин Василий Евсегнеев сын Белоусов (село Павлово) получил Минею в наследство от своего деда;[48] книгу Апостол (М., 1648) дали вкладом крестьяне деревни Шилец братья Иван и Лукьян Емельяновы дети.[49] Крестьянин села Ртомы имел сочинения Пересветова.[50] Минею общую старопечатную в 1636 г. продал государственный крестьянин Ладвинской волости Иван Афанасьев государственным крестьянам Третьяку Гаврилову, Ивану Фомину, Федору Евсееву, Томиле Степанову за 2 р. 10 алтын.[51] Из последнего примера видно, что книга была слишком дорога для крестьян и ее пришлось покупать в складчину

[45] Там же, с. 306—307, 325.
[46] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. ..., с. 285.
[47] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков.., с. 368, 382, 395, 396.
[48] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 6, 10.
[49] Леонид. Надписи Троицкой Сергиевой лавры, с. 74.
[50] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 186.
[51] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, с. 58.

четырем человекам. Излюбленным чтением крестьян была, как видно из приведенных примеров, Минея.

Особо следует сказать о книгах, принадлежавших дворовым людям. Таких примеров в нашем распоряжении немного. В 1681 г. человек боярыни Н. В. Воротынской Иван Гущин продал сочинения Дионисия Ареопагита (рукопись) и подписал книгу своей рукой, а человек боярина Б. А. Голицына Иван Антонов сын Ершов (вторая половина XVII в.) имел рукописную книгу Хронограф.[52] В 1652 г. «Петров человек» Андрей Константинов и крестьянин того же Петрова Никита Дмитлев положили вкладом в церковь «на Горо́ще» Бежецкой пятины новгородского уезда Евангелие напрестольное.[53] В 1617 г. дворовый человек Кирилловского монастыря вологжанин М. И. Козманов приобрел сочинения Пересветова, в 1666 г. человек А. Л. Языкова Иван Алексеев сын Яковлев продал Хронограф и подписал своей рукой («двор его на Арбате у Смоленских ворот»), «Сборник разных поучений» принадлежал тоже дворовому — «государеву задворному конюху» Ивану Чуркину.[54] Таким образом, из шести приведенных примеров в трех случаях дворовые оказывались владельцами книг светского содержания (Хронограф, сочинения Пересветова), в двух случаях — книг для чтения религиозного содержания (сочинения Дионисия Ареопагита, «Сборник разных поучений») и лишь в одном случае — богослужебной книги (Евангелие), да и та была, очевидно, специально приобретена для того, чтобы положить ее вкладом.

Любопытен еще один пример принадлежности книги светского содержания представителю низов русского населения XVII в. Один из списков известной уже нам книги «Луцидарис» принадлежал «служительскому сыну» Троицкой лавры Федору Солецкому, который, очевидно, интересовался вопросами мироведения и географии.[55]

[52] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 389, 392.
[53] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 303.
[54] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 187.
[55] Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. Изд. 2-е. М.—Л., 1947, с. 31.

Несомненно, значительным количеством книг владели представители верхушки тогдашнего феодального общества: члены царской семьи, бояре, зажиточные дворяне, епископы, архимандриты и т. д. Наличие крупных книжных собраний в этой среде было явлением нередким, и о составе частных библиотек (описи которых сохранились) нам предстоит еще говорить. К сожалению, число дошедших до нас описей невелико. На основании же записей на книгах и на основании других данных можно видеть, что более или менее крупных книжных собраний, принадлежавших частным лицам, было в XVII в. на Руси значительно больше, чем сохранилось описей.

Записи на книгах показывают, что эти книги принадлежали книжным собраниям боярина Ивана Андреевича Хованского (рукописная книга Космография, позднее эта книга перешла к князю А. Ю. Мещерскому), Дмитрию Васильевичу Ромодановскому (рукописная книга Иосифа Флавия «Иудейская война»), князю Ивану Никитичу Хованскому (рукописная книга Житие И. Златоуста), князю Василию Григорьевичу Ромодановскому-Стародубскому (Житие Василия Великого), князю Юрию Петровичу Трубецкому (рукописная книга «Сочинения И. Дамаскина»),[56] царице Марфе Матвеевне (Триодь цветная. М., 1680) [57] и т. д. Сохранились данные о наличии книжных собраний у известных деятелей XVII в. Н. И. Романова, Б. И. Прозоровского, И. К. Нарышкина и др., а также представителей верхов духовной иерархии.

Рукописные и печатные книги, попавшие в частные руки, ожидала различная судьба. Некоторые из них, по-видимому меньшая часть, сохранялись длительное время в одной и той же семье, переходя от одного поколения к последующему; другие постоянно меняли своего владельца, иногда в пределах определенной группы населения (например, только духовенства), чаще же переходили от

[56] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 383, 391, 392, 395—396.

[57] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 332.

одной категории населения к другой. Нередко книга после продажи оказывалась в другом населенном пункте, подчас далеко расположенном от того места, где она находилась ранее.

Интересный пример длительного хранения книги в одной семье приводит Н. А. Бакланова. На книге «Беседы Григория, старейшего папы римского» имеются записи представителей четырех поколений семьи Юшковых: дворянина Григория Михайловича (упоминается в дворцовых разрядах 20—30-х годов XVII в.), его сына Василия (стольник в 1652 г., воевода в Болхове в 1675 г.), внука Якова (стольник в 1690 г.), правнука Петра, сделавшего запись на книге в 1712 г. «Наблюдение над записями, — по мнению Н. А. Баклановой, — приводит к выводу, что сохранение книги в одном роде дольше всего встречается среди служилых людей».[58] Но это явление наблюдалось не только в среде служилых людей, но даже и у крестьян. Мы уже приводили два случая перехода книги по наследству от деда-крестьянина к внуку (см. с. 86). Видимо, книга для этих крестьянских семей была семейной реликвией.

Вот примеры перехода книги от одного владельца к другому той же группы населения: Сборник рукописный в первой половине XVII в. принадлежал гостиной сотни Ивану, а во второй половине XVII в. торговому человеку Верховажского посада гостиной сотни Илье Павлову сыну Юринскому. Рукописную книгу Сборник житий в 1646/47 г. Никольский поп Мелентей продал «черному священнику» Сергию, что был в попах у Успения «на Ильинской горе», а через 7 лет, в 1653/54 г., последний продал книгу игумену Макарьевского монастыря Илариону.[59]

Гораздо чаще были случаи, когда книга переходила от владельца одной категории населения к представителю другой группы. Рукописная книга «Зерцало» принадлежала в первой половине XVII в. дьякону Шубнику, далее мы видим ее уже собственностью крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря Анфилофея, от него она переходит

[58] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 159.
[59] Сметанина С. И. Записи XVI—XVII веков..., с. 380, 382.

к крестьянину того же монастыря Ивану (вторая половина XVII в.), а затем она собственность некого Якова Анфилофеева сына Масленникова (может быть, это сын крестьянина Анфилофея?). Книгу «Грамматика и философские размышления» поп Гаврило продал попу Мелентию, далее книга принадлежит уже дьяку Григорию Кузьмичу Богданову.[60] Книгу «Толковые пророчества» продал в 1640 г. «чернец Нифонт соловецкой арзамасец» священнику Происхоженского девичья монастыря Титу Емельянову, а во второй половине XVII в. книга принадлежит уже гостю Семену Филиппову сыну Задорину. Книга «Диоптра» принадлежала попу Григорию, а затем посадскому человеку Назару Иванову.[61] «Историю о Варлааме и Иоасафе» дьячок церкви Воскресения Христова Ондрей Савин продал гостиной сотни Степану Иеремееву сыну Цинбальникову.[62]

Книгу Триодь цветную продал поп из Юрьева (польского) Данила Иванов суздальцу посадскому человеку Василию Григорьевичу Лыкову.[63] Вот еще примеры изменения географического размещения книги. Угличанин Гавриил Полиевхтов купил в 1652 г. Евангелие старопечатное у москвитина Федора Никифорова сына Панина. Рукописный Апостол (полуустав XVI в., 177 л.) принадлежал сначала подьячему Петру Лисину, затем иванегороцкому стрельцу «Петровы сотни», который продал ее в 1615 г. «тифенской слушке» Данилову.[64]

Интересна история книги Пролог. В августе 1606 г. ее положил в качестве вклада в Рождественский монастырь на р. Суле (Роменский уезд) старец Иосиф Григорьев. В 1609 г. эту книгу продал боярский сын Родион Семенов сын Рятков, который купил ее у литовских людей, очевидно захвативших книгу в монастыре во время польской интервенции. Рятков продал книгу тому самому попу Юрию, который три года назад присутствовал при

[60] Там же, с. 382, 394.
[61] Там же, с. 378, 390.
[62] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 333.
[63] Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв. ..., с. 284.
[64] Адрианова В. П. Материалы для истории цен на книги..., с. 49, 50.

передаче книги в качестве вклада в монастырь. Но у попа Юрия книга не задержалась. В 1632 г. ее продал костромской посадский человек Г. И. Щелкачев.[65]

Таким образом, книги постоянно переходили от одного владельца к другому. При этом не оставались на месте и книги, положенные, казалось бы навечно, в качестве вклада в церковь. Их также часто продавали. Так, например, в 1652 г. книгу Минею служебную (месяц февраль) дал во вклад в церковь Рождества богородицы в Голутвинской слободе переводчик Иван Семенов Максимов, а в 1694 г. эту книгу из церкви купил подьячий Яков Гаврилов «для того, что сия книга в той церкви была в лишке».[66]

В целом ряде записей говорится, что книги были куплены на Печатном дворе, который являлся во многих случаях исходной точкой в дальнейших перемещениях этих книг. Такую запись мы встречаем на книге Уложение, купленной дьяком Шаховым «во время продажи книг с Печатного двора».[67] В первой половине XVIII в. Уложение находилось уже в Библиотеке Академии наук. Возможно, что оно попало туда в составе книжного собрания царя. Из записи на книге Минея общая с праздничной мы узнаем, что в 1635 г. ее купил на Печатном дворе Василий Чулков за 2 руб. А в 1717 г. книга была продана «за ветхостью» попом Стефаном Ивановым в церковь Николая Чудотворца, «что в Гнездниках».[68]

Чрезвычайно ценные сведения о том, кто покупал книги в лавке Печатного двора, имеются в архивах. Дело в том, что в XVII в. было принято регистрировать каждый факт продажи книги. В большинстве случаев указывались не только имя и фамилия покупателей, но и род их занятий, а также город (или уезд), в котором они жили. На основании этих сведений можно установить, какими книгами интересовалась та или иная категория населения.

[65] Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах..., с. 198.
[66] Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати..., с. 304.
[67] Рукоп. отд. БАН СССР, рукопись, шифр 249 III.
[68] Там же, рукопись, шифр 6872 СП.

Вот данные по продаже ряда изданий в 1650—1664 гг. (табл. 8).[69] Из таблицы видно, что основными покупателями Уложения и книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» были служилые люди (дворяне, жильцы, стряпчие) и знать (бояре, князья, окольничие, стольники). На их долю приходится около 60% всех купленных экземпляров этих книг. Духовенство явно не интересовали подобные издания, зато они привлекали приказных людей (дьяки, подьячие и т. д.), которые купили 17% тиража книги «Учение и хитрость ратного строения» и 19.1% Уложения.

Основными покупателями книг религиозного содержания были духовные лица и торговые люди. Последние покупали эти книги, как правило, для перепродажи. Интересно, что духовенство купило почти половину всех проданных экземпляров грамматик, а дворяне учебные книги покупали мало. Среди покупателей книг мы видим мастеровых Печатного двора, на долю которых приходится около 10% всех проданных изданий. Кроме того, в 1663 г. мастеровым Печатного двора было выдано в счет жалованья 210 экз. Шестоднева и 139 экз. Евангелия. Все эти книги явно предназначались для перепродажи.

Следует оговориться, что приведенные в табл. 8 цифры не являются точными, поскольку при подсчетах нами принимались во внимание лишь те покупатели, род занятий которых известен. Однако какое-то представление о распределении продукции Печатного двора табл. 8 несомненно дает. Очень характерно, что свыше 40% тиража книги «Учение и хитрость ратного строения» купили представители русской знати, проявлявшей особый интерес к книгам военной тематики. Среди покупателей мы встречаем такие имена, как Никита Иванович Романов, Борис Иванович Морозов, Никита Иванович Одоевский, Василий Петрович Шереметев, Василий Григорьевич Ромодановский, Алексей Никитич Трубецкой, Михаил Михайлович Салтыков и др.

В числе покупателей Уложения мы также видим много известных фамилий: бояре Н. И. Романов,

[69] ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 47, лл. 1—108, 233—243 об., 161—169, 210—210 об., № 65, лл. 196—226.

Таблица 8

Продажа изданий Печатного двора различным категориям населения (1650—1664 гг.)

Название книги	Продано книг с указанием рода занятий покупателя	Из них								
		знати	служилым людям	духовенству	приказным людям	торговым людям и посадским	мастеровым Печатного двора	крестьянам и дворовым людям	стрельцам	прочим
Уложение	664	86 (13.0)	271 (40.8)	76 (11.3)	127 (19.1)	66 (10.0)	13 (2.0)	9 (1.4)	4 (0.6)	12 (1.8)
Учение и хитрость ратного строения	65	27 (41.5)	10 (15.4)	3 (4.6)	11 (17)	5 (7.7)	6 (9.2)	—	3 (4.6)	—
Грамматика	38	2 (5.3)	3 (7.9)	16 (42.1)	6 (15.8)	5 (13.1)	4 (10.5)	2 (5.3)	—	—
Поучения Ефрема Сирина	10	—	—	3 (30)	—	6 (60)	1 (10)	—	—	—
Шестоднев	67	6 (8.9)	—	31 (46.3)	4 (6)	—	24 (35.8)[а]	—	—	2 (3)
Евангелие напрестольное	97	18 (18.6)	—	34 (35.1)	3 (3.1)	30 (30.9)	11 (11.3)[б]	1 (1)	—	—

Примечание. Числа в скобках — процент.

[а] Кроме того, мастеровым Печатного двора было выдано 210 экз. Шестоднева в счет жалованья.
[б] Кроме того, мастеровым Печатного двора было выдано 139 экз. Евангелия в счет жалованья.

Б. И. Морозов, Г. Г. Пушкин, князья Семен и Никита Львовы, Федор Долгоруков, Василий Ухтомский, Иван Андреевич Хилков, Федор Шаховской, Федор Волконский, именитые люди Дмитрий и Федор Строгановы, думный дьяк Федор Елизаров и много других представителей верхушки московского общества. Эта книга интересовала очень широкие круги населения. Среди покупателей мы находим, например, трех «государевых сокольников», сотника московских стрельцов Лужина, «часовника» Алексея Шумилова, ловчего охотника Афанасьева, целовальника Рыльского уезда и др.

Интересно, что покупателями Уложения были и дворовые люди: человек Н. И. Одоевского Федор Трубников, человек Я. К. Черкасского Кузыбай Третьяков, люди М. М. Салтыкова Петр Некрасов, Никифор Некрасов, Степан Суханов, человек Н. И. Романова Василий Верещагин (купил 2 экз.), человек Б. И. Морозова — Васильев. Уложение купили также крестьянин государева дворцового села Савва Турышев и три челобитчика, находившиеся в то время в Москве: Матфей Михайлович Быков из Двины, балахонец Петрунка Протопопов и Вологодского уезда Шуйского яма Алешка Соловцев.

Как видно из архивного дела, из 1173 экз. проданного Уложения 453 (38.6%) были куплены не москвичами, а жителями других городов России. Список этих городов очень большой: свыше 80 населенных мест. Перечислим те города, куда пошло больше всего экземпляров Уложения: Рязань — 39, Смоленск — 33, Новгород — 31, Кашира — 25, Ярославль — 24, Суздаль — 18, Галич — 17, Кострома — 17, Нижний Новгород — 16, Коломна — 15, Арзамас — 12, Вологда — 11, Торопец — 10, Тула — 10, Владимир — 10 и т. д. В числе городов значатся и такие отдаленные от Москвы, как Мезень, Киев, Сольвычегодск, Уфа, Яренск и т. д. Следует сказать, что не только Уложение, но и другие издания Печатного двора покупались для вывоза из Москвы. По-видимому, это было довольно обычным явлением.

До сих пор мы говорили лишь о покупке книг, но книги на Руси в XVII в. не только покупались, но и выменивались на другие книги и вещи. Вот несколько примеров. На Минее праздничной написано, что эта книга

«Бежецкого уезда Каменского стану села Заклиния, Николеское тож, поместья стольника Петрова сына Травина» выменена в церкви Введения и пророка Ильи села Введенского на книгу Минея общая с праздничной.[70] Из записи на рукописной книге «Толкования Феофилакта Болгарского» мы узнаем, что в 1600 г. священник Евстафий Лазарев выменял эту книгу за самопал, саблю, черное сукно и «завесу простую».[71] А. Н. Лебедев в своей статье приводит такую запись, относящуюся к 1655 г.: «Сию книжку выменяв яз за молитовник руский у Иосифа священника».[72]

Факт владения книгой еще не характеризует в полной мере широту ее распространения среди населения, так как книгами пользовались не только их владельцы, но значительно большее число лиц. Из записей на книгах мы узнаем, что они выдавались различным категориям читателей. Книгу Минею «чёл» Васюк Курицын, посланный в монастырь на смирение. Книгу «Цветник духовный», принадлежавшую попу Ивану, читал сумского посада мещанин Максим Рагозин, а затем крестьянин Архангельского уезда Василий Андреев Антуфьев. Летописец, принадлежавший Дмитрию Ростовскому, читал ярославский купец Иван Пономарев,[73] на книге Слова Исаака Сирина помета 1673 г. говорит о том, что она взята из книгохранительницы Чудова монастыря для чтения,[74] и т. д.

Большой интерес в XVII в. возбуждали к себе лечебники и травники. Их читали представители самых различних кругов русского общества. Так, например, лечебник, принадлежавший жильцу Григорию Ефремову, читали его мать, подьячие Карпушка Тараканов и Якушка Штука, отец Якушкин старец Гурий, священник Степан Федоров. Лечебник имелся даже у холопа Мишки Свашевского, принадлежавшего стольнику Зыкову.[75]

[70] Рукоп. отд. БАН СССР, рукопись, шифр 6998 СП.
[71] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков..., с. 28.
[72] Лебедев А. Н. Записи на старинных книгах, с. 29.
[73] Там же, с. 22.
[74] Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII веков..., с. 32.
[75] Старостина Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорочных писем. — «Ученые записки Карело-Финского университета», 1947, т. 2, вып. 1, Петрозаводск, 1948, с. 53—54, 56.

Сохранились читательские пометы на книгах, выражавшие отношение к прочитанному. Так, например, на книге Соловецкого монастыря «Лавсаик» перед повестью о трех мнихах (монахах) стоит помета: «Сия повесть ложная, не чести ее на соборе».[76] Против мест в книге, особенно поразивших читателя, делалась помета «зри». На книгах записывались мысли, навеянные чтением книг, или давалась справка о других книгах, в которых говорилось о том же, например: «Смотри о сем прилежно в книге „Нового неба“, да в книге „Жезл правления“». Иногда делались записи и не имевшие отношения к книгам.[77]

Несомненно, что читатели, бравшие для чтения книги в книгохранилищах монастырей, церквей, а также у частных лиц, чаще всего не оставляли своих записей на книгах во избежание порчи не принадлежащих им дорогостоящих вещей. Поэтому о числе лиц, читавших ту или иную книгу, никак нельзя судить по количеству дошедших до нас читательских помет. Читателей было гораздо больше, чем сохранилось их записей. В целом же можно сделать вывод, что круг людей, интересовавшихся книгой в России, был значительно шире, чем это можно судить по количеству владельческих надписей на книгах.

Что же касается тематики литературы, интересовавшей различные группы населения в России; то, как показывает сделанный нами обзор, очень резкой разницы здесь не было. Во второй половине XVII в. несомненно увеличился интерес к литературе светского содержания, главным образом исторической, а также медицинской, художественной, о строении Вселенной и т. д. Однако это характерно не только для гражданского населения (посадские, чиновничество, крестьяне), но и для более начитанных слоев духовенства. В то же время литература религиозного содержания, даже богослужебные книги, продолжают еще интересовать гражданское население. Эта литература несомненно превалирует еще над литературой светской.

[76] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах, с. 23.
[77] Подробнее об этом см.: Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 189—192.

Глава пятая

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

Перейдем теперь к рассмотрению состава крупных книжных собраний отдельных лиц. В XVII в. таких собраний было уже довольно много, хотя далеко не все их описи дошли до нас. Среди владельцев частных библиотек были служилые люди (включая и знать), члены царской семьи, представители верхней ступени иерархии духовенства (патриархи, митрополиты, епископы, архимандриты), наиболее просвещенные монахи (в том числе справщики Печатного двора), отдельные купцы.

К числу библиотек средней группы служилых людей относится книжное собрание воеводы **Ивана Мещеринова,** руководившего в 70-х годах XVII в. подавлением соловецкого восстания. После взятия Соловецкого монастыря на Мещеринова были поданы доносы о том, что он похитил часть монастырского имущества, в том числе и книги. Мещеринов был привлечен к ответственности, а новый воевода В. А. Волконский распорядился отобрать у него якобы похищенное имущество и передать Соловецкому монастырю. В свою очередь Мещеринов подал жалобу на Волконского за его неправильные действия. Вся переписка по этому вопросу опубликована в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских».[1] Для нас интересна в этом деле «роспись» имущества, отобранного у Мещеринова, составленная, по-видимому, им самим и, очевидно, являвшаяся приложением к его челобитной. В описи перечисляются и книги. Мещеринов не только называет каждую из них, но и сообщает точно, где

[1] ЧОИДР, 1884, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 22—41.

(а иногда и у кого) была приобретена книга и по какой цене.[2]

Возникает вопрос, действительно ли это были книги Мещеринова (т. е. справедливы ли его показания), или книги принадлежали Соловецкому монастырю? Точность и подробность показаний Мещеринова (в особенности данные о рукописях), из которых многие можно было легко проверить, так как им назывались лица, жившие поблизости, на наш взгляд, не оставляют сомнения в достоверности показаний, а также в том, что «роспись» книг является описью книжного собрания, специально подбиравшегося И. Мещериновым. Но даже если предположить, что подозрения жалобщиков на Мещеринова справедливы и книги им были похищены из Соловецкого монастыря, «роспись» все же показывает, какого рода литература интересовала Мещеринова и подобных ему служилых людей.

Сгруппируем данные описи в виде таблицы (табл. 9).

Таким образом, библиотека Мещеринова состояла из 48 книг (29 печатных и 19 рукописных). Если среди печатных книг была только одна книга светского содержания («Учение и хитрость ратного строения»), то в числе рукописей книги светского содержания уже преобладали (10 из 19). Но и среди книг религиозного содержания богослужебных книг было не так уж много, зато много было книг для чтения (Соборник большой, Маргарит, «Поучения Ефрема Сирина» и т. д.). Из светских книг Мещеринов явно отдавал предпочтение исторической тематике (Степенная книга, Гранограф, «Александрия»), но интересовался и медициной (лечебники).

Если распределить книги Мещеринова по содержанию, то получится следующая картина (табл. 10).

Из табл. 10 видно, что почти $^1/_4$ часть книг Мещеринова была светского содержания. Для того времени это был очень высокий процент.

Библиотека Мещеринова была книжным собранием человека, очень любившего книги и приобретавшего их всюду, где он мог это сделать. Книги покупались в Москве, Киеве, Сумах, Козьмодемьянске, Холмогорах.

[2] Там же, с. 34—41.

Таблица 9

№ п/п	Название книги	Где приобретена книга	Цена
	Печатные книги		
1	Меч духовный, киевской печати.	В Киеве.	4 руб.
2	Ключ разумения, киевской печати.	» »	7 »
3	Библия Острожская.	» »	6 »
4	Евангелие толковое.	В Москве.	4 »
5	Евангелие напрестольное.	» »	4 »
6	Апостол.	» »	2 »
7	Минея общая с праздничной.	» »	5 »
8	Шестоднев.	» »	2 »
9	Триодь постная.	» »	4 »
10	Триодь цветная.	» »	3 »
11	Соборник большой.	В Козьмодемьянске у вдового священника Сергия.	5 »
12	Маргарит с житием И. Златоуста.	То же.	7 »
13	Октоих на 8 гласов, в двух книгах.	В Москве.	8 »
14	Псалтырь с восследованием.	» »	4 »
15	Требник.	» »	5 »
16	Поучения Ефрема Сирина.	» »	3 »
17	Часослов.	» »	3 »
18	Учение и хитрость ратного строения.	» »	3 »
19	Псалтырь, киевской печати, в полдести.	В Киеве.	2 »
20	Новое небо, киевской печати.	» »	1 »
21	Часослов, старой печати, в полдести.	В Москве.	1 р. 20 к.
22	Житие Николая Чудотворца, киевской печати, в четверть дести.	В Киеве.	60 коп.
23	Псалтырь, новоисправленный, в четверть дести.	В Москве.	} 1 р. 20 к.
24	То же.	» »	

Таблица 9 (продолжение)

№ п/п	Название книги	Где приобретена книга	Цена
25	Часослов, новоисправленный, в четверть дести.	В Москве.	60 коп. (25–26)
26	То же	» »	
27	Апостол, киевской печати, в четверть дести.	В Киеве.	1 руб.
28	Новый завет, киевской печати, в четверть дести.	» »	2 »
29	Святцы с Указом.	В Москве.	1 р. 20 к.
	Книги рукописные		
1	Деяния апостолов, с толкованием, в десть.	«Писали соловецкие выходцы старец Дионисий да Иосиф, прозвище Елень».	2 руб.
2	Псалтырь, с толкованием, в десть.	«Писал двинский стрелец Ивашко Щербак, да сумской стрелец Гришка Дьяконицын».	15 »
3	«Устав отеческой», в десть.	Куплен в Холмогорах у Курьевского священника Бориса Иванова.	10 »
4	Гранограф, в десть.	«Писаны по библейному страница на двое». Писал «двинский стрелец Васка Антипин, да человек ево Савоска Яковлев». (4–5)	30 »
5	То же.		
6	Степенная книга.	Куплена у Курьевского священника Бориса Иванова.	20 » (6–7)
7	« »	Переписана с предыдущей книги двинским стрельцом Миткой Семеновым.	
8	Лечебник старинный, скоропись.	Привезен из Москвы.	6 »
9	Александрия «со многими цветами», скоропись.	«Писал в Сумском остроге Сенка псаломщик». (9–10)	4 »
10	Александрия «со многими цветами», уставная.		

Таблица 9 (продолжение)

№ п/п	Название книги	Где приобретена книга	Цена
11	Александрия «старинного уставного письма, в полдесть».	«Дал тое книгу сумлянин посадский человек Михайло Михалев».	4 руб.
12	Обиходник.	Куплен в Холмогорах.	6 » (за № 12–13)
13	»	Писал с предыдущей книги двинский стрелец Ивашко Щербак.	
14	Лечебник новый.	Куплен у курьевского священника Бориса Иванова в Холмогорах.	8 » (за № 14–15)
15	» »	Писал с предыдущей книги двинский стрелец Митка Семенов.	
16	«Ирмолай с обиходом знаменный».	Куплены у двинского стрельца Ивашки Щербака. (№ 16–17)	6 »
17	То же.		
18	Житие и служба великомученицы Екатерины.	Писал Сенка псаломщик.	2 »
19	«Обретение честные главы Иоанна Предтечи».	Куплена в Холмогорах.	1 р. 20 к.

Таблица 10

Тематика книг	Количество книг	В % к общему количеству книг
Религиозного содержания	37	77.0
Светского содержания	11	23.0
В том числе:		
исторических	7	14.6
медицинских	3	6.3
по военному делу	1	2.1

В Холмогоры Мещеринов привез с собой лишь 33 книги и за время осады сумел пополнить свою библиотеку еще на 15 книг, т. е. увеличил свою коллекцию в полтора раза. Любитель-книголюб, он заказал себе копии уже

приобретенных книг, обращая большое внимание на качество переписки, и платил очень большие по тому времени деньги за переписку книг. По-видимому, подобные книголюбы среди средней группы служилых людей не были исключением.

Значительно более интересным по своему составу является книжное собрание крупного государственного деятеля второй половины XVII в. **Артамона Сергеевича Матвеева.** А. С. Матвеев, сын дьяка (русского посла в Турции и Персии), рано попал ко двору. Не относясь к родовитой знати, он тем не менее быстро выдвинулся благодаря личным дарованиям и большому расположению к нему царя Алексея Михайловича, который знал его с юношеских лет. В 1669 г. А. С. Матвеев был назначен начальником Малороссийского приказа, а через два года (после удаления А. Л. Ордина-Нащокина) поставлен во главе Посольского приказа и продолжал линию своего предшественника на сближение с Западом.

Обнаружив большие способности в дипломатической деятельности и горячо отстаивая интересы России в отношениях с иностранными державами, А. С. Матвеев вместе с тем понимал необходимость обучения русских у более культурных стран Западной Европы и охотно сближался с иностранцами. Дом у него был обставлен по-европейски, из дворовых людей создана театральная группа, которая ставила спектакли, своему сыну Андрею он дал хорошее образование. По-видимому, и сам А. С. Матвеев был образованным и очень начитанным по своему времени человеком, большим любителем книг. Он занимался и литературной деятельностью. По его инициативе и под его руководством, как мы уже знаем, «строились» в Посольском приказе рукописные книги светского содержания, и, по-видимому, он участвовал в составлении текстов некоторых из них, например «Титулярника», «Книги об избрании на престол... Михаила Федоровича...».

После смерти царя Алексея Михайловича А. С. Матвеев впал в немилость и летом 1676 г. послан был воеводой в Верхотурье в Сибири. Но, не доехав до своего воеводства, он по проискам врагов был лишен чинов и имущества и сослан на Печору в Пустозерск. Как

известно, в 1682 г. Матвеев был возвращен в Москву, но вскоре он был убит во время стрелецкого бунта.[3]

После Матвеева осталась довольно крупная по тому времени библиотека, опись которой была составлена в 1677 г., когда состоялось распоряжение о передаче книг Матвеева в библиотеку Посольского приказа. Из этой описи, опубликованной С. А. Белокуровым в его известной работе «О библиотеке московских государей»,[4] видно, что в книжном собрании Матвеева находилось 77 книг на разных языках. Обращает на себя внимание разнообразие языков, на которых была представлена литература в библиотеке А. С. Матвеева. Вот эти данные:

Состав книжного собрания А. С. Матвеева, переданного в 1677 г. в Посольский приказ

Язык, на котором написаны книги	Количество книг
Латинский	42
Немецкий	12
Греческий и латинский	5
Польский	4
Французский	3
Итальянский	1
Голландский	1
Немецкий и польский	1
Неизвестно, на каком языке	8
Всего	77

Таким образом, более половины книг Матвеева (55.4%) было на латинском языке — тогдашнем международном языке, далее шли книги на немецком языке — 12 книг (15.6%) и т. д. Известно, что Матвеев вместе

[3] Малиновский А. Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артамон Сергеевич Матвеев, начальник государственного приказа посольской печати. — «Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете», 1837, ч. 7, с. 57—65; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — «Книга. Исследования и материалы», М., 1963, сб. 8, с. 185, 196—197.

[4] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 69—74.

с сыном учился латинскому и греческому языкам, но по-настоящему ни одним иностранным языком он не владел. Однако сын его говорил по-латыни и знал другие языки. Отсутствие в описи книг на русском языке вовсе не говорит о том, что их не было у Матвеева. Наоборот, не подлежит сомнению, что Матвеев имел русские книги, во всяком случае исторические, иначе он не мог бы участвовать в написании текстов исторических книг, «строившихся» в Посольском приказе. Очевидно, для Посольского приказа из библиотеки Матвеева были отобраны книги лишь на иностранных языках, а русские книги переданы в другое место.

Важно и еще одно обстоятельство, говорящее о неполноте описи 1677 г.: эта опись была составлена после отъезда Матвеева из Москвы по своему новому назначению верхотурским воеводой, куда он повез с собой часть книг, в том числе «две тетради словенского письма о болезнях».[5] Известно, что в конце XIX в. рукописные книги из его книжного собрания встречались на Печоре.[6] К сожалению, книги, увезенные Матвеевым из Москвы, не сохранились как цельная коллекция.

Возвращаясь к описи 77 книг Матвеева, переданных в Посольский приказ, следует прежде всего отметить разнообразие тематики этого собрания. Правда, приведенные в описи названия книг не всегда дают возможность установить их содержание, а иногда бывает трудно решить, к какой области знаний относится та или другая книга. Все же общее представление об этой книжной коллекции создается. Первое, что обращает на себя внимание, — это явное преобладание (по числу книг) светской литературы над литературой религиозной. Книг религиозного содержания здесь не более 20% (две книги Иоанна Златоуста, Библия, сочинения Афанасия Великого, «Книга о вере» и др.).

[5] Писаревский Г. Опись имущества боярина Артамона Сергеевича Матвеева. — ЧОИДР, 1900, кн. 2, отд. 5. Смесь, с. 9; Старостина Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорочных писем. — «Ученые записки Карело-Финского университета», 1947, т. 2, вып. 1, Петрозаводск, 1948, с. 62, 71, 80.

[6] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968, с. 104.

Второе, что бросается в глаза, — это большой процент книг по естественнонаучной тематике и технике. Здесь имелись книги по архитектуре, садово-парковому делу, включая и чертежи (по тогдашней терминологии — «огородное и палатное строение»), географии, космографии, минералогии, медицине, военному делу и т. д. Такой интерес к естественным наукам для русского вельможи XVII в. представляет явление не совсем обычное. Особенно много было у Матвеева книг по архитектуре и садово-парковому делу (почти исключительно на немецком языке). Из их числа 17 книг «огородного и палатного и городового строеней и резных и водовзводных и фигурных образцов» взял впоследствии себе (в 1684—1685 гг.) В. В. Голицын.[7]

Вот (в переводе того времени) названия некоторых книг по этой тематике: «Книга огородного и палатного строения в лицах»,[8] «Книга чертежей полатных в лицах», «Книга деревянных резей в палатах в лицах», «Книга по городовому строению в лицах» и т. д. Таким образом, в увлечении литературой по архитектуре, садам и паркам, водовзводным машинам Матвеев был предшественником Петра.

Другой областью его интересов была география. Известно, что когда в Китай в качестве посланника был направлен Николай Спафарий, Матвеев поручил ему сделать подробное описание пути от Тобольска до Китая.[9] В библиотеке Матвеева были «Описание Иерусалима града» (Рим, 1602), «Книга разных городов» («в лицах»), книга «землеописательная» Ф. Клеверия, «Книга о Речи Посполитой» А. Консана и др., а также ряд чертежей и карт, например рукописный «Чертеж Архангельского города и иных поморских городов и мест», печатные карты «свейской и датской земель», «Три чертежа печатных, на одних листах Московской, другой польской, третий асийской [земли»].[10]

[7] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 74.
[8] Т. е. иллюстрированная.
[9] Малиновский А. Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артамон Сергеевич Матвеев..., с. 60.
[10] Писаревский Г. Опись имущества боярина Артамона Сергеевича Матвеева, с. 13.

Из другой литературы естественнонаучной тематики следует назвать «Землемерие», «Книгу лекарского учения», «О естестве камней», «Книгу конскую» и др., из литературы военной тематики — «Книгу оружейного строения в лицах». У Матвеева было много и гуманитарной литературы: книги по истории (например, известное сочинение Квинта Курция об Александре Македонском, «Летописец Гильбирта Генабрарда», двухтомная история Георгия Пахимеры (Рим, 1666—1668), описание казацкой и татарской войны), по философии и логике (сочинения Аристотеля), филологии (грамматики греко-латинские, латинские, голландская), юридическим наукам («Разделение судебное», «Уложение польское», Кодекс Юстиниана и др.), ораторскому искусству («Риторика» И. Восса, произведения Цицерона), художественная литература (сочинения Вергилия), «Книга песней певчая». Любопытно наличие в библиотеке Матвеева «Разговоров» Эразма Роттердамского.

Таким образом, перед нами предстает очень своеобразная по своему составу библиотека, принадлежавшая человеку с широким кругом интересов, весьма мало уделявшего внимания литературе религиозного содержания. Конечно, говорить о том, что все перечисленные в описи книги принадлежали лично Матвееву, было бы не совсем правильно. В описываемую нами эпоху не было вполне четкого разграничения между казенными и частными книгами. Начальник мог взять книги, принадлежавшие подведомственному ему учреждению, и не торопиться с их возвращением или вообще не вернуть. Так поступил, как мы только что видели, В. В. Голицын, начальник Посольского приказа, взяв из приказа книги, принадлежавшие ранее А. С. Матвееву, и «назад в приказ не присылывал». Так же поступал и А. С. Матвеев. С. А. Белокуров обратил внимание на то, что некоторые из книг, числящиеся по описи 1677 г. как книги А. С. Матвеева, совпадают по названию с книгами Посольского приказа, значащимися в описи 1673 г. По-видимому, это не дублеты, считает С. А. Белокуров, а книги, ранее взятые А. С. Матвеевым из Посольского приказа и не возвращенные. Об этом свидетельствует и сравнение описей книг Посольского приказа 1673 и 1696 гг. — около

35 книг, числящихся в описи 1673 г., отсутствуют в описи 1696 г.[11] Но независимо от того, все ли книги, значащиеся в описи 1677 г. как поступившие от А. С. Матвеева, принадлежали ему лично или не все, опись эта хорошо характеризует область интересов А. С. Матвеева. Правда, из-за отсутствия в ней сведений о книгах, взятых им с собой в Верхотурье (речь идет в первую очередь о русской литературе), картина получается неполная.

Владельцем другой интересной по своему составу библиотеки был тоже известный государственный деятель второй половины XVII в. и тоже начальник Посольского приказа князь **Василий Васильевич Голицын** (1643—1714). В противоположность А. С. Матвееву В. В. Голицын принадлежал к одной из самых родовитых боярских семей России. Поэтому он очень быстро сделал свою карьеру. В 1676 г., т. е. в возрасте 33 лет, он был уже боярином, а через шесть лет, в 1682 г., поставлен во главе Посольского приказа. Во время правления Софьи В. В. Голицын, ее фаворит, стал первым человеком в государстве, руководителем внешней и внутренней политики России. Однако это продолжалось всего семь лет. После свержения Софьи (в 1689 г.) он был отправлен в ссылку, где и умер в 1714 г.

Голицын получил прекрасное по тому времени домашнее образование, знал немецкий и греческий языки, свободно говорил по-латыни. Он хорошо понимал значение просвещения в стране, был сторонником преобразований и сближения России с Западом. Известно, что он способствовал отмене местничества и первым шагам русского правительства в реорганизации армии. Однако, будучи скорее кабинетным, чем практическим деятелем, Голицын не оставил яркого следа в истории России. Сведения же о его широких преобразовательных планах, основанные на сообщениях Невиля, автора «Записок о Московии», не подтверждаются историческими фактами. Тем не менее он был несомненно одним из образованнейших людей своего времени и вопрос о составе его библиотеки представляет большой интерес для исследователей.

[11] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 48, 49.

Книги, принадлежавшие В. В. Голицыну, описаны в числе прочего его имущества. Описи эти опубликованы в IV томе «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках». Из описей видно, что у Голицына не было отдельного помещения для библиотеки и основная часть его книг размещалась в двух палатах его обширного дома: в «верхней крестовой палате» и в «нижней казенной палате», отдельные книги находились и в других помещениях.[12] Всего в описях значится 93 книги. Кроме того, в описях имущества Голицына переписаны книги, находившиеся в церквах сел, принадлежавших В. В. Голицыну, в Московском и Арзамасском уездах [13] (всего около 123 книг, почти исключительно богослужебных).

Таким образом, общее число книг, перечисленных в описях, — 216. Однако, на наш взгляд, книги церквей никак нельзя считать частью библиотеки Голицына, так как этими книгами он, конечно, не пользовался, и церковные книги имели совсем другое назначение. В отношении числа книг библиотеки Голицына мы совершенно не согласны с Н. А. Баклановой, которая в известной уже нам статье утверждает, что эта библиотека состояла из 266 книг, из них около 100 светских.[14] По-видимому, Н. А. Бакланова при своих подсчетах пользовалась не самими описями, помещенными в IV томе «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках», а указателем к этому тому, где в общем ряду перечислены как книги Голицына и его церквей, так и книги, принадлежащие другим лицам, а также литература, на которую дается ссылка в томе. Вследствие этого к книгам библиотеки Голицына Н. А. Бакланова отнесла все книги церквей его вотчины, а также такую книгу, как «Историческое описание Красногорского монастыря» (М., 1880), вышедшую через 200 лет после составления описи книг В. В. Голицына. По той же причине Н. А. Бакланова не могла

[12] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 4. СПб., 1893, стлб. 9, 30—33, 55—58, 99, 160, 215.

[13] Там же, стлб. 345, 346, 352, 364, 382, 401, 404, 419, 448, 449, 452.

[14] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 174.

заметить, что принадлежавшее В. В. Голицыну село Черная Грязь («Богородицкое тож») переписано в описях два раза (первый раз 25 сентября 1689 г., а второй раз 17 октября 1689 г.), поэтому книги, находившиеся в церкви этого села, описаны два раза.

Что же представляла собой личная библиотека В. В. Голицына по своему составу? Из описей видно, что в ней находились и печатные и рукописные книги, причем рукописных было значительно меньше, чем печатных. В основном это была литература на русском языке, так как, помимо русских книг, в описях значится лишь семь книг на немецком языке, две на польском и одна польско-латинская грамматика. Впрочем, не исключена возможность, что иностранных книг было больше, и сведения о том, что данная книга написана на каком-либо из иностранных языков, просто не проставлены в описи.

Характерно, что в библиотеке Голицына преобладала светская литература. Это видно из табл. 11.

Таблица 11

Тематика	Количество книг	В % к общему количеству книг
Светского содержания	47	50.5
Религиозного содержания . . .	41	44.1
Неизвестно, какой тематики	5	5.4
Всего	93	100

Тематика книг светского содержания была довольно разнообразная. Здесь были книги исторические (Летописец киевской печати, «История писменная польского языка», «История писменная», Родословная), грамматики, юридические (Судебник), книги по военному делу («Учение и хитрость ратного строения», «Устав воинский голландской земли» и др.), «Землемерная книга» на немецком языке, «Книга всяким рыбам и зверям в лицах»,[15] рукописная книга Иова Лудольфа об Абиссинии,

[15] «Книгу птицам и зверям» переводил С. Полоцкий. Не та ли это книга?

поднесенная Голицыну в 1664 г., четыре рукописные книги «О строении комедии», конский лечебник, рукописная книга Юрия Крижанича, «певчая» книга на немецком языке, книга «Персонник и гербовник», большое число календарей. Некоторые книги были связаны с государственной деятельностью Голицына, например рукописная книга «О послах», книга «О гражданском житии, или о направлении всех дел, яже надлежат обща народу», «Вручение... государыне Софии Алексеевне привилие на академию...» (по-видимому, это произведение Сильвестра Медведева) и др.

Голицына интересовала также литература назидательного характера и художественная: «Тестамент Василия, царя греческого», «История о Варлааме и Иоасафе», западноевропейские рыцарские романы («История о Магилоне кралевне», «История о царице Олунде»). Интересно, что 17 книг «О палатном и огородном строении», которые, как мы знаем, были взяты В. В. Голицыным в библиотеке Посольского приказа, в описи не значатся. Возможно, что они были взяты Голицыным не для себя (а для царского двора) и поэтому не попали в опись.

Религиозная литература в библиотеке Голицына особенного интереса не представляет. Здесь обычные для того времени триоди, патерики, служебники, жития, сочинения Златоуста и т. д. Особо следует отметить наличие в библиотеке Голицына «Алкорана Махметова» (в переводе с польского) и произведений русских церковных писателей Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, Лазаря Барановича.

В целом следует сказать, что наиболее интересной для нас особенностью библиотеки В. В. Голицына было преобладание (по количеству книг) светской литературы над религиозной. Что же касается подбора книг по содержанию, то нельзя не признать, что индивидуальность владельца проявилась здесь недостаточно. И, просматривая перечень книг библиотеки Голицына, мы не очень-то ясно представляем круг его интересов. По-видимому, и в научных занятиях, как и в практической государственной деятельности, Голицын был дилетантом, не проявляя серьезного интереса к какой-либо определенной области знания. Никаких научных трактатов в его библиотеке не было.

Книжные собрания имели и другие представители знати, однако описи этих собраний до нас не дошли. Так, например, свою библиотеку имел боярин **Борис Иванович Морозов**, фактический правитель Русского государства в первые годы царствования Алексея Михайловича. Мы уже знаем, что Морозов был одним из покупателей изданий Печатного двора,[16] но он собирал и иностранную литературу. Известно, что он отличался большой любовью к иностранцам и, видимо, у них покупал книги на иностранных языках. После смерти Б. И. Морозова некоторые его книги попали в Аптекарский приказ, а оттуда в Библиотеку Академии наук. Среди выявленных в Библиотеке Академии наук книг Аптекарского приказа имеется 17 книг на латинском языке с пометой «книга Бориса Ивановича Морозова».

В числе этих книг имеются произведения Цицерона, книги по истории (сочинения Тацита и комментарии к ним Ю. Липсия), одна книга по медицине (сочинения Галена); вся остальная литература религиозного содержания. Пометы на обороте задней корки переплета некоторых книг Морозова «копорска», «вилинска» означают, по-видимому, место их приобретения. Разумеется, из приведенных сведений трудно составить себе представление не только о числе книг, но даже и о составе книжного фонда библиотеки Б. И. Морозова, однако сам факт наличия у него библиотеки, включающей как русские, так и иностранные книги, бесспорен.[17]

Среди покупателей изданий Печатного двора мы видели и других представителей знати: Никита Иванович Романов, Иван Андреевич Хилков, Никита Иванович Одоевский, Федор Михайлович Ртищев и т. д.[18] Все эти лица несомненно имели свои библиотеки. Известно, что

[16] ЦГАДА, ф. 182, оп. 1, № 65, л. 239.

[17] Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. Л.—М., 1956, с. 429—431; С. П. Луппов. Основание Библиотеки Академии наук и ее первоначальный книжный фонд. — В кн.: 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. Сборник докладов на юбилейной научной конференции. М.—Л., 1965, с. 278—279.

[18] ЦГАДА, ф. 182, оп. 1, № 65, лл. 206, 19 об., 131 об., 135, 147, 201 об., 239 и др.

Н. И. Одоевский преподнес в 1681 г. в дар царю Федору Алексеевичу пять рукописных книг: 1) «Лествица царей и великих князей российских от четвертого колена великого князя Рюрика и иных родов», 2) книга «Разрядная 7000 со 101 году по 113 год. В той же книги родословцы черниговских и иных родов князей», 3) «Сказание родословию князей российских», 4) книга «лекарственная», 5) «Книга ратного строю, которая по указу... Василия Ивановича, всеа России самодержца, переведена во 114 году с воинской немецкой книги».[19] Князь Юрий Алексеевич Долгорукий поднес царю книгу «О селитреном варенье и о пороховом деле» 1653 г.[20]

Несколько слов следует сказать о книжных собраниях членов царской семьи. До нас дошли описи книг царя Михаила Федоровича, царевича Алексея Михайловича (будущего царя), его сына Алексея Алексеевича (рано умершего) и другого сына — царя Федора Алексеевича.[21] Из данных этих описей видно, как на протяжении около полувека менялся состав книжных собраний одной и той же семьи — росло число книг в библиотеках, увеличивался процент светской литературы по отношению к общему числу книг.

Сохранились две описи книг **царя Михаила Федоровича**.[22] Первая опись относится к 1634 г. Из нее видно, что у царя в это время было всего 11 книг, хранившихся «в государеве в большой шкатулке». Книги эти были почти исключительно религиозного содержания. Исключение составляли лишь «Книга Аристотелева», книга об осаде Троицкого монастыря и книга об избрании царя. Через 8 лет (в 1642 г.) была составлена вторая опись.

[19] Дела тайного приказа, кн. 1. — «Русская историческая библиотека», СПб., 1907, т. 21, стлб. 405—406.
[20] Там же, стлб. 179.
[21] Описи опубликованы И. Е. Забелиным (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. — «Отечественные записки», 1854, т. 97, № 12, отд. 2. Науки и художества, с. 122—133). Позднее эти описи были опубликованы вторично во второй части монографии И. Е. Забелина, вышедшей под тем же названием в 1915 г., уже после смерти автора (Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. 2. М., 1915, с. 591—953, 596—607). В дальнейшем мы будем ссылаться лишь на последнее издание.
[22] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей..., с. 591—592.

Число книг за это время увеличилось до 29[23] (к сожалению, некоторые книги в описи не перечисляются, а указывается лишь количество). Что же касается состава книг, то он не изменился: в библиотеке царя по-прежнему была представлена почти исключительно религиозная литература.

Книжное собрание **царевича Алексея Михайловича**, так же как и книжное собрание его отца, очень невелико (всего 15 книг),[24] однако состав его уже несколько иной: светских книг у Алексея Михайловича значительно больше, чем у царя Михаила. Вот примеры книг светского содержания: Космография, грамматика литовской печати, азбука печатная, «Тестамент Василия, царя греческого» и др.

Интересны сведения об источниках комплектования этой библиотеки. Лишь только две книги были специально куплены для царевича (у сидельцев Строгановых), все остальные книги являются «подношениями»: четыре от патриархов, четыре от дьяков (в том числе и от учителя царевича), одна от протопопа Благовещенского собора, четыре от боярина Алексея Михайловича Львова. Этот боярин подносил царевичу книги литовской печати.

Библиотека **царевича Алексея Алексеевича** — представителя третьего поколения семьи Романовых — уже очень сильно отличается от книжного собрания его отца. Прежде всего здесь было во много раз больше книг. По данным одной описи, в библиотеке царевича было 192 книги (64 русские и 128 иностранных), по данным другой описи — 215 книг (78 русских и 137 иностранных).[25] Однако дело было не в числе книг, а в составе самого

[23] Н. А. Бакланова почему-то дает другую цифру: 32 книги (Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 171).

[24] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей..., с. 592—593.

[25] Описи опубликованы в указанной работе И. Е. Забелина (Домашний быт русских царей..., с. 596—599). Книги царевича находились в трех шкафах. Непонятно, почему Н. А. Бакланова (Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века, с. 172) и М. И. Слуховский (Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 42) дают другие цифры количества книг в библиотеке Алексея Алексеевича: по сведению Н. А. Баклановой, у Алексея Алексеевича была 181 книга, по сведению М. И. Слуховского — 130 книг, из них 90 книг светского содержания.

книжного собрания. Сразу бросается в глаза явное преобладание по количеству книг иностранной литературы над русской: около $^2/_3$ библиотеки составляли иностранные книги (по первой описи доля иностранных книг составляла 66.7%, по второй — 63.7%). Для книжного собрания представителя русской знати (даже и второй половины XVII в.) это было необычным явлением. К сожалению, в описях не приводятся названия иностранных книг (очевидно, по причине незнания составителем описей иностранных языков), а даются лишь глухие указания: «22 книги на разных языках» или «осмьдесять шесть книг на разных языках, больших и малых». Таким образом, остается неясным, на каких именно языках имелись книги и, конечно, совершенно неясна их тематика.

О содержании книг библиотеки можно судить лишь по названиям русских книг, которых, как мы уже знаем, было меньшинство. И все же представление о составе этого книжного собрания создается. Наряду с книгами религиозного содержания (в основном это были книги для чтения, а не богослужебные) в числе русских книг было много светской литературы: Летописец, 11 книг «описания земель», несколько лексиконов, несколько грамматик, книга «Монархия», «Книга писменная Аристотелева» (по-видимому, из собрания деда царевича), «Книга ратного строения», «Книга цифирная писменная», «Книга размерная» (геометрия), Уложение, описание коронации короля польского Михаила, календарь и др.

Таким образом, тематика книг была очень разнообразна, и это является второй особенностью библиотеки Алексея Алексеевича. Кроме того, чувствуется, что книги подбирались с большим знанием дела. По-видимому, подбором книг занимался воспитатель царевича Федор Михайлович Ртищев, просвещенный человек, основатель одной из первых школ в России. Именно Ртищев привил своему воспитаннику любовь к чтению. Задача Ртищева состояла в том, чтобы царевич получил возможно более широкие знания, не исключая и знаний в области естественных наук. Характерно, что среди вещей Алексея Алексеевича, помимо книг, значились также 14 листов «описания разных земель» и два глобуса.

Не менее интересной по своему составу была и библиотека брата Алексея Алексеевича — **царя Федора**. Сохранились две ее описи, опубликованные И. Е. Забелиным.[26] Одна из них носит название «Опись библиотеки царя Федора Алексеевича», другая называется «Книги, которые по указы блаженные памяти... царя... Федора Алексеевича... приняты из его великого государя комнаты книгохранительницы в его государеву Мастерскую палату... в нынешнем в 191 году апреля в 12 день». Из сопоставления описей видно, что в них перечисляются не одни и те же, а разные книги. Таким образом, после смерти царя часть его книг (первая опись) осталась во дворце, а вторая часть (вторая опись) по его распоряжению, высказанному при жизни, была передана в 1683 г. в Мастерскую палату. В первой описи перечислены 137 книг на русском, латинском и польском языках (латинских 24 книги, польских четыре). Значительную часть этих книг (36%) составляли книги светского содержания. Среди них Степенная книга, «Книга родословия великих государей», «Учение и хитрость ратного строения» (12 экз., рукописных и печатных разных лет издания), два лечебника, три чертежные книги на латинском языке, три «певческие» книги и др.

Интересна по составу вторая часть библиотеки, переданная в Мастерскую палату. Всего было передано 143 книги, из них более 50 светского содержания. В числе светских книг было много исторических: Гранограф рукописный, «История казанская», Хроника Матвея Стрыйковского, «Собрание, откуды произыде корень великих государей и великих князей российских» (т. е. «Титулярник»), «Летописец римских царей», «Летописец киевский 188 году», Гранограф на латинском языке и др., литература по военному делу («Учение и хитрость ратного строения», «О пушках»), книги, связанные с дипломатической деятельностью («Вопросительная от великого государя о здравии окрестных государств государей у послов...»), лексикон, буквари, азбуки и т. д.

Обращает на себя внимание наличие значительного числа книг по естественным и точным наукам: «О Луне и

[26] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей..., с. 599—607.

всех планетах небесных», «Цифирная», описания городов (Рима, Амстердама, городов Московского государства), книги по медицине (травник, лечебник), книга «Палатного строю», книга «О пушках» и др. Довольно много было и художественной литературы: «Повесть о богдойских татарах и о завладении ими китайского государства», «История о Варлааме и Иоасафе» (здесь она названа книга «царя Иосафа индейского»), вирши на смерть Алексея Михайловича, Слово Юрия Крижанича на царское венчание и др. В этой части библиотеки царя (т. е. по второй описи), помимо русской литературы, было 19 книг на латинском языке.

Таким образом, библиотека Федора Алексеевича состояла из 280 книг (137 плюс 143). По количеству книг она превосходила библиотеку его брата, а по тематике была еще более разнообразной. Однако доля иностранной литературы здесь была гораздо меньше. В книжном собрании Алексея Алексеевича, как мы знаем, иностранные книги составляли ²/₃ общего количества книг, в книжном собрании Федора Алексеевича — менее 20%. Была и еще одна особенность библиотеки царя Федора — некоторые книги находились в ней в большом числе экземпляров, например «Учение и хитрость ратного строения». Это говорит о том, что книги в библиотеке предназначались не только для чтения, но и для раздачи их в качестве дара царя.

Как видно из помет на тех же описях, часть книг царя Федора уже через год после его смерти, в 1683 г., перешла в книжное собрание других членов царской семьи — царя Петра и царевны Софьи. Для Петра было взято 12 книг, в том числе книга «О Луне», Хроника Матвея Стрыйковского, «Персонник на латинском языке в пергамине белом», для Софьи две книги: «Вертоград многоцветный» и «Венец веры». В конце второй описи есть приписка, что вся эта часть библиотеки царя Федора была 27 марта 1683 г. отнесена И. М. Милославским в хоромы Софьи Алексеевны, но так как все эти книги уже 12 апреля того же года были, как мы знаем, переданы в Мастерскую палату, пребывание их в комнатах Софьи было недолговременно. В целом же можно ска-

зать, что переход книг от одного члена царской семьи к другому был обычным явлением.

Что же касается вопроса о том, кто пользовался книгами этих собраний, кроме самих владельцев, мы, к сожалению, пока не располагаем еще необходимыми данными. М. И. Слуховский в известной уже нам работе пишет, что книги из царской библиотеки выдавались иногда «родовитой знати, придворному окружению», ссылаясь при этом на книгу И. Е. Забелина. Однако у И. Е. Забелина на страницах, на которые ссылается М. И. Слуховский, приводятся факты получения книг царской библиотеки придворными не для себя лично, а для других членов царской семьи, о чем мы уже говорили (см. с. 116).[27]

К числу крупных частных книжных собраний XVII в. относится книжное собрание широко известных купцов Строгановых, родовым гнездом которых была Соль Вычегодская. Начало этой библиотеке было положено еще в XVII в. **Аникой Строгановым.** В 1578 г. в связи с разделом имущества Аники между тремя его сыновьями (Семеном, Максимом и Никитой) была составлена опись его книг. Из описи видно, что у А. Ф. Строганова было 205 книг почти исключительно религиозного содержания.[28] Некоторые из них, например евангелия, часовники, псалтыри, имелись в большом числе экземпляров и, очевидно, предназначались для передачи в церкви, находившиеся на землях Строгановых. В библиотеке имелись и книги литовской печати. Возможно, что они были приобретены непосредственно в Литве, с которой Строгановы имели торговые связи.[29]

Книг светского содержания у Аники Федоровича Строганова было не более 5%: хронографы, летописцы, «Философия», «Взятие цареградское», «Летописец Троя», «Летописец литовский», «Четыре царства». Таким образом, это была почти исключительно историческая литература.

[27] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 98 и примеч. № 404. См. также: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей..., с. 592, 603, 607.

[28] Введенский А. А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв. — «Север», Вологда, 1923, кн. 3/4, с. 80, 105—106.

[29] Там же, с. 79.

Каких-нибудь книг, связанных с торговой деятельностью владельца, в библиотеке не имелось.

Как мы уже видели, книжное собрание Аники Строганова было поделено между тремя его сыновьями. Каждый из них в дальнейшем стремился, по-видимому, увеличить свою долю. Известно, что у одного из потомков Аники **Максима Максимовича Строганова**, умершего в 1627 г., была библиотека, состоявшая из 141 книги и 105 рукописных «певчих» тетрадей, которая являлась его частью наследства от отца, Максима Яковлевича, организатора похода Ермака и большого книголюба. Особенностью библиотеки Максима Яковлевича, состоявшей в основном из религиозной литературы, было то, что часть его книг хранилась в особом «коробье» и служила для индивидуального пользования владельцем во время его поездок.[30]

Таким образом, из одной крупной библиотеки представителя купечества XVI в. возникло несколько библиотек, в которых в первой половине XVII в. насчитывалось, по мнению А. А. Введенского, около 800—900 книг.[31] К сожалению, о судьбах этих библиотек мало что известно. Можно лишь предполагать, что крупные книжные собрания имели не одни Строгановы, но и другие представители верхушки торгово-промышленного населения.

Посмотрим теперь состав книжных собраний ученых людей XVII в. К этой категории владельцев библиотек мы должны отнести справщиков Печатного двора в Москве, наиболее начитанных людей своего времени, больших знатоков книги и больших книголюбов. Многие из них всю жизнь собирали книги, причем собирали с любовью и знанием дела.

К числу таких справщиков относится **Сильвестр Медведев**, безусловно, одна из наиболее ярких фигур XVII в., деятельность которого получила чрезвычайно противоречивую оценку в нашей литературе. Сильвестр Медведев родился в 1641 г. в Курске, по-видимому в семье подьячего. В Курске же он начал работать в качестве писца, а затем мы видим его уже подьячим Приказа тайных дел

[30] Там же, с. 80—82.
[31] Там же, с. 83.

в Москве. В 1665 г. он поступил учиться латыни и грамматике в школу, специально созданную для детей подьячих Симеоном Полоцким.[32]

Это явилось переломным моментом в его жизни. Симеон Полоцкий не только дал Медведеву хорошее по тому времени образование, но и сумел привить ему жажду знаний и большую любовь к книгам. Тесная дружба, установившаяся с этого времени между Сильвестром Медведевым и Симеоном Полоцким, продолжалась до самой смерти Полоцкого (1680 г.). Медведев благоговел перед своим учителем, старался подражать ему и впоследствии много сделал для приведения в порядок его трудов.[33]

В течение нескольких лет (до 1672 г.) работа Медведева в Приказе тайных дел еще продолжалась. Известно, что в 1668—1669 гг. он принимал участие в дипломатических поездках А. Л. Ордина-Нащокина. Однако приказная деятельность начала тяготить Сильвестра Медведева. В 1672 г. он, по-видимому под влиянием Полоцкого, удалился в Молченскую путивльскую пустынь и через два года принял монашество, продолжая поддерживать тесную связь со своим учителем.[34]

В 1677 г. Медведев уже снова в Москве. Он обосновался в Заиконоспасском монастыре, где жил и Симеон Полоцкий, дружба между ними продолжалась. Медведев помогал Полоцкому в его научных трудах, усиленно читал книги. Благодаря Полоцкому Медведев стал лично известен царю Федору. В 1678 г. он был назначен справщиком Печатного двора[35] — честь, которой удостаивались, как мы знаем, наиболее образованные люди того времени.

После смерти Полоцкого Медведев стал во главе его приверженцев, ратовавших за учреждение в России школ

[32] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). — ЧОИДР, 1896, кн. 2, отд. 4. Исследования, с. 41—64.

[33] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев... — ЧОИДР, 1896, кн. 3, отд. 4. Исследования, с. 152—155.

[34] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев... — ЧОИДР, 1896, кн. 2, отд. 4. Исследования, с. 90—93, 101—104, 115—121, 125.

[35] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев... — ЧОИДР, 1896, кн. 3, отд. 4. Исследования, с. 149—163, 166.

латинского типа. Он, как мы уже знаем, принимал участие в развернувшейся в Москве полемике по вопросу о таинстве евхаристии (по существу же по вопросу о путях развития просвещения в России) и написал в связи с этим ряд книг («Хлеб животный», «Манна» и др.). В этот период Медведев пользовался широким признанием как ученый человек, исполнял, подобно Полоцкому, обязанности придворного стихотворца. Его поддерживали царевна Софья, Голицын, Шакловитый. Он продолжал работать справщиком Печатного двора, одновременно будучи настоятелем Заиконоспасского монастыря.

В 1682 г. Медведеву, горячему поборнику просвещения в России, удалось организовать при Заиконоспасском монастыре свою школу, которую он мечтал превратить в академию, но встретил сопротивление патриарха Иоакима и его приверженцев. Во главе новой Академии были поставлены Лихуды. Это было началом заката Медведева.[36] Однако настоящая катастрофа в его жизни произошла позднее, в 1689 г., когда после свержения Софьи и ареста Шакловитого Медведев был привлечен к суду как активный участник заговора против Петра. Попытка к бегству не была успешной. Будучи пойман в сентябре 1689 г., он был заточен в Троице-Сергиевой лавре, а в 1691 г. казнен.[37]

Именно в связи с розыскным делом Шакловитого в нашей литературе долгое время существовал взгляд на Медведева как на беспринципного карьериста, активного участника стрелецкого бунта и заговора против Петра. Противники Медведева распространяли при его жизни немало клеветнических сведений, говоря даже о его полном невежестве. Однако работами В. М. Ундольского, А. А. Прозоровского и других ученых была убедительно доказана несостоятельность этой точки зрения.

В своем крупном и очень обстоятельном исследовании о Медведеве (данные этого исследования мы широко использовали, приводя биографические сведения о Медведеве) А. А. Прозоровский доказывает, что Медведев не был ни интриганом, ни активным участником полити-

[36] Там же, с. 187—197.
[37] Там же, с. 324—374.

ческого заговора. Это был мягкий, откровенный, осторожный человек.[38] Совершенно ошибочен взгляд на него как на неуча (этой точки зрения придерживался даже такой серьезный ученый, как Н. Ф. Каптерев). Уже в школе Полоцкого Сильвестр Медведев за три года обучения прекрасно изучил латынь и польский язык, риторику, пиитику, ознакомился с историей, богословием и отчасти философией.

Впоследствии он непрерывно пополнял свои знания чтением, пользуясь хорошо составленной библиотекой Полоцкого, и сам приобретал книги. Книги Полоцкого были испещрены пометами Медведева. Многочисленные его пометы на одной из греческих книг доказывают, что Медведев знал и греческий язык. Таким образом, это был совсем не «неуч», а «глубоко образованный и широко начитанный», умный человек, горячий сторонник просвещения, «натура энергическая с неутомимой жаждой деятельности».[39]

Из трудов Медведева для нас наиболее интересно его сочинение «Оглавление книг, кто их сложил», опубликованное В. М. Ундольским в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».[40] Это библиография известной Медведеву литературы, снабженная именным и предметным указателем. Библиографические описания работ, составленные Медведевым, обстоятельны, подробны и расположены в библиографии в определенной системе. В них даются сведения не только о книгах, но и о статьях, включенных в сборники. По мнению В. М. Ундольского, написавшего предисловие к книге Медведева, библиография не потеряла своего справочного значения даже в XIX в. В. М. Ундольский высоко оценивал труд Медведева, называл Медведева не без основания «отцом славяно-русской библиографии». «Во всяком случае, — пишет В. М. Ундольский, — Медведева будут всегда считать самым трудолюбивым и дельным писате-

[38] Там же, с. 375—376.

[39] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев... — ЧОИДР, 1896, кн. 2, отд. 4. Исследования, с. 75—90; кн. 3, отд. 4. Исследования, с. 151, 325—376.

[40] ЧОИДР, 1846, кн. 3 (заседание 25 марта 1846 г.), отд. 4. Смесь, с. 1—90.

лем своего времени».[41] В библиографии Медведева приводятся работы 204 авторов. При написании этого труда Медведев несомненно пользовался прежде всего своей собственной, очень большой по тому времени, библиотекой.

Что же представляла эта библиотека по своему составу? Прежде всего необходимо сказать, что она была собрана трудами не одного, а двух крупных деятелей просвещения XVII в.: Сильвестра Медведева и Симеона Полоцкого. Известно, что Симеон Полоцкий (о котором мы уже говорили в I главе) имел большую, хорошо подобранную библиотеку, в состав которой входила не только литература религиозного содержания, но и светские книги: исторические сочинения, произведения римских классиков, энциклопедические сборники и т. д. На некоторых книгах сохранились пометы Полоцкого.[42] Этой библиотекой, как мы уже знаем, широко пользовался Медведев.

После смерти С. Полоцкого его библиотека перешла к Медведеву, который пополнял ее, покупая новые книги или переписывая книги, ему не принадлежащие. Так, например, в июне 1686 г. он купил «у Гавриила, что живал на Крестце с книгами», Сборник в 486 л. Известно, что «Просветитель» Иосифа Волоколамского был переписан Медведевым.[43] Из записи на польской книге «Wielkie Zwierciadlo» («Великое зерцало») мы узнаем, что 15 февраля 1687 г. она была куплена Сильвестром Меведевым у дьячка Спасского собора Гавриила Яковлева[44] (не тот ли это Гавриил, который продал Сборник?). Возможно, что собиранием книг Медведев занимался и при жизни Полоцкого.

Таким образом, книжное собрание Сильвестра Медведева мы по справедливости должны называть собра-

[41] Ундольский В. М. Сильвестр Медведев — отец славяно-русской библиографии. — ЧОИДР, 1846, кн. 3 (заседание 25 марта 1846 г.), отд. 4. Смесь, с. XXII—XXIII, XXVIII.
[42] История русской литературы, т. 2, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 343.
[43] Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев... — ЧОИДР, 1896, кн. 3, отд. 4. Исследования, с. 151.
[44] Владимиров П. В. Великое зерцало (из истории русской переводной литературы XVII века). — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. 4. Исследования, с. IV—V.

нием **Полоцкого—Медведева.** Опись этой библиотеки сохранилась и была опубликована И. Е. Забелиным.[45] Опись носила название «Книги переписные книгам, которые по указу святейшего патриарха в нынешнем, во 198 году сентября в день переписаны в Спасском монастыре за иконным рядом подле церкви в верхней кладовой полатке». Несмотря на то что в названии описи фамилия Медведева не упоминается, у крупных исследователей, занимавшихся изучением биографии Медведева и книжных собраний этой эпохи (А. А. Прозоровский, С. А. Белокуров и др.), не вызывает сомнения, что эта опись, сделанная по указанию патриарха Иоакима, является описью библиотеки Медведева. Дата составления описи (сентябрь 1689 г.) говорит о том, что книги Медведева были переписаны сразу после его бегства из Москвы (конец августа 1689 г.).

Как видно из описи, в библиотеке Медведева находились книги 539 названий, или 651 библиотечная единица (некоторые книги имелись в нескольких экземплярах).[46] Из описаний книг, составленных очень неясно, часто трудно судить о их содержании. И все же какое-то представление создается. В основном это была литература религиозного содержания, что и не удивительно, учитывая то, что оба собирателя книг были духовными людьми. Однако в библиотеке было немало и светских книг: 133 названия из 539 (или по числу томов 163 из 651), т. е. светская литература составляла $^1/_4$ библиотеки Медведева.

Из числа книг светского содержания преобладала литература по истории, филологии, философии, однако были книги и по естественным наукам: медицине, географии, биологии, математике. Среди исторических книг следует назвать «Гранограф всего света», «Историю Византии»,

[45] ВМОИДР, М., 1853, кн. 16, отд. 3. Смесь, с. 53—67.

[46] Приводя данные этой описи, Д. Зубарев называет, по-видимому ошибочно, другую цифру — 603 книги (Зубарев Д. Краткое описание примечательных книг и рукописей, находящихся в архиве при Мастерской оружейной палате. — «Вестник Европы», 1827, № 16, с. 255). Судя по описи имущества С. Медведева, опубликованной в «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (т. 1. СПб., 1884, стлб. 827—832), книг у Медведева было еще больше — около 1000. К сожалению, опись эта дошла до нас в полуистлевшем виде. К тому же она дает лишь суммарные цифры.

«Хронику польского государства» Марцина Бельского, Летописец Киевского княжества, книгу об Александре Македонском, книгу Иосифа Флавия, «Историю польских королей», сочинения Тита Ливия, Салюстия, Плутарха и целый ряд других. В числе филологической литературы в библиотеке Медведева было много лексиконов и грамматик, например лексиконы славяно-латинский, латино-славянский, польско-латинский, польско-славянский, латинский, шестероязычный, четырехъязычный, трехъязычный, грамматика латинская, грамматика польская и т. д. Наличие большого числа лексиконов не удивительно, учитывая то, что Симеон Полоцкий был переводчиком, да и Медведев занимался переводами иностранных книг.

Из книг по философии следует назвать сочинения Аристотеля, Сенеки, «Толкование древних философов», книги по диалектике, «Ключ всея философии» и ряд других. В библиотеке Медведева была и юридическая литература («Юрис цивилис», «Ритор судебный», «Уложение Польского государства» и др.), а также литература по риторике.

В числе книг по естественным наукам больше всего было медицинских: сочинения Галена, «Книга врачевская письменная», «Книга врачевская Павла философа», «Травник польский» и т. д. Но была литература и по другим отраслям знаний: «Всего мира описание», «Книга атлас, земли малое описание», «Описание всеа Галлии», «Описание Персидского царства», «История о каменьях различных», сочинения Плиния, «Цифирь польский», «Геометрия польская», «Новый способ арихметики», «Книга анатомия» и др.

Обращает на себя внимание то, что в библиотеке Полоцкого—Медведева была хорошо представлена классическая литература. Помимо перечисленных уже греческих и римских писателей, следует назвать также Цицерона, произведений которого было особенно много. Полоцкого и Медведева интересовали также сочинения гуманистов (Эразма Роттердамского, Липсия), а также художественная литература (вспомним, что и Полоцкий и Медведев были писателями): произведения Овидия, Плавта, Эзопа. Была и книга по астрологии, принадлежавшая, очевидно,

Симеону Полоцкому, который, как известно, занимался и астрологическими предсказаниями.

Среди книг религиозного содержания в библиотеке было относительно немного традиционных богослужебных книг (миней, триодей и т. д.), здесь превалировала богословская литература (сочинения Августина, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого и т. д.), необходимая Медведеву для его богословской полемики. Много было и сочинений историка римско-католической церкви Барония, которые находились в библиотеке Медведева, по-видимому, не в единичных экземплярах. Любопытно наличие в библиотеке «Алкорана Махаметова» на польском языке.

Установить по описи, на каком именно языке была та или иная книга, не всегда возможно. Поэтому точные данные здесь привести трудно, однако несомненно, что среди книг на иностранных языках литература на латинском языке преобладала, на втором месте по числу книг шла польская литература. Оба эти языка и Полоцкий, и Медведев знали очень хорошо. Кроме того, в библиотеке были книги и рукописи греко-латинские, греческие и отдельные книги на других языках (французском, немецком и др.).

Подводя итог всему сказанному о библиотеке Полоцкого—Медведева, следует сделать вывод, что эта библиотека явно выделялась по числу книг из других частных собраний того времени. Но дело было не только в числе книг, важно и другое — широта тематики, особенно по литературе гуманитарного характера, а также наличие очень большого числа книг на иностранных языках. Несмотря на то что библиотека была создана трудами двух ученых богословов, один из которых весьма активно участвовал в богословской полемике, $^{1}/_{4}$ книг явно относилась к светской тематике. Такое же соотношение между светской и религиозной литературой было, как мы знаем, и в библиотеке воеводы И. Мещеринова. Однако ученые богословы больше, чем Мещеринов, интересовались естественнонаучной тематикой, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. В целом можно сказать, что принципиального отличия по составу книг библиотеки Медведева и библиотек, принадлежавших светским людям, не было.

Интересно, что книгами Медведева пользовался не только он один. В письме к Симеону Полоцкому от 25 декабря 1672 г. Медведев сообщал, что давал читать свои книги другим людям, а сам он в свою очередь брал для прочтения книги у Тимофея Дементьяновича Литвинова и у Андрея Виниуса.[47]

Свои библиотеки имели и другие справщики московского Печатного двора XVII в. Составление ими книжных собраний облегчалось тем, что справщики регулярно получали на Печатном дворе 1—4 экз. книг каждого выхода.[48] Однако, не ограничиваясь этим, они приобретали для себя книги и за свой счет. Мы уже знаем, что в число справщиков подбирались люди наиболее начитанные и, как правило, большие книголюбы. Так, известный справщик **Арсений Суханов**, о поездке которого на Восток за книгами нам еще предстоит говорить в VI главе, начал собирать свою собственную библиотеку еще задолго до того, как стал работать на Печатном дворе. Он покупал книги или заказывал переписывать их для себя, платя за это немалые деньги. Некоторые книги переписывались им собственноручно. Так постепенно создавалось книжное собрание в основном религиозной тематики. Книги не лежали у Суханова мертвым капиталом, он постоянно пользовался ими, о чем свидетельствуют многочисленные пометы, отмечающие наиболее интересные места, на сохранившихся книгах его собрания: «зри», «зри все», «зри всю главу сию, только внимать добре».[49] К сожалению, опись библиотеки Суханова до нас не дошла.

Владельцами крупных книжных собраний были и другие справщики Печатного двора в XVII в.: Епифаний Славинецкий, Евфимий. **Епифаний Славинецкий**, церковный писатель, переводчик и один из первых русских филологов, родился на Украине, учился в Киевской брат-

[47] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 109.
[48] Брайловский С. Н. Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке. — ЧОЛДП, М., 1890, кн. 2, отд. 1, с. 372.
[49] Белокуров С. А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. 1. Биография Суханова. — ЧОИДР, 1891, кн. 1, отд. 3. Исследования, с. 103—108.

ской школе, затем за границей, после чего стал учителем Киевского братского училища. В 1649 г. он вместе с другим ученым монахом Арсением Сатановским прибыл в Москву по приглашению царя Алексея Михайловича для перевода греческих книг и здесь сделался ближайшим помощником патриарха Никона по исправлению богослужебных книг.

Образованный по тому времени человек, хорошо знавший греческий и латинский языки, Славинецкий стал известен в России как церковный писатель, проповедник и переводчик книг. Он восстановил прекратившийся в России в XV в. обычай проповедей в церкви и написал более 50 «слов» (поучений), в которых использовались примеры и из светских сочинений. Из трудов Славинецкого (почти исключительно религиозной тематики) следует назвать составленные им лексиконы: греко-славяно-латинский и «филологический».

Славинецкий перевел большое число книг с греческого и латинского языков. Здесь также доминировала религиозная тематика — богословские сочинения, богослужебные книги и т. д. Однако, как мы уже знаем (см. с. 23), Славинецкий переводил и книги светского содержания, в том числе и четырехтомный труд И. Блеу, из которого русские люди впервые узнали об учении Коперника. В Москве Славинецкий завел нечто вроде ученого общества переводчиков, которые стояли за чрезвычайно точное следование оригиналу при переводах. К сожалению, эта точность доводилась почти до абсурда, вследствие чего переводы получались тяжеловесными, а подчас и непонятными читателю. Интересно, что собственные сочинения Епифания написаны совсем иначе и читаются легко.

Как и другие деятели просвещения, Славинецкий имел свою библиотеку. Опись его книг опубликована В. М. Ундольским.[50] Из описи видно, что книжное собрание Славинецкого состояло из 72 книг, из которых 38 книг на латинском языке он завещал в Братский монастырь на своей родине, а 34 книги на русском языке

[50] Ундольский В. М. Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского, и книги и имущество Епифания Славинецкого. — ВМОИДР, 1850, кн. 5, отд. 3. Смесь, с. 73—83.

остались в Москве. По-видимому, какая-то часть книг Епифания (сверх указанных 72) перешла к его любимому ученику Евфимию. В библиотеке Славинецкого преобладала литература религиозного содержания, но было немало и светских книг (свыше 30% общего количества) по истории, философии, филологии, географии, медицине и другим научным дисциплинам: сочинения Плутарха, Аристотеля, Тита Ливия, Гиппократа, «Книга о правде и суде», «Диалектика», «Философия рационалис», «Книга о королевстве Данском», «Книга о турках», «Книга о морях», «Книга о Персии», две еврейских грамматики, лексикон еврейский и халдейский и целый ряд других. Была и книга о магии («Натуралис магис»), а также не совсем ясная по содержанию книга «Символига египетская».

Таким образом, круг интересов Славинецкого далеко не ограничивался религиозной тематикой. Характерно также, что бо́льшая часть его библиотеки (53%) состояла из иностранных книг, в основном на латинском языке (в числе которых было много книг светского содержания). Русская часть библиотеки представляла собой собрание богослужебных и богословских книг. Вызывает удивление то, что у Епифания Славинецкого отсутствовали лексиконы, которые ему были несомненно нужны в переводческой деятельности. Возможно, что они перешли от Славинецкого к Евфимию еще при жизни Славинецкого и поэтому не попали в опись его книг.

Иеромонах Московского Чудовского монастыря **Евфимий** — известный противник Сильвестра Медведева в богословской полемике — родился в Москве и получил здесь свое образование. Возможно, что он учился непосредственно у Славинецкого. Во всяком случае он был его последователем и почитателем. Между Славинецким и Евфимием существовали примерно такие же отношения, как между Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым. Евфимий хорошо знал греческий и другие языки, и Славинецкий привлек его к переводческой деятельности. В 1675 г. Евфимий был назначен справщиком Печатного двора, впрочем, эту должность он неофициально исполнял и ранее. Вскоре он стал известен и как церковный писатель, стоявший в богословских спорах на позициях

патриарха Иоакима и тем заслуживший его расположение.

В переводах Евфимий строго придерживался школы своего учителя Славинецкого, стремясь абсолютно точно следовать оригиналу, не считаясь с особенностями строя языка. Вследствие этого переводы Евфимия, как и переводы Славинецкого, тяжелы по языку изложения и не всегда можно понять, что именно хотел сказать автор. Этот педантизм в переводах и погубил Евфимия. В 1690 г. Печатным двором были изданы минеи трех месяцев года в новом переводе, сделанном под редакцией Евфимия. Большое число изменений, внесенных в текст, обратили на себя внимание двора и патриарха. Евфимий был отстранен от должности справщика, хотя и продолжал неофициально работать на Печатном дворе до самой смерти (1705 г.).[51]

Несмотря на консерватизм своих убеждений и педантизм, Евфимий несомненно был образованным человеком, и поэтому состав его библиотеки, которую он собирал всю свою жизнь, представляет для нас интерес. Сохранилась «Опись библиотеки иеромонаха Евфимия», опубликованная А. Е. Викторовым,[52] однако все ли книги Евфимия были описаны и ему ли только принадлежали описанные книги, остается неясным. В своем завещании Евфимий писал: «...и что у меня было по се время всяких книг, и купленных, и денег, и иных вещей, и то все роздано, куда пристойно дати... А книги греческие и греко-латинские, которые остались после Сергия игумена, и те книги продати, а деньги по нем, отце Сергие, роздать в милостыню. Подобне и моего стяжания всякие книги греческие и латинские и польские и славенские, купленные, все продати, а денги роздать в милостыню».[53]

Таким образом, с одной стороны, Евфимий пишет, что все свои книги он уже роздал, с другой стороны, дает

[51] Брайловский С. Н. Очерки из истории просвещения... — ЧОЛДП, 1890, кн. 1, отд. 1, с. 425—450; кн. 2, отд. 1, с. 361—405.

[52] Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1863, т. 5, отд. 3. Смесь, с. 50—56.

[53] Брайловский С. Н. Очерки по истории просвещения... — ЧОЛДП, 1890, кн. 1, отд. 1, с. 448—449.

распоряжение продать свои книги (на греческом, латинском, польском и славянском языках) и деньги употребить на раздачу милостыни. Следовательно, книги его имелись налицо. Кроме того, как видно из того же завещания, Евфимию оставил свои книги его друг, справщик Печатного двора игумен Сергий, их тоже надо было продать. Наконец, как мы уже знаем, к Евфимию перешли какие-то книги и от его учителя Славинецкого. Вследствие всего этого весьма возможно, что опись, опубликованная А. Е. Викторовым, дает не вполне точное представление о личной библиотеке Евфимия.

Как видно из описи, составленной 8 июня 1705 г., после Евфимия осталось 112 книг, из них печатных 41, рукописных 71. По содержанию это были в подавляющем большинстве религиозные книги. Книг светского содержания было немного, например «Латинская хронология, сиреч летописец». Обращает на себя внимание наличие в библиотеке Евфимия грамматик и лексиконов: греческая грамматика, лексиконы польско-латинско-греческий, латинско-польский, греко-славянский. Эти книги нужны были Евфимию при переводах. Зная греческий, латинский и польский языки,[54] Евфимий приобретал литературу на этих языках. В его библиотеке находилось 17 греческих книг, пять греко-латинских, 17 польских; остальные книги были на «словенском» языке, т. е. на церковнославянском. Из числа польских книг интересны «Летописец Барониев» (известный уже нам труд по истории католической церкви), «Алкоран Махаметов»; из числа «словенских книг» — «Радзивилово странство» (хождение во святую землю). Любопытна широкая распространенность во второй половине XVII в. «Алкорана». Он находился даже в библиотеке православного богослова.

Говоря о библиотеке Евфимия, следует иметь в виду, что сохранилась еще одна опись — опись книг, переданных в 1705 г. после смерти Евфимия в типографскую библиотеку.[55] По описи значится 62 книги (почти исклю-

[54] Николаевский П. Московский Печатный двор при патриархе Никоне. — «Христианское чтение», 1891, ч. 2, с. 158.

[55] Опись опубликована в книге «Библиотека московской синодальной типографии» (ч. 1, вып. 1. М., 1896, с. XV—XVII).

чительно на греческом и латинском языках), в большинстве своем религиозной тематики. По составу это собрание отличается от книг, перечисленных в описи книг Евфимия, опубликованной А. Е. Викторовым.

Остается неясным, почему книги, переданные в типографскую библиотеку, не вошли в общую опись книг, составленную после смерти Евфимия. Невольно возникает предположение, что книги эти не принадлежали Евфимию, а были взяты им ранее из типографской библиотеки и после его смерти возвращены туда. Но это только предположение, и вопрос о составе книжного собрания Евфимия остается для нас до конца не выясненным.

Библиотека Евфимия была типичной библиотекой богослова и переводчика книг религиозного содержания. Светских книг в ней очень мало. Тематика книг этой библиотеки гораздо у́же, чем библиотеки Епифания Славинецкого, и не идет ни в какое сравнение с библиотекой Сильвестра Медведева. Некоторые из книг Евфимия были связаны с его служебной деятельностью справщика. Так, например, в библиотеке Евфимия имелся ряд «правильных книг», написанных рукой Евфимия и, очевидно, использовавшихся им при подготовке рукописей к печати.

Необходимо сказать несколько слов о книжных собраниях представителей верхушки духовной иерархии XVII в. Свои личные более или менее крупные библиотеки («келейные») имели патриархи, митрополиты, епископы, архимандриты. Как правило, эти библиотеки были недолговечны. После смерти владельца книги обычно продавались, раздавались в разные места, поступали в государственные книгохранилища, и лишь какая-то часть их оставалась преемнику по должности. Такому рассеиванию книжных собраний, составлявшихся в течение многих лет и ценой больших трудов, способствовали сами владельцы, более всего заботившиеся о «спасении» своих душ и поэтому в своих завещаниях просивших продать книги, употребив деньги на раздачу милостыни, или передать какие-то книги в качестве вклада в монастыри и т. д.

Крупное по своему времени книжное собрание имел отец первого царя из дома Романовых **патриарх Филарет** (Федор Никитич Романов). Выходец из родовой знати,

двоюродный брат царя Федора и кандидат на русский престол после прекращения династии рюриковичей, Федор Никитич, являвшийся соперником Бориса Годунова, был в 1601 г. насильственно пострижен в монахи под именем Филарета. Вследствие этого при воцарении династии Романовых ему пришлось довольствоваться саном патриарха и быть лишь соправителем своего сына. Однако до самой своей смерти (1633 г.) Филарет был фактическим правителем страны, главой не только духовной, но и светской власти.

Получив в молодости хорошее образование (он, например, знал латинский язык), большой книголюб, патриарх Филарет ясно понимал значение просвещения и много сделал для развития книгопечатания в России. При печатании книг во времена Филарета стали обращать большое внимание на исправность текста, для чего оригиналы предварительно сверялись с древними славянскими, а иногда и с греческими рукописями. Вновь вышедшие книги, как мы уже знаем, рассылались по городам России.

Вместе с тем во взглядах Филарета было много консервативного. Он энергично выступал против религиозного вольнодумства, не терпел ни малейшего отклонения от догм православия, вел борьбу с распространением в России книг литовской печати. С именем Филарета связаны крутые меры, принятые правительством против вольнодумства князя И. А. Хворостинина. В 1627 г. по указанию патриарха было сожжено Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, хотя оно в сущности не содержало ничего опасного для православия. Таким образом, в Филарете уживались консерватор по убеждениям и поборник за развитие просвещения в России в первой половине XVII в.

Филарет имел свою личную (келейную) библиотеку. Опись келейной казны патриарха (в состав казны входили и книги) опубликована П. И. Ивановым.[56] Из этой описи, составленной в 1630 г., видно, что в книжном собрании Филарета насчитывалось 261 название книг и рукописей,

[56] Иванов П. И. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, с. 275—295.

а если считать за единицу каждую «тетрадь» (некоторые печатные книги не были сброшюрованы), то число библиотечных единиц составляло крупную цифру — 608.

Что касается состава этой библиотеки, то в ней была представлена почти исключительно религиозная литература (большей частью богослужебные книги). Светские книги исчислялись единицами (и составляли около 2% от общего числа книг): Граноград, Степенная книга, «Александрия», Родословная книга, Летописец. Библиотека Филарета имела свои особенности: 1) бóльшую часть ее составляли печатные книги; 2) целый ряд книг находился в нескольких (даже в большом числе) экземпляров, например Часовника было 28 экз.; 3) отсутствовала иностранная литература (кроме одной немецкой книги); 4) текучесть библиотеки была большая. Как видно из помет в описи, всего за три года (с 1630 по 1633 г.) из книгохранительницы убыло 30 книг. Некоторые из них были подарены в монастыри и церкви, другие проданы, а одна («книга Устав печатный, печать московская болшая») в 1631 г. по указу Филарета была сожжена «за то, что те книги печатаны без благословения, а справливал троицкой крылошанин Логин, вор и бражник».[57]

Таким образом, келейная библиотека Филарета предстает перед нами как какой-то подвижный фонд, а не как рабочая библиотека. Интересно, что в книжном собрании патриарха, энергичного борца против литературы, издававшейся в Белоруссии и на Украине, было по крайней мере 10 книг литовской печати.

Иной характер носила личная библиотека крупного церковного деятеля XVII в. **патриарха Никона**. Выходец из крестьянской семьи (он родился в 1605 г. в Мордовии), Никон, выучившись грамоте, пристрастился к чтению. В 1635 г. он постригся в монахи, а в 1643 г. стал игуменом Кожеозерского монастыря. В качестве игумена в 1646 г. он приехал в Москву и произвел впечатление на молодого царя Алексея Михайловича. По настоянию царя Никон был назначен сначала настоятелем Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница Романовых, затем (в 1648 г.) митрополитом Нов-

[57] Там же, с. 289.

городским и, наконец, в 1652 г. сделан всероссийским патриархом. Пользуясь неограниченным доверием царя, Никон не только полновластно решал все церковные дела, но и активно вмешивался в дела светского управления. В 1656—1657 гг. во время отлучек царя из Москвы, связанных с военными действиями, патриарх являлся фактическим правителем России.

С именем Никона связаны исправления богослужебных книг и другие церковные реформы, проводившиеся крутыми мерами и приведшие к расколу. Властолюбие Никона, его нетерпимость и неумение ужиться с придворной знатью были причинами его конфликта с царем. В 1658 г. Никон был вынужден оставить патриаршество и удалиться в Воскресенский монастырь, в 1667 г. лишен сана и сослан в белозерский Ферапонтов монастырь.

Образованный по своему времени человек, Никон хорошо понимал значение просвещения и книгопечатания в России. Во время пребывания его в Новгороде там была учреждена типография при Хутынском монастыре, позднее, уже во время своего патриаршества, Никон перевел типографию из упраздненного в Белоруссии оршанского Кутеинского монастыря в Иверский монастырь. Он принимал меры по сосредоточению в Москве старинных русских и греческих рукописей. По его инициативе была составлена известная опись книг 39 русских монастырей, о которой нам предстоит еще говорить, а в 1653 г. организована поездка Арсения Суханова на Восток за греческими рукописями, составившими ядро патриаршей библиотеки. О любви Никона к книгам свидетельствуют собственноручные его записи на старинных рукописях.

Никон имел и свою личную библиотеку, сведения о которой мы можем почерпнуть из «Переписной книги» 1658 г. домовой казны патриарха. В этой описи, опубликованной во «Временнике Московского общества истории и древностей российских»,[58] перечисляются все книги, входившие в патриаршую домовую казну, однако личной собственностью Никона следует считать лишь часть из них: 13 книг, находившиеся в «деревянных кельях» и

[58] ВМОИДР, кн. 15, отд. 2. Материалы, с. 1—136.

в сенях и входившие в состав «келейной казны»,[59] 36 книг, являвшихся «патриаршими келейными»,[60] и 107 книг рукописных и печатных, купленные Никоном в Новгороде на свои «келейные деньги»,[61] т. е. всего 156 книг. Все остальные книги являлись казенным имуществом.

Следует сказать, что в нашей исторической литературе иногда приводятся ошибочные сведения о библиотеке Никона. Так, в томе «Очерков истории СССР», посвященном XVII в., говорится, что в библиотеке Никона было 395 книг.[62] Такая же цифра дается и в «Истории Москвы».[63] В обоих случаях к личной библиотеке Никона отнесены, по-видимому, 395 книг, привезенных Сухановым с Востока и купленных, как известно, на казенные деньги. Если это так, то остается непонятным, почему как собственность патриарха рассматриваются лишь сухановские рукописи, а не все книги, перечисленные в описи патриаршей домовой казны 1658 г.

Что же представляла собой личная («келейная») библиотека Никона (156 книг)? В основном это была религиозная литература: сочинения Кирилла Иерусалимского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита, Василия Великого и т. д., а также богослужебные книги. Однако у Никона были и книги светского содержания: сочинения Аристотеля, Плутарха, Демосфена, Геродота, Стобея, три травника, несколько лексиконов греко-латинских, летописец на латинском языке, 18 грамматик московской печати и некоторые другие. Светские книги составляли свыше 20% книжного собрания патриарха.

В келейной библиотеке Никона, как и в келейной библиотеке патриарха Филарета, преобладали печатные

[59] Там же, с. 108—109.

[60] Там же, с. 114. Эта цифра является примерной, так как нами условно приняты 20 «малых» связок Нового завета киевской печати за 20, видимо, несброшюрованных книг.

[61] ВМОИДР, кн. 15, отд. 2. Материалы, с. 133—134.

[62] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век, М., 1955, с. 561.

[63] История Москвы. Т. 1. Период феодализма XV—XVII в. М., 1952, с. 611.

книги и также ряд книг находился в нескольких экземплярах (например, 18 грамматик московской печати). К сожалению, из-за неточности описаний не всегда можно установить, действительно ли книги являлись дублетами. Так, например, в описи значится: «11 книг Иоанна Златоустого» или «4 книги Аристотеля» и т. д. Но остается неясным, были ли это разные сочинения И. Златоуста и Аристотеля или различные экземпляры одной и той же книги.

В отличие от книжного собрания Филарета в библиотеке Никона было много иностранных книг: 67 греко-латинских, 26 греческих, пять латинских, три немецкие, т. е. всего 101 книга из 156 его собрания, или 64.7%. Это заставляет предположить, что Никон знал иностранные языки. Наличие трех травников лечебных на латинском языке в какой-то мере подтверждает наше предположение. Известно, что Никон интересовался медициной и во время его ссылки ему было даже поставлено в вину, что он лечил больных и давал им лекарства. В целом библиотека Никона носила гораздо более светский характер, чем библиотека Филарета (в которой были лишь единичные светские книги), и резко отличалась от нее наличием большого числа иностранных книг.

Довольно крупную по тому времени библиотеку имел известный церковный деятель XVII в., образованный человек, сторонник реформы Никона, **митрополит Сарский и Подонский Павел**, который в конце своей жизни возглавлял московский Печатный двор. Сохранились описи его книжного собрания, составленные в ноябре 1675 г. вскоре после смерти митрополита (он умер 9 сентября 1675 г.). Как видно из описей, опубликованных В. М. Ундольским, в библиотеке Павла было 149 печатных и рукописных книг.[64] Вот как сложилась их дальнейшая судьба: [65]

[64] Ундольский В. М. Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского..., с. 65—67, 69—73. Опись тех из книг Павла, которые были проданы, см. также: Брайловский С. Н. Очерки из истории просвещения... — ЧОЛДП, 1890, кн. 2, отд. 1, с. 401—403.

[65] Ундольский В. М. Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского..., с. 65.

Роздано по монастырям и знакомым Павла .	51 книга
Роздано неимущим людям	7 книг
Передано на Печатный двор (частично за деньги)	59 »
Осталось при Крутицком доме (т. е. перешли к наследнику Павла по митрополии)	27 »
Неизвестна дальнейшая судьба	3 книги
Проданы	2 »
Всего	149 книг

Что же представляла библиотека Павла? Как видно из описей, в ней была представлена в основном религиозная литература: богословская и богослужебная. Характерно, что в числе этих книг находился целый ряд изданий, вышедших в Белоруссии и на Украине, к которым, как уже говорилось, в Москве относились подозрительно.

Большинство книг в библиотеке Павла было на церковнославянском языке, но имелись книги и на других языках, которыми Павел, по-видимому, владел: латинском, греческом, польском. Так, например, на польском языке было 10 томов Барония (история церкви), книга «Мессия правдивый» и др., на латинском языке — Новый завет, Псалтырь и др. Общее число иностранных книг составляло не менее 20%. Из книг светского содержания, которых было немного (лишь 10%), перечислим такие, как «Летописец греческий», «Синопсис» киевской печати, «Словеса приточные внешних философов», Родословная, азбука греческая, грамматика греческая, «Грамматика латино-польская Донатова», руководство по изучению латинского языка иезуита Альвара, «Синонимия полоно-латинская», «Политика» и др. Таким образом, в библиотеке Павла светских книг было больше, чем в библиотеке Евфимия, и это были книги в основном филологические и исторические.

До нас дошли описи книг двух руководителей отдаленной Сибирской епархии: архиепископа Сибирского и Тобольского Герасима Кремлева и митрополита Сибирского Игнатия Римского-Корсакова. **Архиепископ Герасим** был переведен в Тобольск в 1640 г. из Тихвинского монастыря, где он был игуменом. Опись его книг была со-

ставлена в январе 1651 г. после смерти архиепископа. Из описи видно, что библиотека Герасима состояла из 101 печатной и рукописной книги, почти исключительно религиозного характера. Из светских книг в этой библиотеке были только рукописная Степенная царственная книга и рукописный Гранограф. Кроме того, Герасим имел также «Историю о Варлааме и Иоасафе» и «различные повести письменные», содержание которых из описи совершенно неясно.[66]

Митрополит Сибирский **Игнатий Римский-Корсаков** жил полувеком позже: он умер в мае 1701 г.; незадолго до смерти, в 1700 г., Игнатий был отстранен от своей должности вследствие того, что «помешался в уме» и стал патриарху «не послушен и противен». Патриарх распорядился описать имущество Игнатия. В описи, составленной в августе 1700 г., перечисляются и книги.[67] Всего у Игнатия описано 75 печатных и рукописных книг, почти исключительно религиозного содержания, в том числе целый ряд «певчих» книг. Из светских книг в описи значатся только два лечебника, «Хрисмологион» и «История сирская».[68] Следует иметь в виду, что некоторые книги не принадлежали Игнатию, а были взяты им из митрополичьего дома в Тобольске, а также у дьячка Егорьевского девичья монастыря Федора Григорьева, у певчего вологодского архиепископского дома Ивана Слободского, у некоего Алексея Коробовского. Большинство взятых Игнатием книг — «певчие», из чего можно заключить, что Игнатий был большим любителем церковного пения. Судя по описи, библиотека Игнатия была значительно беднее библиотеки его предшественника Герасима, но не надо забывать, что описаны были лишь книги Игнатия, находившиеся в Москве, и, вероятно,

[66] А. С. Одна из библиотек XVII-го столетия. — «Библиограф», 1892, № 6/7, отд. 1, с. 253—255.

[67] Оглоблин Н. Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. — «Библиограф», 1892, № 8/9, отд. 1, с. 286—291.

[68] Очевидно, «История скифийская». В челобитной Алексея Коробовского говорится, что митрополит Игнатий в марте 1700 г. взял у него две рукописные книги — «Хрисмологион» и «Историю скифийскую» — и не вернул (Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей начала XVIII века. Челобитные о двух книгах. 1702. — «Библиограф», 1892, № 10/11, отд. 1, с. 335—337).

часть его книг осталась в Тобольске. Интересно, что, помимо книг, у Игнатия находились и три карты: Соловецкого монастыря, части Московского государства и части Европы. Судьба книг Игнатия не совсем ясна, часть их, по-видимому, перешла к его преемнику митрополиту Дмитрию Туптало, часть была продана.

Свои келейные библиотеки имели и последние патриархи России Иоаким и Адриан. От **патриарха Иоакима** после его смерти осталось 52 книги (из них 36 рукописных), которые были переданы в патриаршую библиотеку. В описи говорится, что это «остаточные книги», т. е. книги, оставшиеся от различного рода раздач. Все это была религиозная литература, однако были и три книги светского содержания: «Книга» московская история» (скорописная), «Книга о полководцах» (скорописная) и печатная греко-латинская грамматика, изданная во Львове в 1591 г.[69] Наличие украинского издания в библиотеке патриарха Иоакима, беспощадно боровшегося с книгами, вышедшими в Белоруссии и Юго-Западной Руси, представляет особый интерес.

От **патриарха Адриана** осталось всего 13 книг (из них только одна печатная), тоже в основном религиозного содержания. Но имелась и светская литература: «Описание всего света», две рукописных степенных книги. Кроме того, была «немецкая книга» неизвестно какого содержания. Все эти книги были переданы в патриаршую библиотеку.[70]

Таким образом, по количеству книг библиотека патриарха Иоакима была в четыре раза больше, чем библиотека патриарха Адриана. Но из этого совсем не следует, что Иоаким был бо́льшим книголюбом, чем Адриан. Наоборот, мы знаем, что патриарх Иоаким был необразованным, малоразвитым человеком и что все его произведения написаны другими лицами. Поэтому едва ли он увлекался чтением книг. Адриан же интересовался библиотеками. Он, как известно, в 1696 г. предпринимал шаги по передаче книг из библиотеки Посольского приказа

[69] Описание патриаршей библиотеки 1718 года. — «Русский архив», 1864, стлб. 43—46 (3-я пагинация) (прилож. к журн. «Русский архив» за 1864 г.).

[70] Там же, стлб. 47—48.

в типографскую библиотеку.[71] Кроме того, Адриан передал ряд книг в библиотеку Успенского собора. Очевидно, вследствие активной раздачи келейной литературы еще при жизни патриарха после него осталось так мало книг.

Гораздо более интересной по своему составу была библиотека **архиепископа Холмогорского Афанасия,** которая для своего времени была редким явлением. Афанасий (в мире Алексей Артемьевич Любимов) родился в 1641 г. в Тюмени, по-видимому в семье военнослужащего. Первоначально он придерживался распространенного тогда в Сибири и на севере России раскола, но затем отошел от него и в дальнейшем потратил много сил на борьбу с расколом. Афанасий не получил настоящего школьного образования, однако, по отзывам современников, он был одним из просвещеннейших людей своего времени. Этим Афанасий был обязан только себе. Природный ум, жажда знаний, любовь к книгам отличали его от большинства его современников.

В 1666 г. Афанасий постригся в монахи, а через 9 лет, в 1675 г., он был уже игуменом Далматского монастыря.[72] В 1679 г. Афанасий приехал в Москву и здесь обратил на себя внимание царя и патриарха Иоакима. Выдвижению Афанасия способствовали не только его дарования, но и та позиция, которую он занял в богословской дискуссии, развернувшейся в Москве, примкнув к сторонникам греческого образования, которым покровительствовал патриарх. Кроме того, Афанасий активно поддерживал патриарха в борьбе с расколом, участвовал в знаменитом диспуте с Никитой Пустосвятом и его сторонниками в Грановитой палате. В 1682 г. Афанасий был поставлен архиепископом вновь учрежденной Холмогорской епархии, которую возглавлял до самой своей смерти в 1702 г.

Афанасий был несомненно яркой и своеобразной фигурой среди представителей верхушки русского духо-

[71] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 122—124.

[72] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908, с. 7—16, 27; Постников С. Афанасий — первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682—1702). — «Странник», 1866, т. 3, сентябрь, отд. 1, с. 96—98.

венства конца XVII в. Придерживаясь во многом старых взглядов (мы видели уже, что он стоял на консервативных позициях в богословской дискуссии в Москве), он вместе с тем хорошо понимал необходимость для России просвещения и государственных реформ. В числе немногих представителей духовенства того времени он был сторонником преобразований Петра и его деятельности, направленной на приобретение Россией выхода к морю. Афанасий живо интересовался азовскими походами Петра, во время шведской войны активно содействовал мероприятиям Петра по обороне России, в частности по строительству Новодвинской крепости в устье Двины.

Противоречивость натуры Афанасия сказалась в отношениях к иностранцам. Живя в городе, где иностранцев было особенно много, Афанасий, как и другие представители русского духовенства XVII в., относился с подозрительностью к инаковерующим. Именно он был инициатором царского указа 1686 г. о запрещении русским людям наниматься на службу к иностранцам. Однако сам он не чуждался иностранцев, охотно перенимал у них технические знания и пользовался их уважением. В библиотеке его было немало иностранных книг.[73]

Именно умение Афанасия обращаться с иностранцами особенно ценилось петровским правительством. Когда после смерти Афанасия встал вопрос о его преемнике, Г. И. Головкин писал И. А. Мусину-Пушкину в письме от 28 февраля 1702 г., что надо подобрать на эту епархию человека ученого, потому что Холмогорская епархия находится «у знатного морского порту, где бывает множество иностранных областей иноземцы, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности политично к чести и славе Российского государства, якоже и прежде бывший Афанасий, архиепископ со изрядным порядком тамо поступал».[74]

Петр ценил Афанасия и собирался даже сделать его преемником патриарха Адриана, но потом передумал. По-видимому, причиной этого был некоторый консерватизм взглядов Афанасия в религиозных вопросах и Петр опа-

[73] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, с. 21, 29—31, 101—103, 534—563, 673—676.
[74] ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 16.

сался, что новый энергичный и решительный патриарх будет препятствовать ему в проведении церковной реформы. Афанасий пользовался уважением не только Петра, но и очень многих крупных деятелей того времени. Он поддерживал тесные отношения с патриархами Иоакимом и Адрианом, митрополитами Игнатием и Евфимием, состоял в переписке с Федором Поликарповым, Лихудами, справщиком Евфимием, а также с целым рядом светских лиц (А. В. Кикиным, П. Н. Крекшиным, Н. С. Зотовым и др.).[75]

Будучи большим книголюбом, Афанасий всю жизнь собирал свою библиотеку,[76] но бóльшая часть книг была приобретена им во время пребывания в Холмогорах (1682—1702 гг.). Для пополнения своей библиотеки Афанасий использовал различные пути: он покупал и выменивал книги, для него делались переводы греческой литературы, многие рукописные и даже печатные книги переписывались для Афанасия по его заказу. Некоторые книги он получал в дар (например, от патриарха Иоакима). О переводе книг говорит такой факт. В 1700 г. в Соловецкий монастырь был сослан иеродиакон Иов, ученик Лихудов. Афанасий поручил ему просмотреть перевод греческого Хронографа, специально сделанный для библиотеки архиепископа.[77]

Переписка книг при архиерейском доме Афанасия проводилась в широких масштабах под его непосредственным руководством с соблюдением определенных традиций в письме и оформлении рукописей. Особенно нужные книги переписывались по нескольку раз, что видно из пометы на книгах: «писася многократно». Посещая мо-

[75] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, с. 666—672.

[76] Интересны данные М. В. Кукушкиной: из 25 рукописей книжного собрания Афанасия Холмогорского, выявленных в фондах Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, три рукописи «списаны» для него до его вступления в должность архиепископа Холмогорского в монастырях Сийском (1652 г.), Савва-Сторожевском (1674 г.), Соловецком (1678 г.) (Кукушкина М. В. Рукописная школа Афанасия Холмогорского и Важского. — «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1970, вып. 3).

[77] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, с. 591—593.

настыри, Афанасий тщательно знакомился с их книгохранительницами. В Соловецкий и Сийский монастыри, где редких книг было особенно много, Афанасий часто обращался с запросом прислать ему ту или иную книгу для переписки или для прочтения.[78] Книги для переписки брались не только в монастырях, но и у частных лиц. Так, например, календарь на 1689 г. был списан с печатного экземпляра, принадлежавшего А. А. Матвееву. Книга о победах Ф. Ю. Ромадановского и И. И. Бутурлина была взята для переписывания у Ф. М. Апраксина.

Для пополнения библиотеки Афанасий использовал свои поездки в Москву, где покупались и переписывались нужные ему книги. Характерно, что для переписывания Афанасий стремился использовать не копии, а оригиналы, о чем говорит такая помета, как «написася с перевообразные книги» и т. д. Если переписывались копии, то позднее они сверялись с оригиналами, а когда оригинал нельзя было достать, то сверка производилась по наиболее исправной копии.

Очень дорожа книгами, Афанасий не выносил небрежного к ним отношения даже в тех случаях, когда книги принадлежали и не ему. Так, например, получив из Сийского монастыря для списывания хронографы и Степенную книгу, он обнаружил, что эти книги содержались небрежно (тетради во время переплета перепутаны, сам переплет помят, страницы книг закапаны салом и т. д.), и тотчас же в грамоте от 5 марта 1694 г. сообщил в монастырь о неисправности книг. Отмеченные дефекты были по приказанию Афанасия устранены, и книги возвращены в монастырь в исправном состоянии. Также в исправном состоянии возвращались и другие книги.[79] Своими собственными книгами Афанасий очень дорожил. Они переплетались в прочный и изящный переплет. На бережное хранение их обращалось, по-видимому, большое внимание.

Так постепенно была создана очень крупная по тому времени библиотека, состав книг которой говорит о ши-

[78] Кукушкина М. В. Рукописная школа Афанасия Холмогорского и Важского.

[79] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, с. 593—604.

роте интересов ее владельца, бывшего к тому же и автором ряда сочинений, в том числе и двух произведений светского содержания: «Описание трех путей... [из России в Швецию]» и «Сочиненный реестр из дохтурских наук...» (т. е. лечебник).[80]

Опись библиотеки Афанасия, составленная в 1702 г. вскоре после его смерти, опубликована В. М. Верюжским.[81] По мнению В. М. Верюжского, в описи не значится ряд книг, несомненно принадлежавших Афанасию, но, по-видимому, во время составления описи отсутствовавших, может быть, потому что они были отданы Афанасием кому-либо для прочтения или переписки. Несмотря на некоторую неполноту описи, мы все же можем получить из нее ясное представление о библиотеке холмогорского архиепископа. В библиотеке Афанасия было свыше 270 названий книг (около 490 томов), в основном рукописных. По своему содержанию книги сгруппированы в описи по следующим рубрикам:

	Количество названий	Количество томов
Книги священного писания	7	29
Богослужебные старопечатные и новоисправленные книги	31	102
Творения святых отцов	29	52
Разные богословские сочинения . .	96	149
Жития святых	13	20
Учебные книги	4	20
Исторические книги	17	20
Разные книги (медицинские, космографические, географические, по военному делу и т. д.)	59	81
«Неизвестные книги» (т. е. неясные по содержанию)	17	17
Всего	273	490

Более внимательное ознакомление с описью показывает, что указанная группировка очень неточна. Так,

[80] Там же, с. 630—633, 651—652.
[81] Там же, с. 576—591.

например, среди исторических книг значится рукописная Палея, среди житий святых — Житие Иоасафа-царевича (видимо, «История о Варлааме и Иоасафе»). Среди «разных книг» наряду с книгами светскими много книг и религиозного содержания.

В библиотеке Афанасия преобладала религиозная литература. Книг явно светского содержания было лишь 75 (15%). Однако содержание светской литературы было весьма разнообразно. Здесь были книги по истории, астрономии и космографии, математике, военному делу, технике, искусству и т. д., а также учебная и художественная литература. Из исторических книг (которых в числе литературы светского содержания было больше всего) в библиотеке Афанасия находились хронографы, летописцы, Хроника Марцина Бельского, сборник, включавший в себя «Историю казанскую», «Историю о взятии Сибири», «Краткую псковскую историю», «Книга о начале славянском и князей русских», Родословная и др.

Строение Вселенной, видимо, очень интересовало Афанасия, так как в его библиотеке было несколько книг по космографии, «Книга о кометах», «Новое небо со звездами» и др. Афанасий, как известно, интересовался морским делом, техникой и лично руководил своими постройками,[82] поэтому наличие в его библиотеке «Книги строельной домовой» на немецком языке не вызывает удивления. В числе медицинской литературы у Афанасия было несколько лечебников, из военной литературы следует назвать «Артикул военный», «Историю о крымских военных случаях» и др., из математической — «Арифмологию», «Книгу цифирную», из филологической — лексиконы и грамматики, из учебных книг — буквари, учебные псалтыри.

Особо следует отметить, что в библиотеке Афанасия была литература и на иностранных языках: греческом, латинском, немецком. Очевидно, эти книги были приобретены у иностранцев, постоянно приезжавших в Холмогоры. По мнению В. М. Верюжского, Афанасий, хотя и не получивший правильного образования, читал книги

[82] Там же, с. 676—677.

на иностранных языках, знал греческий язык.[83] К сожалению, установить, какие именно книги Афанасия были на иностранных языках, по описи, опубликованной В. М. Верюжским, не представляется возможным.

Необходимо сказать несколько слов о библиотеке ученых греков братьев **Иоанникия и Софрония Лихудов**, первых преподавателей Славяно-греко-латинской академии в Москве. Лихуды, как известно, получили очень хорошее по тому времени образование на своей родине, а затем в Италии (Венеции и Падуе). В Славяно-греко-латинской академии, где они преподавали все предметы, Лихуды, как мы видели, достигли блестящих успехов. Однако Лихудам не везло. На них ополчались и сторонники латинского типа школ (Сильвестр Медведев и др.), и представители греческой церкви. В 1694 г. Лихуды были отставлены патриархом Адрианом от преподавания в Славяно-греко-латинской академии вследствие неудовольствия иерусалимского патриарха Досифея тем, что преподавание в академии велось не только на греческом, но и на латинском языке.[84]

К этому времени относится их побег из Москвы (август 1694 г.). Однако очень скоро Лихуды были найдены недалеко от Можайска и возвращены в Москву.[85] Патриарх Адриан отправил их работать на Печатный двор, где с 1697 г. по указу Петра Лихуды занимались также обучением итальянскому языку группы учеников (55 человек). Вследствие новых обвинений в политических интригах Лихуды были сосланы в 1701 г. в костромской Ипатьевский монастырь, где они и пробыли до 1706 г., когда новгородский митрополит Иов затребовал их в Новгород.

В Новгороде Лихуды преподавали в основанной ими Славяно-греко-латинской школе и занимались переводами. Через некоторое время они были возвращены в Москву (Софроний в 1708 г., в Иоанникий в 1716 г.).

83 Там же, с. 27, 575.

84 Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 19—20, 25—26, 31—36.

85 Грамота о побеге с Москвы греков Лихудов. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. 5. Смесь, с. 12—14.

Иоанникий вскоре умер (1717 г.), а Софроний был восстановлен в преподавательской деятельности в Академии. В 1722 г. он был назначен настоятелем Солотчинского монастыря Рязанской епархии. Умер Софроний в 1730 г.[86] Лихуды были авторами ряда богословских сочинений, а также учебных пособий по грамматике, риторике, логике, физике, психологии и другим предметам, составленных ими для Славяно-греко-латинской академии. При написании этих учебников Лихуды, по-видимому, использовали в какой-то мере курсы, прослушанные ими в Падуанском университете, однако они не подражали рабски западной схоластике. Деятельность Лихудов в области просвещения России носила прогрессивный характер, так как они немало сделали для первых русских регулярных учебных заведений (Москва, Новгород).

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве сохранилась опись книг Лихудов, составленная в декабре 1705 г. по распоряжению Монастырского приказа. Лихуды в это время жили в Ипатьевском монастыре.[87] Все их имущество велено было переписать и забрать в Москву, а книги, переписав, оставить им до указа царя. Что послужило поводом для составления описей, остается неясным. По-видимому, один из новых доносов на Лихудов. Однако, как мы знаем, уже в следующем, 1706 г. Лихуды были освобождены из заточения.

Опись книг составлена очень неквалифицированно, по ней трудно судить о содержании книг. Всего у Лихудов было описано 58 печатных и рукописных книг на латинском и греческом языках. Наряду с книгами религиозного содержания (Библия, Евангелие, богословские сочинения) здесь были грамматики греческие, лексиконы латинские и греческие, пять книг «философских латинской печати», четыре рукописные книги по риторике, пять книг «философских греческого и латинского писма», книга «учительная греческого писма», латинские летописи и т. д.

[86] Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии, с. 36—37, 68—73, 215—216.
[87] ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, № 1503, лл. 1—4.

Таблица 12

Частные книжные собрания XVII в.

Владелец собрания	Год составления описи	Количество книг	Процент книг светского содержания	Процент иностранных книг	Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания
С. Медведев—С. Полоцкий . .	1689	651	25	—	Латинский, польский, греческий и др.	История, философия, филология, география, медицина, биология, математика, юридические науки, художественная литература.
Афанасий Холмогорский	1702	490	15	—	Греческий, латинский, немецкий.	История, астрономия и космография, медицина, математика, военное дело, техника, художественная литература.
Царь Федор Алексеевич	1682/83	280	Ок. 40	Ок. 20	Латинский, польский.	История, военное дело, дипломатия, география, астрономия, медицина, математика, архитектура, художественная литература.
Патриарх Филарет	1630	261	2	0.4	Немецкий.	История.
Царевич Алексей Алексеевич . .	—	215	—	Ок. 65	—	История, география, филология, философия,

						военное дело, математика.
Патриарх Никон . .	1658	156	20	64.7	Латинский, греческий, немецкий.	История, философия, филология, медицина.
Митрополит Сарский и Подонский Павел . .	1675	149	Ок. 10	Ок. 20	Латинский, греческий, польский.	История, филология, философия.
А. М. Строганов .	1627	141 + 105 «певческих» тетрадей.	Единичные издания.	—	—	—
Справщик Евфимий	1705	112	—	Ок. 35	Греческий, польский, латинский.	Филология, история.
Архиепископ Герасим Кремлев . .	1651	101	Ок. 5	Нет	—	История, художественная литература.
В. В. Голицын . .	1689	93	Свыше 50	Ок. 10	Немецкий, польский.	История, философия, филология, юридические науки, военное дело, политика, зоология, землемерие, художественная литература.
А. С. Матвеев . .	1677	77	Свыше 80	100 [a]	Латинский, немецкий, греческий, польский и др.	Архитектура, садово-парковое дело, география, космография, история, философия, логика, военное дело, минералогия, медицина, юридические науки, риторика, землемерие, филология, художественная литература.

Таблица 12 (продолжение)

Владелец собрания	Год составления описи	Количество книг	Процент книг светского содержания	Процент иностранных книг	Язык иностранных книг	Тематика книг светского содержания
Митрополит Игнатий Римский-Корсаков	1700	75	5	Нет	—	Медицина, история.
Епифаний Славинецкий	1675	72	Свыше 30	53	Латинский, греческий, польский.	История, филология, философия, география, медицина.
Лихуды	1705	58		100	Греческий, латинский.	Филология, философия.
Патриарх Иоаким	1700	52	6	Нет	—	История, филология.
Воевода Мещеринов	1676	48	25	»	—	История, медицина, военное дело.
Царевич Алексей Михайлович		15	Ок. 35	»	—	Филология, космография, история.
Патриарх Адриан	1700 ?	13	35	Ок. 8	Немецкий.	История, география.
Царь Михаил Федорович	1634	11	Ок. 20	Нет	—	История, философия.

[a] Русские книги Матвеева в опись не попали.

Таким образом, книги, находившиеся в библиотеке Лихудов, были тесно связаны с их преподавательской и переводческой деятельностью и их занятиями в области богословия. Возможно, что среди этой литературы находились и учебные пособия, составленные Лихудами. По описи это установить невозможно, так как в описи, как правило, не приводятся сколько-нибудь точные названия книг, а в ряде случаев просто указывается количество книг и на каком языке они написаны, например «7 книжек латинских», «книга в десть латинская» и т. д.

Сделанный нами обзор книжных собраний представителей различных слоев населения России показывает, что в XVII в., особенно во второй половине, собрания, состоявшие из нескольких десятков и даже нескольких сотен книг, не являлись редкостью. Для того чтобы получить более наглядное представление о частных библиотеках XVII в., постараемся свести полученные нами данные в одну таблицу, расположив в ней книжные собрания в порядке, соответствующем числу книг (табл. 12).

Из приведенной табл. 12 видно, что самыми большими библиотеками обладали представители духовной интеллигенции — Сильвестр Медведев и Афанасий Холмогорский. По количеству книг их библиотеки резко выделялись из прочих. Однако между этими двумя книжными собраниями было и большое различие: в библиотеке Медведева было значительно больше светских книг и шире их тематика.

Других владельцев книжных собраний из числа духовенства можно разделить на две группы: лица, связанные с переводческой и издательской деятельностью (Епифаний Славинецкий, Евфимий, митрополит Павел, Лихуды), и представители верхов духовной администрации (патриархи Филарет, Иоаким и Адриан, митрополит Игнатий и архиепископ Тобольский Герасим). Книжные собрания тех и других не очень велики, но сильно различаются по своему составу. У владельцев первой группы в библиотеках много иностранных книг, они имеют литературу светского содержания, особенно по филологии (грамматики, лексиконы), а также по философии, истории и другим наукам. У владельцев второй группы отсутствует иностранная литература, и книги светского содер-

жания встречаются в их собраниях единицами. Особое место занимает библиотека патриарха Никона, в которой, как мы видели, было много иностранных и светских книг.

После библиотек Медведева и Афанасия Холмогорского наиболее крупные библиотеки имели члены царской семьи второй половины XVII в. Федор Алексеевич и Алексей Алексеевич (свыше 200 книг). Для обеих библиотек характерен большой процент светской литературы (у Федора Алексеевича около 40%) и широта тематики светских книг. Наряду с гуманитарной литературой здесь немало книг и по естественным наукам (географии, астрономии, строительному делу и т. д.). В библиотеке Алексея Алексеевича поражает также наличие большого числа иностранных книг.

Много светских книг мы видим и в библиотеках государственных деятелей второй половины XVII в. А. С. Матвеева и В. В. Голицына. Для книжного собрания А. С. Матвеева характерна широта тематики светской литературы, а также наличие значительного числа иностранных книг. И даже в книжном собрании рядового воеводы Мещеринова светские книги составляли 25% общего количества.

В целом состав книжных собраний частных лиц говорит о проявлении все большего и большего интереса к светской литературе, даже в среде духовенства. Наибольший интерес читателей XVII в. вызывают книги по истории (летописцы, хронографы, степенные книги и т. д.), философии, географии, космографии, медицине (лечебники, травники). Однако все же литература религиозного содержания, как правило, преобладала по количеству даже в библиотеках светских лиц.

БИБЛИОТЕКИ

1. Монастырские библиотеки

Старейшими русскими библиотеками были монастырские. На протяжении ряда столетий в монастырских и церковных библиотеках был сосредоточен почти весь книжный фонд страны, и монастыри являлись основными очагами просвещения на Руси. В XVII в. положение изменилось. Монастырские библиотеки утратили свое доминирующее положение, так как возникли другие крупные библиотеки, а кроме того, собиранием книг стали заниматься частные лица. Однако и в XVII в. книжные фонды монастырских библиотек продолжали играть большую роль. Это видно уже из того, что в течение всего века (и даже в XVIII в.) русское правительство постоянно обращалось к монастырям в тех случаях, когда возникала потребность в каких-либо книгах и разыскать их в Москве не удавалось. Вследствие этого едва ли можно вполне согласиться с В. Н. Перетцом, который на основании изучения описей 10 книгохранилищ севера России (главным образом монастырских) пришел к выводу, что «литературное развитие Московской Руси в XVII в. шло уже мимо монастырей, в них же задерживалось только то из старого наследия, что имело специально церковно-религиозное назначение, соответствовавшее духу монастыря».[1]

Вопрос о формировании и составе книжных фондов монастырских библиотек чрезвычайно сложный, требую-

[1] Перетц В. Н. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней русской литературы. — «Slavia», Praha, 1924, roč. 3, seš. 2/3, s. 348.

щий для своего разрешения ряда специальных исследований. Поэтому мы коснемся его лишь в общих чертах. Что же представляли собой монастырские библиотеки в XVII в.? До нас дошел ряд описей этих библиотек, в том числе и широко известная опись книг 40 русских «степенных» монастырей, опубликованная В. М. Ундольским.[2] На основании описей можно сделать выводы о количестве книг в некоторых монастырских библиотеках и о составе их книжных фондов. Однако эти выводы будут приблизительными, так как вследствие крайней неточности описаний книг, характерной для всех описей XVII в., трудно получить ясное представление о каждой книге. Иногда из описей не видно даже, является ли данная книга печатной или рукописной и, как справедливо указывал В. Н. Перетц, при распределении книг монастырских библиотек на печатные и рукописные можно сделать ошибку до 15—20%.[3]

Кроме того, следует учитывать еще одно обстоятельство: данные важнейшей из дошедших до нас описей — описи книг 40 степенных монастырей, как мы увидим далее, являются неполными. Однако пройти мимо этой описи нельзя, поскольку она дает сведения о книгах важнейших русских монастырей, по ряду которых у нас нет других данных. Остановимся подробнее на этой описи. О времени и обстоятельствах составления ее в описи говорится: «161 (т. е. 1653, — *С. Л.*) году генваря в 11 день по указу великого господина святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, выписано степенных монастырей из отписных книг, в которых монастырех обретаются церковные книги четьи, того ради, чтобы было ведомо, где которые книги взяти, книг печатного дела исправления ради».[4] Таким образом, эта свод-

[2] Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. — ЧОИДР, 1848, кн. 6, отд. 4. Смесь, с. I—IV, 1—44. Русские монастыри в XVII в. делились на «степенные» и «нестепенные». Настоятели степенных монастырей, как более почитаемых, приглашались на церковные соборы, а настоятели нестепенных монастырей не приглашались (А м в р о с и й. История российской иерархии, ч. 2. М., 1810, с. LVIII).

[3] П е р е т ц В. Н. Описи монастырских библиотек XVII в. ..., с. 343.

[4] Опись книгам, в степенных монастырях находившимся..., с. 1.

ная опись была составлена 11 января 1653 г. на основании описей книг монастырских библиотек с тем, чтобы облегчить духовным властям затребование из монастырей книг, необходимых для исправления церковных книг в Москве.

Книги в сводной описи расположены по монастырям, начиная с Троице-Сергиева, и пронумерованы в общей системе нумерации с № 1 до № 2672. На основании описи устанавливается, что в Троице-Сергиевом монастыре было 411 книг, в Чудовом — 201 книга, в Кирилло-Белозерском — 473, в вологодском Корнильеве монастыре — 44 и т. д. Для каждого монастыря указывается также дата описи, из которой сделана выписка, — от 1627 до 1652 г. Однако дата описи книг последнего тверского Отроческого монастыря явно позднейшая: 1666 год.

Сличение данных о числе книг сводной описи и имеющихся в нашем распоряжении описей отдельных монастырей показывает, что сводная опись неполна (табл. 13) и, следовательно, при составлении сводной описи в нее включались не все книги монастырей, а лишь часть из них (от 8.3 до 55%). Однако на основании каких критериев составлялась выборка и кто ее делал (в Москве или на местах), остается неясным. Этот вопрос может быть разрешен лишь специальным исследованием.

Нам представляется, что дело происходило так. Из монастырей в соответствии с патриаршим указом были затребованы описи книг (или их копии), на основании которых в январе 1653 г. в Москве была сделана сводная опись по 39 монастырям (данные по тверскому Отроческому монастырю были включены в опись значительно позднее). Составители описи имели, очевидно, указания, какие книги включать, а какие нет, но эти указания не отличались четкостью, так как иначе в сводную опись не вошли бы такие ненужные для исправления церковных книг рукописи, как летописцы, космографии, хронографы и т. д.

По-видимому, вопрос о включении в сводную опись тех или иных книг решался исходя из критериев по формальным признакам: в опись не вошли печатные книги (а они, как мы увидим далее, составляли около половины книжного фонда монастырских библиотек, а по некоторым

Таблица 13

Количество книг в монастырских библиотеках

Монастырь	Данные монастырских описей				Данные описи степенных монастырей		
	год	количество книг	из них рукописных	процент рукописных книг от общего числа книг	год	количество книг	в % к числу книг по данным описей монастырей
Троице-Сергиев	1641	742 [б]	Бо́льшая часть	—	1641/42	411	55.0
Кирилло-Белозерский	1621	1304 [в]	—	—	1634/35	473	36.1
Иосифо-Волоколамский	1573 [а]	1150 [г]	—	—	1651/52	189	16.5
Соловецкий	1676	1478 [д]	948	64.1	—	—	—
Антониево-Сийский	1692	692 [е]	359	52.0	—	—	—
Корнильев Введенский	1676	360 [ж]	199	55.3	1629/30	44	12.2
Ферапонтов (Белозерский уезд)	1665	345 [ж]	237	68.7	—	—	—
Суздальский Спасо-Евфимиев	1660	302 [з]	170	56.3	1635/36	82	27.2
Николо-Коряжемский	1668	182 [ж]	76	41.2	—	—	—
	1682	178 [ж]	72	40.4	—	—	—

Успенская Адрианова пустынь	1670	155 [ж]	Ок. 40	25.4	—	—	—
Глушицкий Покровский	1683	145 [ж]	Ок. 40	27.6	1638/39	12	8.3
Кирилло-Новоезерский .	1662	97 [ж]	42	43.3	—	—	—
Архангельский (Великий Устюг)	1630	47 [и]	Бóльшая часть	—	—	—	—
Спасский девичий (Великий Устюг)	1676—1683	43 [к]	4	9.3	—	—	—
Ивановский (Великий Устюг)	1630	28 [и]		Ок. 50	—	—	—
Вожеозерский Спасский.	1707	27 [ж]	5	18.5	—	—	—

а С добавлением до 1599 г.

б Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», 1968, т. 23, с. 157.

в Там же, с. 150.

г Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 года. — ЧОИДР, 1847, кн. 7, отд. 4. Смесь, с. 1—16 (2-я пагинация).

д Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года). С пред. С. А. Белокурова. — ЧОИДР, 1877, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 11—34.

е Кукушкина М. В. Библиотека Антониево-Сийского монастыря в собрании Библиотеки Академии наук. — В кн.: 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. М.—Л., 1965, с. 309.

ж Перетц В. Н. Описи монастырских библиотек XVII в. . . ., с. 343.

з Опись Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря в 1660 году. — ВМОИДР, 1850, кн. 5, отд. 3. Смесь, с. 41—51.

и Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, с. 39, 40 (сотная книга 1630 г.).

к Там же, с. 73 (писцовая книга 1676—1683 гг.).

монастырям и значительно более половины), а также книги, находившиеся в монастырских церквах и, следовательно, использовавшиеся в монастырях при богослужении.

Возможно, были и другие критерии отбора. Так, например, трудно понять, почему в сводную опись вошло так мало книг из Иосифо-Волоколамского монастыря. Ясно лишь одно: опись книг степенных монастырей является выборочной, и поэтому она не дает точных сведений о числе книг в монастырских библиотеках. Тем не менее данные описи могут быть использованы для характеристики состава книжных фондов этих библиотек.

Число книг в отдельных монастырских библиотеках устанавливается по дошедшим до нас описям книжных собраний монастырей. Данные по 17 русским монастырям представлены в табл. 13.

Из табл. 13 видно, что целый ряд монастырей имел очень крупные книжные собрания (от нескольких сот до 1478 книг). В этих собраниях печатные книги играли уже большую роль. Если в крупных монастырях, имевших давние традиции собирания книг (Троице-Сергиевом, Соловецком, Иосифо-Волоколамском и др.), рукописей было больше, чем печатных книг, то в небольших монастырях печатные книги составляли уже основную часть книжного фонда (от 60 до 80%).

Интересны данные о том, какая часть монастырских книг отражена в описи книг степенных монастырей. По Троице-Сергиевому монастырю число книг, включенных в сводную опись, составляет 55% общего количества, по Кирилло-Белозерскому — 36.1%, а по Иосифо-Волоколамскому — лишь 16.5%. В сводную опись не попали книги таких крупных библиотек, как библиотеки Соловецкого и Антониево-Сийского монастырей.

Каков же был состав книжных собраний монастырских библиотек? По мнению Н. К. Никольского, уделявшего большое внимание изучению этого вопроса, монастырские книги можно разделить на три большие группы: 1) богослужебные, необходимые в повседневной монастырской жизни, 2) назидательные творения отцов и учителей церкви, употреблявшиеся для коллективного чтения,

3) книги, предназначавшиеся для келейного чтения.[5] Изучение описей монастырских и церковных библиотек подтверждает правильность этого мнения. Нас интересует больше всего третья из перечисленных групп книг и особенно книги светского содержания.

На основании детального изучения состава книжных собраний трех крупнейших монастырей России (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского) Р. П. Дмитриева устанавливает, что литература светского содержания являлась неотъемлемой составной частью книжных собраний этих библиотек. Так, в Кирилло-Белозерском монастыре из 169 рукописных сборников XV в. 18 (или 11%) содержали статьи светского содержания, для рукописных сборников XVI в. этот процент был ниже — 4.3. По Троице-Сергиеву монастырю соответствующие цифры были: 9% (рукописи XV в.) и 5.5% (рукописи XVI в.), по Иосифо-Волоколамскому монастырю соответственно 3.7 и 5.8%.[6] Таким образом, около $^1/_{20}$ части рукописных сборников монастырей включали статьи светского характера.

В числе светской литературы в монастырях находились летописи, хронографы, хроники Малалы и Амартола, Еллинский летописец, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», родословные книги, «Галлиново на Иппократа», различные хождения, повести и т. д. Наиболее распространены были исторические книги, однако имелись сочинения естественнонаучной тематики (география, медицина и т. д.), а также художественная литература.[7]

Сведения Р. П. Дмитриевой подтверждаются данными описи степенных монастырей. Из этой описи мы видим, что в монастырских библиотеках было довольно много светских книг. Так, по Троице-Сергиеву монастырю значилось 16 книг исторической тематики (в том числе 11 летописцев, «Троя», «Осадное деяние Троицкого мона-

[5] Никольский Н. К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — «Памятники древней письменности и искусства», 1902, т. 147, с. 6—7.

[6] Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв., с. 166.

[7] Там же, с. 150—166.

стыря» — дар Авраамия Палицына, «Пленение иерусалимское», Временник, Гранограф), книга Козьмы Индикоплова (вклад торгового человека овощного ряда), 2 экз. «Истории о Варлааме и Иоасафе». В Чудовом монастыре было 10 книг исторической тематики, «История о Варлааме и Иоасафе», «Судебник литовский» и т. д. Помимо исторических книг, наиболее популярными в монастырских библиотеках были Космография Козьмы Индикоплова и «История о Варлааме и Иоасафе».

Книги светской тематики составляли (в процентах от общего числа книг, включенных в опись степенных монастырей): в Троице-Сергиевом монастыре — 5, в Чудовом — 7, в Спасском Новом — 5, в Кирилло-Белозерском — 4, в Ипатьевском — 10, в псковском Печорском — 8, в ростовском Борисово-Глебском — 3, в Каменском Вологодского уезда — 2.5, в новгородском Печорском — 10, в суздальском Спасо-Евфимиевом — 5, в вологодском Корнильеве монастыре — 1.5, во владимирском Рождественском — 15, в новгородском Хутынском — 6, в новгородском Антониеве — 3 и т. д.

В среднем светская литература достигла 5—6% общего числа книг, но в отдельных случаях этот процент был выше. Впрочем, были и такие монастыри, где светская литература отсутствовала (новгородский Духов монастырь, казанский Преображенский, ростовский Богоявленский и др.). Разумеется, приведенные нами цифры являются условными, поскольку опись книг степенных монастырей была выборочной, однако кое-какое представление о составе книжных фондов они дают.

Вот еще несколько данных о книгах светского содержания в монастырских библиотеках: в описи книг библиотеки Соловецкого монастыря 1676 г. среди прочих книг значатся семь хронографов, две космографии, пять книг «Диалектики», четыре лексикона, 3 экз. «Истории о Варлааме и Иоасафе», 9 грамматик, т. е. всего 30 книг,[8] или 2% от общего числа книг. Книги светского содержания были в составе и библиотеки Антониево-Сийского монастыря, например летописцы, степенные книги, Хроника Марцина Бельского, Новый летописец, сочинения Иосифа

[8] Библиотека и архив Соловецкого монастыря..., с. 11—34.

Флавия, Космография Козьмы Индикоплова, книга «О московском разорении», лечебники и др.[9] Интересный факт сообщает И. Е. Забелин: в 1680 г. в Оружейной палате находилась книга «Архитектура строелная немецкая в лицах», которая в свое время была взята из библиотеки Воскресенского монастыря.[10] Таким образом, в монастырские библиотеки попадали даже книги на европейских языках. Характерно, однако, что книг литовской печати, т. е. изданных в Белоруссии и на Украине, в этих библиотеках было очень мало.[11]

Источники комплектования монастырских библиотек были следующие: переписка книг силами монастырей, пожертвования различных лиц, поступления книг в составе вымороченного имущества, покупка книг на монастырские деньги, книгообмен. Переписка книг в крупных монастырях (Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Соловецком и др.) была поставлена на широкую ногу. В Соловецком монастыре для этой цели существовала «казенная орфография»;[12] книжная мастерская, в которой переписывались книги, была и в Антониево-Сийском монастыре.[13]

Особенно большое значение в комплектовании монастырских библиотек имели пожертвования или вклады различных лиц. Именно в качестве вкладов попадало в монастыри много светской литературы. Среди жертвователей были как представители верхов светской и духовной иерархии (цари, члены царской семьи, бояре, князья, патриархи, митрополиты, епископы и т. д.), так и представители самых различных слоев русского населения, включая крестьян и дворовых людей (о чем уже говорилось выше). Вот данные, почерпнутые из описи книг Соловецкого монастыря. Из общего числа 182 пожертво-

[9] Кукушкина М. В. Библиотека Антониева-Сийского монастыря..., с. 302—304.

[10] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2. М., 1915, с. 610.

[11] Перетц В. Н. Описи монастырских библиотек XVII в. ..., с. 349—350.

[12] Лилов А. И. Библиотека Соловецкого монастыря. — «Православный собеседник», Казань, 1859, ч. 1, с. 211.

[13] Кукушкина М. В. Библиотека Антониева-Сийского монастыря..., с. 308.

ванных книг в книгохранительницу монастыря представителями духовенства было передано 129 книг (в том числе 87 от рядовых духовных лиц), представителями знати — 15 книг, другими представителями гражданского населения — 38 книг. Из этой же описи мы узнаем, что 2 экз. Евангелия были куплены на монастырские деньги, одно выменено, а ряд книг переписан.[14] Многие книги поступали в библиотеку Соловецкого монастыря в составе вымороченного имущества, так как среди монастырской братии было немало книголюбов, собиравших для себя небольшие личные библиотеки, а после смерти таких владельцев книг их собрания передавались в библиотеку монастыря.[15]

В крупных монастырях имелись особые помещения — книгохранительницы — для хранения книг, однако часть книг находилась в ризницах и непосредственно в монастырских церквах. В более мелких монастырях книги хранились только в церквах. Как видно из описи книжного собрания Коряжемского монастыря от 1586 г., все 110 монастырских книг находились в трех церквах.[16]

Ответственными за книги в монастырях, имевших более или менее крупные книжные собрания, являлись особые лица — книгохранители, которые принимали и сдавали книги по описям, выдавали книги для чтения. В описании славянских рукописей Троице-Сергиевой лавры приводится длинный перечень книгохранителей библиотеки этого монастыря начиная с XVI в.[17] Любопытно своеобразное наставление книгохранителю, дошедшее до нас в составе рукописного сборника XVII в., хранившегося в библиотеке Троице-Сергиева монастыря. Наставление рекомендует книгохранителю изучать вверенные ему книги: «Прими книгу и прочитай часто знаемое, а неведомого иди к мудрейшим себе вопрошати... Подобает

[14] Библиотека и архив Соловецкого монастыря..., с. 11—34.

[15] Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», 1962, т. 18, с. 303.

[16] Лихачев Н. П. Библиотека Коряжемского монастыря в 1586 г. — «Библиограф», 1889, № 3, отд. 1, с. 86—87.

[17] Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, с. VI—XIII.

тебе, книгохранителю, по часту книг дозирати и в них разумеваемая чести и досматривати, да аще кто его не ведаешь, и ты вопроси у вышшего себе разумом и учением. Та бо мудрость не по старости дается».[18]

Монастырские книги не лежали мертвым капиталом, а выдавались для чтения и списывания. О фактах выдачи книг мы узнаем из помет на книгах (о чем уже говорилось выше, см. с. 95), а также из помет на описях библиотек. Часть книг, выданных для чтения из монастыря, терялась. Как часто выдавались книги из монастырских библиотек, сказать на основании имеющихся в нашем распоряжении довольно-таки отрывочных сведений трудно. Для нас важно другое — круг читателей в XVII в. был не так уж узок, книги выдавались не только монастырской братии, но и посторонним людям, оказавшим монастырям те или иные услуги.

Немалый ущерб монастырским библиотекам приносили изъятия части их книжных сокровищ, производившиеся по распоряжению московского начальства. Ощущая потребность в тех или других книгах, духовные власти постоянно обращались к монастырям с требованием выслать в Москву необходимые рукописи. Так, например, в 1639 г. грамотой патриарха было вытребовано в Москву на Печатный двор из Кирилло-Белозерского монастыря 34 книги для сверки печатавшихся текстов, в 1640 г. в тот же монастырь было послано новое требование о высылке книг. Через 13 лет, в 1653 г., Кирилло-Белозерский монастырь должен был выслать книги, необходимые для исправления богослужебных книг, предпринятого Никоном. В 1682 г. из Кирилло-Белозерского монастыря было вытребовано девять летописцев. Такие же изъятия производились и из библиотек других монастырей. Высланные в Москву книги, как правило, в монастыри уже не возвращались.[19]

Несомненно, что для монастырских библиотек факт утраты ими части своих книг был прискорбным явлением,

[18] С. Б. Наставление XVII в. библиотекарю. — ЧОИДР, 1896, кн. 1, отд. 4. Смесь, с. 17—18.
[19] Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв., с. 146—147, 157—158.

однако с точки зрения истории библиотечного дела в России этот факт означал лишь простое перемещение книг из одних библиотек в другие. Книги, высланные из монастырей, попадали или в патриаршую, или в типографскую библиотеку и оседали в Москве. Это еще раз подчеркивает наметившуюся тенденцию — постепенную утрату монастырскими библиотеками их доминирующего положения и рост значения московских библиотек нового типа.

2. Церковные библиотеки

Вопрос о церковных библиотеках является в нашей литературе еще менее исследованным, чем вопрос о монастырских библиотеках. Как известно, первое упоминание в летописях о русских библиотеках относится именно к церковной библиотеке — библиотеке киевского Софийского собора, основанной Ярославом Мудрым еще в XI в.[20] Сведения о том, что в церквах России хранились книги, имеются и от более позднего времени. Однако все это лишь отдельные упоминания. Сколько-нибудь точные данные о церковных библиотеках можно получить лишь из писцовых книг, в которые включались и описи церковного имущества.

Материалы писцовых книг XVI в. по восьми городам России (Коломна, Можайск, Казань, Свияжск, Кашира, Венев, Тула, Лаишев) использовал Н. Д. Чечулин в своей работе, посвященной составу книжных собраний церковных библиотек средней России. Чечулин пришел к выводу, что хранившиеся в XVI в. в церквах книги можно разделить на три категории: 1) книги священного писания и их толкования, 2) книги богослужебные, 3) книги для чтения (сборники, творения святых отцов и т. д.). Из общего числа 1491 книги, находившейся в церквах этих городов, богослужебных книг было 772 (51.8%, книг священного писания 376 (25.2%), книг для чтения 343 (23.0%).[21] Интересно, что среди книг для чтения, в подавляющем большинстве религиозного содержания,

[20] Полное собрание русских летописей, т. 1. СПб., 1846, с. 65—66.

[21] Чечулин Н. Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI в. — «Библиограф», 1888, № 11, отд. 1, с. 350—362; № 12, отд. 1, с. 373—379.

попадались в то время и отдельные светские книги: книга «Осаф» (т. е. «История о Варлааме и Иоасафе») и «Козьма Индикоплов» (Космография Козьмы Индикоплова).

К сожалению, приведенные сведения относятся не к интересующему нас XVII, а к XVI в. Кроме того, эти данные касаются не всех церквей упомянутых городов, а лишь церквей определенных категорий: «ружных» (т. е. получавших государево денежное и хлебное жалованье), монастырских, а также соборов. Сведения о приходских церквах в описях не приведены совсем. Таким образом, данные Чечулина относятся к более богатым церквам.

Аналогичную работу по данным писцовых книг 1676—1683 гг. города Великого Устюга проделал В. Ф. Боцяновский.[22] Полученные им сведения касаются большинства церковных и одной монастырской библиотеки Великого Устюга. По данным В. Ф. Боцяновского, из общего числа 700 книг на богослужебные книги приходилось 421 (60.1%), на книги священного писания и их толкования — 137 (19.6%), на книги для чтения — 142 (20.3%). Репертуар церковных книг Великого Устюга был не слишком богатый: всего 68 названий. Наиболее распространенными книгами были минеи месячные (208 экз.), Евангелие напрестольное (45 экз.), Служебник (40 экз.). Из книг для чтения самыми распространенными были Пролог (31 экз.) и Сборник (21 экз.). Остальные книги для чтения имелись в Устюге в немногих, даже единичных экземплярах. Светская тематика совершенно отсутствовала. Характерно, что основную массу книг составляли печатные книги (600 из 700, или 85.7%),[23] что и не уди-

[22] Боцяновский В. Ф. К истории просвещения в древней Руси XVII века. Книги в Устюге Великом. СПб., 1892. 18 с. Как нами установлено, в писцовой книге 1676—1683 гг., на основании которой делал свои подсчеты В. Ф. Боцяновский, даются сведения о числе книг не во всех церковных библиотеках Великого Устюга, а лишь в большей части их. В монастырской библиотеке Спасского девичья монастыря числилось по писцовым книгам 43 книги. Состав этой библиотеки мало чем отличался от состава книг церковных библиотек.

[23] Боцяновский В. Ф. К истории просвещения в древней Руси XVII века, с. 6—9.

вительно, поскольку в церковных библиотеках Устюга преобладали богослужебные книги, а в XVII в. печатались, как известно, главным образом богослужебные книги, которые и распространялись по епархиальным церквам.

По данным сотной и писцовой книг Великого Устюга можно получить представление о количестве и составе церковных библиотек этого города. Сотная книга 1630 г. дает, к сожалению, сведения лишь о трех церковных библиотеках, в отношении других приводится лаконическая запись, что имущество церковное, в том числе и книги, принадлежат миру. По данным сотной книги, в Успенском соборе в 1630 г. было 44 книги, в Прокопиевской церкви — 37 книг, в церкви Воздвижения креста — 45 книг. Состав библиотек был более или менее одинаковый: бóльшую часть книг составляли богослужебные книги, меньшую — книги для чтения (четьи), к книгам для чтения относились такие, как Пролог, сборники, жития, произведения Иоанна Златоуста. Во всех трех библиотеках печатные книги по количеству явно преобладали над рукописными. В церкви Воздвижения креста две книги были литовской печати.[24]

Более подробные данные о церковных библиотеках Устюга мы получаем из писцовой книги 1676—1683 гг., т. е. книги, которую использовал в своей работе В. Ф. Боцяновский. Эта книга дает сведения по 17 церквам Великого Устюга, из которых некоторые в свою очередь состояли из ряда церквей, находившихся под одной крышей. В отличие от сотной книги 1630 г. в писцовой книге 1676—1683 гг. приводятся данные и о церквах, имущество которых принадлежало «миру» (хотя и не обо всех из них). В среднем в церковных библиотеках было по 35—40 книг. В некоторых из них книг было значительно меньше (14—17), но имелись отдельные библиотеки и с большим числом книг. Так, например, каменная двухэтажная Воскресенская церковь с большим числом приделов, построенная гостной сотни торговым человеком Никифором Ревякиным, имела 116 книг, хранившихся в разных местах, другая церковь — Николая Чудо-

[24] Устюг Великий, с. 5—9.

творца — 68 книг. Церкви, принадлежавшие миру, в общем не выделялись по числу книг из прочих.[25]

Что касается состава перечисленных церковных библиотек, то он мало изменился за полстолетия, прошедшее с 1630 г. По-прежнему в церквах была представлена богослужебная литература и в меньшей степени книги для чтения религиозного содержания. Правда, репертуар последних стал несколько более разнообразен. В библиотеке Николая Чудотворца мы находим, например, такие книги, как «Меч духовный», «Жезл правления», «Мессия праведивый», «Мир с богом», Маргарит и др. Книги для чтения составляли в этой библиотеке около $^1/_3$ общего количества. Во всех библиотеках Устюга по-прежнему явно преобладали печатные книги. Интересно, что библиотека Успенского собора за 50 лет по числу книг не выросла, хотя состав ее книжного фонда и несколько изменился.

Мы изложили довольно подробно сохранившиеся сведения о церковных библиотеках города Великого Устюга, потому что состав этих библиотек является довольно типичным для церковных библиотек других городов России. Н. А. Бакланова собрала данные о книгах церквей Нижнего Новгорода на основании писцовой книги 1621—1622 гг. В 25 церквах в это время находилось 424 печатные и рукописные книги (т. е. в среднем по 17 книг на церковь). Однако книги были распределены по церквам неравномерно: 11 церквей имели каждая всего от 2 до 10 книг, 7 — от 11 до 21 и 7 от 23 до 43 книг.[26] Таким образом, церкви Нижнего Новгорода были обеспечены книгами даже хуже, чем церкви Великого Устюга.

А вот данные о книгах церквей, находившихся в имениях князя В. В. Голицына. Из описей этих имений видно, что в церквах Голицына (в Московском и Арзамасском уездах) было 123 книги (т. е. в среднем несколько более 15 книг на каждую церковь). Это была почти исключительно религиозная литература (главным образом богослужебные книги): псалтыри, триоди, минеи, евангелия, апостолы, октоихи и т. д. Книг для чтения было гораздо

[25] Там же, с. 41—43, 46, 47, 50—59, 62, 70, 73—77, 80—85, 127.
[26] Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 182.

меньше: прологи, жития святых, шестодневы, произведения Иоанна Златоуста, Симеона Полоцкого («Обед душевный», «Вечеря душевная»), Дмитрия Ростовского («Руно орошенное») и т. д. К книгам светского содержания условно можно отнести всего одну «Историю о Варлааме и Иоасафе». Число книг в церквах было неодинаковое: церкви Арзамасского уезда имели всего по 8—12 книг, церкви Московского уезда несколько больше: до 24—25 книг.[27] Примерно такое же число книг имела церковь Иоанна Предтечи, находившаяся в селе Предтеченском отдаленного Кунгурского уезда. По описи 1703 г. в библиотеке этой церкви значилось 18 книг печатных, почти исключительно богослужебных. Из книг для чтения здесь был лишь Пролог издания 1686 г.[28]

Из всего сказанного видно, что церковные книжные собрания были, как правило, немногочисленны и имели своей основной задачей обеспечение необходимыми книгами церковных служб. Именно поэтому в небольших церквах находились в основном лишь богослужебные книги и книги священного писания. Однако вследствие полного отсутствия в XVII в. каких-либо библиотек общественного пользования потребность грамотных людей в чтении могли удовлетворять только эти библиотеки. Церковные книги читались в церкви и брались для чтения на дом.

Как мы уже знаем, церковные книги имели особое значение при обучении детей грамоте. По-видимому, в имениях В. В. Голицына метод обучения грамоте по книгам церквей довольно широко использовался. Об этом говорит факт наличия среди церковных книг учебных псалтырей и часословов. Обучением грамоте с помощью церковных книг чаще всего занимались представители духовенства.

Каковы же были источники комплектования церковных библиотек? Примерно те же, что и источники комплектования монастырских библиотек: дары казны и частных

[27] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 4. СПб., 1893, стлб. 345, 346, 352, 364, 382, 401, 404, 449, 452.
[28] Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей начала XVIII в. Церковная библиотека в с. Предтеченском Кунгурского у., 1703. — «Библиограф», 1892, № 1, отд. 1, с. 12—13.

лиц, покупка книг, а в отдельных случаях и переписка книг. Церкви, находившиеся на правительственном содержании («ружные»), получали книги из Москвы, церкви, находившиеся в частном владении, получали книги от своих владельцев. Кроме того, многие люди считали своим долгом (богоугодным делом) жертвовать книги в церкви, о чем говорят надписи на старинных книгах. Так, например, Апостол издания 1631 г. в 1631 г. положила вкладом в церковь Воскресения села Хрептова вдова Анна Олександрова дочь Языкова, такую же книгу дал вкладом в церковь Рождества богородицы села Подчеркова Дмитриевского уезда монастырский слуга Агафон Ерофеев сын Марков[29] и т. д.

В наихудшем положении находились приходские церкви. Их никто не снабжал книгами, и книги приходилось покупать самим прихожанам на свои средства. Из надписей на печатной книге Апостол мы узнаем, что эта книга была куплена для своей церкви ее прихожанами (жителями Москвы) за 2 руб.[30] Подобных примеров можно привести много.

Следует сказать, что не все церковные библиотеки были бедны книгами. Отдельные церкви имели значительно более крупные книжные собрания. Мы уже видели, что Воскресенская церковь в Великом Устюге имела библиотеку из 116 книг, приобретенных, очевидно, с помощью строителя церкви торгового человека Никифора Ревякина. Еще больше книг было в сольвычегодском Благовещенском соборе. Здесь, по данным описи 1630 г., находилось 127 рукописей и 34 печатные книги (следовательно, всего 161 книга).[31] По-видимому, это книжное собрание образовалось не без участия Строгановых. Известно, что весьма крупную библиотеку имел и Софийский собор в Новгороде. И все же подобных крупных церковных библиотек было немного. Основная масса церквей имела книжные собрания, состоявшие всего из одного-трех десятков книг, почти исключительно богослужебных.

[29] Леонид [Кавелин П. А.]. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, с. 73.
[30] Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896, с. 30.
[31] Перетц В. Н. Описи монастырских библиотек XVII в. ..., с. 343.

Из всего сказанного о церковных библиотеках следует, что эти библиотеки играли в истории культуры нашей страны гораздо меньшую роль, чем монастырские. И по количеству книг, и по составу книжных собраний церковные библиотеки не могли идти ни в какое сравнение с библиотеками монастырей.

3. Патриаршая библиотека

Среди русских библиотек XVII в. по количеству книг резко выделялись две — патриаршая и типографская. Основой для первой из них — патриаршей — послужила существовавшая ранее библиотека русских митрополитов. Дата возникновения митрополичьей библиотеки не установлена. Автор работы, специально посвященной этому вопросу, Н. П. Попов, относит это событие ко времени митрополита Макария (1543—1564 гг.). Во всяком случае в 80-х годах XVI в. митрополичья библиотека не только уже существовала, но и имелась ее опись, составленная некиим Угримом Горским, к сожалению, до нас не дошедшая.[32]

С учреждением патриаршества (1589 г.) митрополичья библиотека превратилась в патриаршую. Книги патриаршей библиотеки входили в состав так называемой «патриаршей казны», т. е. патриаршего имущества. Патриаршая казна (так же как, по всей вероятности, ранее и митрополичья казна) была трех видов. 1. Патриаршая ризная казна — церковные облачения и утварь, являвшиеся принадлежностями церковного служения митрополитов и патриархов. Это имущество считалось неприкосновенной собственностью митрополичьей, а затем патриаршей кафедры, передавалось от одного патриарха другому и хранилось первоначально в Успенском соборе. 2. Патриаршая домовая казна — предметы домашнего патриаршего быта и церковные вещи, имевшие как церковное, так и домашнее употребление, — хранилась в па-

[32] Попов Н. П. О возникновении московской синодальной (патриаршей) библиотеки. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 32—35.

триаршем доме. 3. Патриаршая келейная казна — личная собственность каждого патриарха.

Состав ризной казны менялся лишь в одном направлении — увеличивался, так как предметы, поступившие в ризную казну, как правило, не отчуждались.

Между тем из домовой казны те или иные вещи употреблялись на подарки, шли на продажу и т. д., вследствие чего состав казны постоянно менялся. Еще более подвижным был состав келейной казны, которой патриарх распоряжался как полный собственник и которая после смерти патриарха передавалась его наследникам, шла на поминовение и т. д. Иногда предметы домовой и келейной казны переходили в ризную и наоборот. Лишь после упразднения патриаршества и учреждения Синода патриаршая домовая казна была присоединена к ризной под названием синодальной ризницы.[33]

Мы остановились подробно на составе патриаршей казны для того, чтобы лучше уяснить себе историю патриаршей библиотеки, которая в XVII в. не была единым собранием. Книги, принадлежавшие русским патриархам, входили в состав каждого из трех разделов патриаршей казны, причем келейные книги, как мы уже знаем, являлись личной собственностью каждого патриарха, а все остальные считались казенным имуществом. Таким образом, существовала не одна, а две патриарших библиотеки: домовая и ризная. Они, как мы увидим далее, отличались друг от друга по составу книг и хранились в разных местах: домовая в «казенном приказе», а ризная — сначала в Успенском соборе, а затем в церкви апостола Филиппа, «что в доме святейшего патриарха вверху». На это обстоятельство (т. е. на то, что патриарших библиотек было две) как-то не обращалось внимания исследователями, вследствие чего в истории патриаршей библиотеки было много неясного.

Опись патриаршей казны, составленная в октябре 1631 г., опубликована А. Е. Викторовым.[34] Из описи видно, что церковное имущество патриарха хранилось

[33] Викторов А. Е. Обозрение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875, с. 10—13.
[34] Викторов А. Е. Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875, с. 5—6, 62—65, 97—117.

в Успенском соборе, в том числе 17 рукописных и четыре печатные богослужебные книги (гл. XVI описи). Кроме того, 154 книги находились «на его государева патриаршем дворе в книгохранительной палате» (гл. XXVI описи). Здесь также была почти исключительно религиозная литература (в основном рукописная, печатных книг было всего шесть): евангелия, апостолы, минеи, канонники, жития, призведения Григория Богослова, Иоанна Златоуста и т. д., причем пять книг (четыре рукописные и одна печатная) были на греческом языке. Среди книг светского содержания в библиотеке находились только 2 экз. Летописца (от начала Русской земли до 7064 (1556) г. и от 6879 (1371) до 7004 (1496) г.) и «История Варлаама и Иоасафа».

Интересны данные о происхождении книг патриаршей книгохранительницы. Как видно из описи, некоторые книги находились ранее в составе митрополичьей казны.[35] Про Евангелие толковое воскресное (№ 67 по описи) так и сказано: «из митрополичьей казны»; Пролог принадлежал ранее митрополиту Геронтию (1473—1489), Сборник — митрополиту Даниилу, Служебник — митрополиту Макарию. Целый ряд книг принадлежал первому русскому патриарху Иову; некоторые книги поступили в патриаршую книгохранительницу из московских церквей, другие — из патриарших сел и монастырей, третьи были написаны в городе Старице (видимо, по заказу патриарха Иова). Среди книг как ризницы, так и книгохранительницы было пять книг литовской печати. Наличие их в казне патриарха Филарета, как известно, боровшегося против распространения такого рода изданий, особенно любопытно.

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. В приведенной нами описи 1631 г. говорится, что составители описи П. Волынский и Д. Образцов «пересмотря и переписав патриаршу ризную казну... тое всю ризную казну и в книгохранительнице книги отдали на лицо архидьякону Андреяну». Таким образом, ризная

[35] Государственным историческим музеем выявлено 46 книг, принадлежавших ранее митрополичьей библиотеке (Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 13).

казна противопоставлялась в описи книгохранительнице, и выходит, что они были описаны вместе лишь потому, что и ризная казна (к которой относились только книги, находившиеся в Успенском соборе), и книгохранительница были сданы на хранение одному и тому же лицу — архидьякону Андреяну. Исходя из того, что книгохранительница помещалась в патриаршем доме, а также из того, что книги, находившиеся в ней, мы встречаем позднее (об этом будет сказано ниже) в составе домовой казны патриарха Никона, есть основания считать, что книгохранительница при Филарете входила в состав не ризной, а его домовой казны. Следовательно, уже при патриархе Филарете было два отдельных книжных собрания; вся же библиотека патриарха состояла лишь из 175 книг (21 плюс 154). Интересно, что главной ее частью была не ризная, а домовая библиотека, в которую входил ряд книг из прежней библиотеки русских митрополитов.

Состав фондов патриаршей книгохранительницы не был стабильным. Это можно видеть из известной уже нам книги А. Е. Викторова, который в примечаниях к публикуемой им описи 1631 г. показал изменения, произошедшие в книжном фонде: в 1633 г. уже не было шести ранее числившихся книг, зато прибавились две новые.[36]

После Филарета патриаршая библиотека пополнилась за счет книг, полученных из монастырей: в 1639 г. было затребовано из Кирилло-Белозерского монастыря 34 книги (частью в подлиннике, частью в списках), в 1640 г. оттуда же «для книгопечатного дела» получены прологи и четьи-минеи. Около того же времени было затребовано 19 рукописных книг из Троице-Сергиева монастыря. По-видимому, эти книги поступали в домовую библиотеку патриарха и некоторые из них были переданы на Печатный двор.

Дальнейшая история патриаршей библиотеки тесно связана с патриархом Никоном. Для исправления богослужебных книг им были затребованы книги из 39 рус-

[36] Викторов А. Е. Опись патриаршей ризницы 1631 г., с. 97—117.

ских монастырей.[37] Когда было решено исправлять русские богослужебные книги по греческим подлинникам, возникла необходимость в приобретении этих подлинников. В октябре 1653 г. в афонские монастыри за греческими рукописями был послан ученый монах Арсений Суханов. За щедрую «милостыню» от имени русского царя, привезенную на Афон Сухановым, ему было разрешено самому отбирать рукописи в монастырях. Всего было отобрано 498 рукописей, из которых большинство Суханов привез в феврале 1655 г. в Москву. Некоторые же рукописи были доставлены в Москву позднее самими монастырями. По мнению С. А. Белокурова, часть из отобранных Сухановым рукописей была заменена монастырями на другие.

Все это книжное богатство поступило в распоряжение Никона на его патриарший двор, т. е. в домовую казну патриарха. В числе доставленной литературы были не только греческие, но и славянские рукописи (29 рукописей), а также печатные книги.[38] Интересно, что Суханов отбирал не одни богослужебные и богословские книги, но и книги светского содержания: произведения Гомера, Софокла, Демосфена, Плутарха, Фукидида, Гесиода, Аристотеля, книги по медицине, грамматике, лексиконы и т. д. По-видимому, все эти книги предназначались для греко-латинской школы Арсения Грека в Москве.[39]

В 1658 г., почти сразу же после удаления Никона в Воскресенский монастырь, по распоряжению царя были составлены описи патриаршей ризной и домовой казны. В составе ризной казны значилось 28 богослужебных печатных и рукописных книг, т. е. число их по сравнению с 1631 г. (когда была 21 книга) несколько увеличилось, хотя некоторых старых книг уже не было.[40]

Для нас гораздо интереснее «Переписная книга домовой казны патриарха Никона», составленная в том же

[37] Савва [Тихомиров И. М.]. Указатель для обозрения московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1855, с. 100—102.

[38] Белокуров С. А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. 1. Биография Суханова. — ЧОИДР, 1891, кн. 2, отд. 4. Исследования, с. 330—349, 407—410.

[39] Там же, с. 415, 420—421.

[40] Викторов А. Е. Обозрение старинных описей патриаршей ризницы, с. 29, 50.

году теми же лицами (А. Н. Трубецким, Р. М. Стрешневым и А. Дуровым) и опубликованная во «Временнике Московского общества истории и древностей российских».[41] Как видно из описи, книги у Никона находились в разных местах его патриаршего дома. Приводим эти данные (подсчеты числа книг сделаны нами):

1. «В казенном приказе»		605 книг[42]
2. Там же, «в казенном сундуке железном немецком»		92 книги[43]
3. Там же, «книги, которые бывают в службе в Крестовой палате»		9 книг[44]
4. Там же, «в сундуке железном»	ок.	60 книг[45]
5. В деревянных кельях и в сенях		13 книг[46]
6. Патриаршие келейные, которые посланы в Воскресенский монастырь		36 книг[47]
7. Книги келейные старца черного дьякона Сергия		20 книг[48]
8. Под церковью Трех святителей, книги письменные и печатные, купленные Арсением Сухановым		394 книги[49]
9. Книги, также бывшие под церковью Трех святителей и тоже купленные Сухановым, но отобранные для Печатного двора		48 книг[50]
10. Греческие книги, рукописные и печатные, купленные Никоном в Новгороде на свои келейные деньги		107 книг[51]
Всего		1384 книги

Таким образом, всего в 1658 г. было переписано около 1384 книг, из которых 766 книг (605, 92, 9 и 60) являлись казенным имуществом, 442 книги[52] (394 и 48), закупленные Сухановым на Афоне на царские деньги, также относились к казенному имуществу, 156 книг (13,

41 ВМОИДР, М., 1852, кн. 15, отд. 2. Материалы, с. 1—136.
42 Там же, с. 8—15.
43 Там же, с. 98—100.
44 Там же, с. 100.
45 Там же, с. 100—101.
46 Там же, с. 109.
47 Там же, с. 114.
48 Там же, с. 116—117.
49 Там же, с. 117—131.
50 Там же, с. 131—133.
51 Там же, с. 133—134.
52 Куда поступили остальные из отобранных Арсением Сухановым на Афоне 498 рукописей и книг и были ли они вообще доставлены в Москву, остается неясным.

36 и 107) являлись собственностью Никона и 20 книг собственностью черного дьякона Сергия. Следовательно, домовая патриаршая библиотека при Никоне состояла уже из 1208 книг (766 и 442). Кроме того, по описи 1658 г. в домовой казне патриарха значилось также свыше 400 различных послушных грамот, купчих, кабальных записей, приходо-расходных книг и т. д.

Среди 605 книг, хранившихся в казенном приказе, мы находим те, которые были в патриаршей книгохранительнице Филарета, например «Повесть о Евлогии каменосечце». Эта часть домовой библиотеки патриарха менее чем за 30 лет возросла почти в четыре раза (с 154 до 605 книг), но в ней по-прежнему была представлена почти исключительно литература религиозного содержания. Обращает на себя внимание состав книг, хранившихся под замком «в железном немецком сундуке»: из 92 книг там было 49 печатных грамматик (в том числе четыре греческие). Остальные книги были религиозного содержания. По-видимому, это была литература, отобранная для школы.

Несомненно, самой ценной частью домовой библиотеки патриарха были книги, вывезенные Сухановым с Востока, среди которых насчитывалось около 68 рукописей светского содержания. В целом, как мы видим, домовая библиотека Никона сильно отличалась от домовой библиотеки Филарета. И дело было не только в увеличении числа книг почти в восемь раз (со 154 до 1208), но и в резком возрастании процента иностранной литературы. По подсчетам С. А. Белокурова, по описи 1658 г. значилось 562 иностранные книги (467 греческих рукописей, 91 греческая печатная книга и четыре немецкие печатные книги) [53] из общего числа 1384 книг, т. е. свыше 40%.

Учитывая то, что ризная библиотека состояла в 1658 г. из 28 книг, можно сделать вывод, что в патриарших библиотеках находилось 1412 книг, причем ризная библиотека являлась в это время лишь небольшим довеском к домовой библиотеке. Через 20 лет положение резко изменилось.

[53] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 122.

После составления описи 1658 г. царь распорядился отправить к Никону в Воскресенский монастырь 143 книги из числа его келейных (36 и 107) и 394 книги из числа привезенных Сухановым, т. е. всего 537 книг (из описи неясно, были ли отправлены в Воскресенский монастырь также и книги дьякона Сергия); 48 книг было передано на Печатный двор, остальные книги остались в Москве. Однако правительство спохватилось, что Никону были отправлены не только его келейные книги, но и книги, входившие в состав патриаршей библиотеки. Эту ошибку постарались исправить. В 70-х годах книги партиями стали возвращать в патриаршую казну, но поступали они уже не в домовую, а ризную библиотеку.

В июне 1675 г. по приказу патриарха Иоакима справщиком Евфимием и ризничим Иоакинфом была составлена «опись греческим, греко-латынским, польским и славянским печатным и письменным книгам», взятым в патриаршую ризную казну из Воскресенского монастыря и Иверского подворья в Москве, принадлежавшего ранее Никону. Всего была взята 501 книга (в описи эти книги были расположены составителями в порядке алфавита их названий). В следующем году те же Евфимий и Иоакинф составили опись 38 книг, взятых ранее из Воскресенского монастыря бывшим духовником царя Алексея и приверженцем Никона протопопом Андреем Савиновичем, сосланным в 1676 г. после смерти царя. Эти книги также поступили в патриаршую ризную библиотеку. В 1677 г. Евфимий возвратил взятые им с Иверского подворья 11 книг.[54] Таким образом, всего в патриаршую ризную библиотеку поступила 551 книга,[55] и эта библиотека сразу стала крупным книжным собранием, ядро которой составляли книги, описанные Евфимием и Иоакинфом. В описи ризной казны 1686 г. богослужебные книги, составлявшие прежнюю ризную библиотеку патриарха (их в это время было несколько десятков), перечислены

[54] Все три описи опубликованы В. М. Ундольским. См.: ЧОИДР, 1846, кн. 5, отд. 4. Смесь, с. I—II, 1—20.

[55] По-видимому, кроме отправленных в 1658 г. Никону 496 книг, в патриаршую библиотеку были взяты также и некоторые книги никоновского Воскресенского монастыря.

в XII главе, а книги, принятые Евфимием в 1675 г. и последующие поступления, в XXIII главе.[56]

После передачи в ризную патриаршую библиотеку книг из Воскресенского монастыря и Иверского подворья книжный фонд ее продолжал пополняться новой литературой. Как происходило это пополнение, хорошо видно из каталога патриаршей библиотеки 1718 г., опубликованного М. Полуденским в журнале «Русский архив».[57] Этот каталог, имеющий общее название «копия с росписи книгам, которые обретаются в патриаршей ризнице», состоит из 10 разделов: 1) «каталог, или роспись книгам по именам разных языков по алфавиту» (это опись книг в алфавитном порядке, составленная в 1675 г. Евфимием, за исключением книг, утраченных к 1718 г.); 2) «книги, кои были у бывшего духовника Андрея» (эти книги, как мы знаем, поступили в 1676 г.); 3) «книги, которые преж сего были на Иверском подворье» (эти книги поступали в библиотеку партиями, начиная с 1677 г., когда Евфимий передал первые 11 книг); 4) «во 190 (т. е. 1682, — *С. Л.*) году взято из разных монастырей книг на обличение раскольников»; 5) «книг греческих письменных, которые в 202 (т. е. 1694, — *С. Л.*) году присланы ис Посольского приказу»; 6) «219 книг греческих печатных, которые в прошлом во 194 (т. е. 1686, — *С. Л.*) году взяты у иеромонаха Тимофея, а в 202 (т. е. 1694, — *С. Л.*) году по указу святейшего патриарха те книги из домовыя казны присланы в ризную казну» (следовательно, учебные книги из греческой школы Тимофея были после закрытия школы возвращены в домовую казну патриарха, а оттуда через восемь лет переданы в ризную казну); 7) «1700-го майя в день бывший ризничий Боголеп у переписки объявил сверх прежней переписки книг» (это, судя по составу, часть книг С. Медведева, так как известно, что в 1700 г. в патриаршей ризнице был обнаружен сундук с 39 печатными и рукописными книгами, принадлежавшими Медведеву,[58] помимо книг Медведева,

[56] ГИМ, Синодальное собрание, № 98.
[57] Описание патриаршей библиотеки 1718 года. — «Русский архив», 1864, стлб. 1—48 (3-я пагинация) (прилож. к журн. «Русский архив» за 1864 г.).
[58] С а в в а. Указатель..., с. 107.

здесь могли быть и другие, ранее не учтенные книги); 8) «келейных книг святейшего Иоакима патриарха»; 9) «подносных киевских книг» (т. е. книг киевских изданий, подносившихся патриархам); 10) «книги, которые после святейшего Адриана, патриарха, отданы в ризницу».

Названия разделов каталога восстанавливают историю пополнения фондов библиотеки: обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) в состав патриаршей ризной библиотеки уже не входят богослужебные книги, числившиеся в ризной казне еще при Филарете, а потом (с пополнениями) в последующих описях ризной казны; возможно, что эти книги были переданы в библиотеку Успенского собора, где ранее находилась патриаршая ризная библиотека, или в домовую библиотеку патриарха; 2) после 1700 г. патриаршая ризная библиотека не только не пополнилась, но, наоборот, кое-какие книги, ранее находившиеся в ней, позднее были утеряны (что устанавливается сличением каталога 1718 г. с предыдущими описями). По-видимому, после упразднения патриаршества духовные власти перестали проявлять заботу о пополнении этой библиотеки. Однако мы имеем достоверные сведения, что книги и после 1700 г. поступали в патриаршую библиотеку. Куда же они девались? Объяснение только одно: их передавали в домовую патриаршую библиотеку, которая продолжала расти. Но об этой библиотеке речь будет впереди.

Посмотрим теперь, какого рода литература входила в состав ризной патриаршей библиотеки в конце XVII в. Для этой цели мы используем каталог 1718 г., памятуя, что каких-либо существенных пополнений после 1700 г. библиотека не имела. Сразу оговоримся, что приведенные ниже цифры (результат подсчетов, сделанных нами по данным каталога 1718 г.) в какой-то мере условны, поскольку на основании очень неточных описаний книг этого каталога иногда трудно установить, является ли книга печатной или рукописной и на каком языке она написана. Кроме того, не надо забывать, что часть книг к 1718 г. была уже утрачена. Например, из 501 книги, принятой в 1675 г. Евфимием, в 1718 г. осталось лишь 477. Таким образом, для конца XVII в. приводимые дан-

Источник поступления	Год поступления	Общее количество книг			Из них явно светского содержания	
		печатных	рукописных	всего	количество	%
Книги, принятые Евфимием	1675	81	396	477	47/25	15.1
Книги, принятые от царского духовника Андрея	1676	8	30	38	2/5	18.4
Книги, принятые с Иверского подворья	Начиная с 1677	36	23	59	1/8	15.3
Книги, взятые из монастырей для обличения раскольников	1682	16	27	43	3/3	14.0
Греческие письменные книги, присланные из Посольского приказа . . .	1694	1	17	18	—	—
Греческие книги, взятые из школы Тимофея в домовую казну патриарха, а потом переданные в ризную казну	1694	219	—	219	24	11.0
Книги, не учтенные ранее (Сильвестра Медведева)	1700	16	36	52	2/4	11.5
Келейные книги патриарха Иоакима	1700	16	36	52	1/2	5.8
Подносные киевские издания	—	28 (условно)	—	28	?	?
Книги патриарха Адриана	—	1	12	13	0/3	23.1
Всего		422	577	999	80/50	13.0

Примечание. Числа в числителе — количество книг, числа в знаменателе —

Таблица 14

Состав книг ризной библиотеки (1718 г.)

Количество славянских и русских книг	Количество иностранных книг: греческих	латинских	греко-латинских	немецких	польских	всего	неизвестно на каком языке	Процент иностранных книг от общего числа книг	Процент рукописных книг от общего числа книг
3/25	30/339	19	24	3	2/1	418	0/31	87.6	83.0
3/27	0/1	1	—	2	—	4	2/2	10.5	78.9
2/16	5/1	0/1	27	—	—	34	2/5	58.1	39.0
0/11	6/1	2	6	—	—	15	2/15	34.9	62.8
—	1/17	—	—	—	—	18	—	100	94.4
—	219	—	—	—	—	219	—	100	—
1/24	1/4	5/2	3	—	5/1	21	1/5	44.2	69.2
15/27	—	—	—	—	1	1	0/9	2	69.2
28 (условно)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
0/2	0/1	—	—	0/1	—	2	1/8	15.3	91.5
52/132	262/364	27/3	60	5/1	8/2	732	8/75	73.3	57.8

количество рукописей.

ные не являются вполне точными. Все наши подсчеты сведены в табл. 14.

Из табл. 14 видно, что в патриаршей ризной библиотеке насчитывалось 999 книг, из которых бо́льшая часть 577 (или 57.8%) были рукописные. По языковому принципу книги распределялись так: на первом месте шли греческие книги — 626 из 999, или 62.8% (а по числу рукописей — 63.1%), затем книги на русском и славянском языках — 18.4% (по числу рукописей — 22.9%), далее книги, написанные одновременно на греческом и латинском (двухязычные), книги на латинском языке и совсем мало было книг на польском и немецком языках. Таким образом, свыше 80% книг составляла литература на греческом, славянском и русском языках.

Особый интерес представляет для нас литература светского характера, имевшаяся в патриаршей библиотеке. По числу книг она была сравнительно немногочисленна: 130 книг из 999, или 13% (по числу рукописей — 8.7%). Здесь были книги по истории, философии, филологии, медицине, географии, астрономии и некоторым другим наукам, а также художественная литература.

Больше всего было книг по истории: произведения историков древности (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха, Диодора Сицилийского и др.), хронографы на греческом и русском языках, летописцы и степенные книги на русском языке, Родословная книга, «Московская история» (скоропись) и др. Известная книга Иосифа Флавия об Иудейской войне имелась в библиотеке в русском переводе.

Книг по философии было гораздо меньше. Здесь преобладали произведения Аристотеля. К сожалению, из-за неясности описаний невозможно установить, какие именно сочинения крупнейшего философа древности хранились в библиотеке патриарха. Интересно, что одна из рукописных книг Аристотеля была на русском языке (скоропись). Кроме книг по философии, в ризной библиотеке имелось несколько рукописных книг на греческом языке по логике.

Литература по филологии была представлена главным образом лексиконами (греко-латинскими) и граммати-

ками, в числе последних находилась и Грамматика Мелетия Смотрицкого 1619 г. (№ 726). Книг по риторике и ораторскому искусству было немного. Здесь преобладали произведения Демосфена. Интересна «Книга письменная скорописью описания разных монастырей книгам 161 года» (№ 552). Это сделанная по распоряжению Никона выписка из описей книг монастырских библиотек России (1653 г.).

Сравнительно многочисленна была художественная литература. Имелись сочинения Эсхила, Софокла, Аристофана, Эзопа, Гесиода, Симеона Полоцкого и некоторых других писателей, а также неизменная «История о Варлааме и Иоасафе», хранившаяся в нескольких экземплярах.

Значительно меньше в патриаршей библиотеке было литературы по естественным наукам: несколько книг по астрономии (Космография, сочинения Кл. Птолемея и др.), Арифметика, несколько книг по географии и медицине. В числе медицинской литературы находились лечебники, травники, сочинения Гиппократа и Галена. Особняком стояла книга по технике: «Строельная и рудознатная, немецкая, печатная с образцами 1629 лета печатана» (№ 515).

Сделанный нами краткий обзор светской литературы ризной патриаршей библиотеки показывает, что состав ее книг по естественным наукам был довольно случаен. Менее случайно подобраны были книги по истории и художественная литература. Здесь находились именно те книги, которые были наиболее популярны в России этой эпохи.

Книги из ризной патриаршей библиотеки выдавались для пользования. Это видно из помет на описях книг. Так, на известной нам описи, составленной в 1675 г. Евфимием, против некоторых книг стоит помета, что они отданы в греческую школу Тимофея (например, четыре греческие грамматики), против других книг помечено, что они отданы «в правильню», т. е. на Печатный двор; книги Дионисия Ареопагита, как видно из пометы, находились «у Сергия» (очевидно, справщика Печатного двора), две книги «строенные » были отданы «Ивану Калитину». В ряде случаев пометы о том, что книги отданы,

позднее были зачеркнуты, очевидно в связи с возвращением книг.

В. М. Ундольский обращает внимание на то, что при последующих сверках описей с наличием книг многие записи оказались неверными. Так, например, под № 38 в описи Евфимия значилась рукописная книга Аристофана на греческом языке. Против этой записи стоит помета: «А по нынешнему осмотру вместо того Аристофана книга месячная, декабрь, в полдесть». Разумеется, трудно допустить, чтобы составители описи спутали греческие рукописные книги с Минеей месячной на славянском языке. Очевидно, сочинения Аристофана были отданы для пользования, а взамен их возвращена совсем другая книга. Точно так же были заменены и другие книги: Евангелие «апракос письменное харатейное греческое» заменено Евангелием «на словенском языке», книга «Беседы» Григория Фессалийского — житиями святых, три книги Апостола на греческом языке заменены одной книгой на славянском языке и т. д.[59]

Известны и другие случаи выдачи книг из патриаршей библиотеки. В 1667 г. книги из числа находившихся в Воскресенском монастыре были выданы царскому духовнику Андрею (они были возвращены, как мы знаем, только после ссылки Андрея), в 1669 г. с Иверского подворья семь книг греческих было передано на Печатный двор, в следующем, 1670 г. туда же «для свидетельства» было отдано четыре триоди, в 1671 г. митрополиту Газскому Паисию Лигариду было выдано с Иверского подворья «для собрания книги о святейших вселенских патриархах» 10 греко-латинских и четыре латинские печатные книги, а также 10 греческих рукописей. Книги с Иверского подворья брал и Евфимий (в 1667 г. он возвратил туда восемь печатных и четыре рукописные греческие книги). В 1681 г. были возвращены в патриаршую библиотеку 19 греко-латинских книг и один греческий требник, взятые когда-то из Воскресенского монастыря митрополитом Сарским и Подонским Павлом,[60] и т. д.

[59] ЧОИДР, 1846, кн. 5 (заседание 28 декабря 1846 г.), отд. 4. Смесь, с. I—II, 1—20.

[60] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 123, 125.

Таким образом, книги патриаршей ризной библиотеки не лежали мертвым капиталом, а иногда выдавались для пользования, главным образом на Печатный двор и представителям верхушки московского духовенства.

Как мы уже знаем, помимо ризной, существовала и другая крупная патриаршая библиотека — домовая. В 1658 г. она состояла из 1208 книг (см. с. 176). После того как книги, привезенные с Афона Сухановым, были отправлены Никону и частично на Печатный двор, в домовой библиотеке осталось около 800 книг (считая и кое-какие келейные книги Никона, а также книги черного дьякона Сергия). В 1695 г. была произведена опись домовой казны патриарха, из которой видно, что число книг домовой библиотеки за 37 лет увеличилось с 1208 до 1774.

Что же представляла собой в конце XVII в. домовая библиотека патриарха? На этот вопрос обстоятельный ответ дает нам опись 1695 г.[61] Первое, что бросается в глаза при изучении описи, это явное преобладание печатных книг над рукописными: из общего количества 1774 книг рукописных было всего 218, т. е. 12.3%. Второй особенностью библиотеки была многоэкземплярность целого ряда хранящихся в ней печатных книг. Так, «Книга о священстве» была в 241 экз., «Извещение о сложении трех первых перстов» — 85 экз.; Устав — 53 экз., «О святительском суде» — 73 экз., Канонник — 92 экз., Псалтырь — 89 экз., Октоих — 53 экз., Служебник — 94 экз., «Жезл правления» — 25 экз. и т. д.

Среди книг библиотеки было немало изданий киевской печати, причем некоторые из них также имелись в большом числе экземпляров, например книги «Меч духовный» выхода 1666 г. было 38 экз., Псалтыря с восследованием — 41 экз. и т. д. Таким образом, домовая патриаршая библиотека предстает перед нами как некий склад книг, предназначенных, очевидно, для рассылки по церквам. В этой литературе буквально тонули немногочисленные старинные рукописи и редкие издания (например, издания острожской печати). Известное пренебрежение к старинным рукописям, в том числе и к написанным на

[61] ГИМ, Синодальное собрание, № 96.

пергаменте, видно из манеры их описания. Например, в описи мы встречаем такие записи: «да старых же писменных розных книг церковных и четьих ветхих в десть 17», или: «116 книг в полдесть». Следовательно, составители описи в ряде случаев не пытались даже разобраться, какие именно рукописи имелись в библиотеке.

Третьей особенностью библиотеки было то, что книг светского содержания имелось здесь немного. Из общего числа 1774 явно светских книг было всего 93 (т. е. немногим более 5%), в том числе 85 грамматик, два букваря, 2 экз. Уложения, два летописца, книга «О поставлении благочестивых царей и великих князей на престол» и «История Варлаама и Иоасафа». Имелась и еще одна особенность домовой библиотеки — почти полное отсутствие иностранных книг. Как видно из описи, в библиотеке находилось три книги на греческом языке, две на польском, одна на латинском и пять грамматик греко-латинских, т. е. всего 11 книг (около 0.6% от общего количества).[62]

В состав домовой патриаршей библиотеки в качестве отдельной коллекции, хранившейся в особом сундуке, входили келейные книги патриарха Иоасафа II (29 книг). Это была почти исключительно религиозная литература. Книг светского содержания у Иоасафа имелось лишь две: Летописец российских князей «в лицах» и Уложение.

Из всего сказанного о домовой библиотеке патриарха видно, что она сильно отличалась от ризной библиотеки. Это отличие будет очень наглядно, если мы сведем данные об обеих библиотеках, полученных нами в результате подсчетов по описям, в одну таблицу (табл. 15).

Из табл. 15 видно, что домовая библиотека по числу книг превосходила ризную почти в два раза, но это объяснялось не богатством ее книжного фонда, а тем, что многие книги были представлены в библиотеке в большом числе экземпляров. По составу книг ризная библиотека в конце XVII в. безусловно превосходила домовую: здесь было не только больше книг светского содержания, но и сами эти книги представляли бóльшую ценность, чем книги домовой библиотеки, в которой почти отсутствовали ориги-

[62] Мы не считаем грамматик греко-славянских, которых в библиотеке был 21 экз.

Таблица 15

Библиотека	Печатные книги		Рукописные книги		Всего печатных и рукописных книг	Из них светского содержания		Из них иностранных	
	количество	%	количество	%		количество	%	количество	%
Ризная . .	422	42.2	577	57.8	999	130	13.0	732	73.3
Домовая . .	1556	87.7	218	12.3	1774	93	5.2	11	0.6

нальные произведения светского содержания, а имелась лишь учебная литература. Кроме того, ризная библиотека была богата рукописями и иностранными книгами, а в домовой библиотеке иностранных книг практически не было, рукописей же имелось сравнительно мало.

Таким образом, в конце XVII в. в отличие от первой половины века основной патриаршей книгохранительницей была не домовая, а ризная библиотека. Книжный фонд ее был стабильным, случайных изданий попадало сюда гораздо меньше, и состав книжного фонда представлял несомненно бóльшую ценность, чем состав книжного фонда домовой библиотеки, которая в это время, как уже говорилось, походила скорее на подсобный книжный склад, чем на рабочую библиотеку. Однако в этом складе находились и очень ценные старинные книги, входившие когда-то в состав библиотеки русских митрополитов. Но таких книг было сравнительно немного.

4. Типографская библиотека

О первоначальном периоде существования типографской библиотеки сохранилось мало сведений, и поэтому о времени ее основания существуют различные точки зрения. По мнению П. А. Бессонова, автора статьи, опубликованной еще в 1859 г., «учреждение типографской библиотеки совпадает с учреждением самой типографии и совпадает не только годом, но даже, можно сказать, часом и мину-

той».[63] Типографская библиотека, по мнению П. А. Бессонова, является «одной из самых древнейших русских библиотек и, конечно, древнее нынешней синодальной (т. е. бывшей патриаршей, — *С. Л.*), помещенной в Кремле».[64] Таким образом, П. А. Бессонов относит основание типографской библиотеки к началу русского книгопечатания (1553 г.), и, по его мнению, библиотека с самого своего возникновения являлась неотъемлемой частью типографии и комплектование ее фондов проводилось сознательно, исходя из задач, стоящих перед русским правительством в области просвещения страны.

Бессонову возражал А. Е. Викторов, который указал на то, что нигде в дошедших до нас исторических памятниках не говорится о существовании типографской библиотеки в XVI в. и что не сохранилось описей этой библиотеки ни от XVI, ни от первой половины XVII в. Возникновение типографской библиотеки, так же как и патриаршей, А. Е. Викторов связывает с исправлением богослужебных книг, которое началось еще при патриархе Филарете. Но так как при Филарете книги исправлялись не в типографии, а на патриаршем дворе и рукописи после набора также, по-видимому, не оставались в типографии, а возвращались в патриаршую библиотеку, начало типографской библиотеки следует относить ко времени после патриарха Филарета, а иностранный книжный фонд ее сложился еще позже: во второй половине XVII в.[65]

Из последующих исследователей одни разделяли точку зрения П. А. Бессонова (В. С. Иконников), другие — А. Е. Викторова (С. А. Белокуров). Нам представляется, что, несмотря на ряд фактических ошибок, допущенных А. Е. Викторовым в его полемических статьях (например, отрицание факта передачи в типографскую библиотеку книг Епифания Славинецкого, Евфимия, С. Медведева,

[63] Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве. Исторический очерк. — «Русская беседа», М., 1859, кн. 5 (17). Смесь, с. 42.
[64] Там же, с. 40—41.
[65] Викторов А. Е. Библиотека и историческая деятельность московской синодальной типографии (по поводу статьи г. П. Бессонова). М., 1859, с. 10—11, 13, 23—24, 30.

Дмитрия Ростовского и др.), в целом его точка зрения является правильной. Действительно, ни в XVI, ни в первой половине XVII в. небольшое книжное собрание Печатного двора никак не являлось настоящей библиотекой, сколько-нибудь сознательно комплектуемой, — это было собрание оригиналов (печатных и рукописных), по которым набирались книги.

А. Е. Викторов прав и в другом — в течение всего XVII в. трудно провести четкую грань между типографской и патриаршей библиотеками. Обе они имели одно и то же начальство — патриарха, и книги из патриаршей библиотеки часто использовались при книгопечатании, оседая на более или менее длительное время в типографской библиотеке. В свою очередь и книги из типографской библиотеки иногда передавались в патриаршую. По мнению А. Е. Викторова, типографская библиотека была ни больше ни меньше, как частью патриаршего книгохранилища. Связь обеих библиотек проявлялась и в таком факте, как использование типографской библиотеки в качестве складочного помещения для части книг патриаршего книгохранилища. Такие случаи из-за недостатка помещений в патриаршей библиотеке имели место.[66]

Книжное собрание Печатного двора находилось в помещении правильни, где работали справщики, и состояло из «справных книг», т. е. из книг, используемых при наборе. Первые сведения о справных книгах при типографии мы получаем из расходной книги Приказа книгопечатного дела от 1620 г. Вся библиотека в это время помещалась в одном коробе.[67] Это было и не удивительно, поскольку незадолго до того типография и ее имущество погибли во время пожара в период польской интервенции.

Недостаток книг для нужд книгопечатания побуждал Приказ книгопечатного дела принимать меры для приобретения необходимых оригиналов. Книги затребовались у монастырей, покупались и выменивались у частных лиц. Известно, например, что в 1622 г. попу Василию Иванову было выплачено 5 руб. за старопечатное Евангелие в пере-

[66] Там же, с. 31—33.
[67] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 157.

плете.[68] В том же году у некоего Ивана Никитина был выменен учебный Псалтырь.[69] Примерно в это же время у одной из московских церквей был выменен старопечатный Апостол за новое издание этой книги 1621 г.

Иногда книги по повышенным ценам покупались в овощном ряду, где в 1626 г., например, были куплены печатные Служебник и Минея месячная. Примерно в это же время у мастера Кондрата Иванова была куплена острожская Библия 1580 г. издания. Покупались и рукописи. Но все это была литература на русском языке. Иностранных книг в этот период (первая половина XVII в.) Печатный двор, по-видимому, не приобретал.[70]

От 1649 г. сохранилась первая дошедшая до нас опись типографской библиотеки. Из описи московского Печатного двора, опубликованной С. А. Белокуровым, мы узнаем, что в 1649 г. в правильной палате, «где сидят книжные справщики», находилось «черных кавычных розных полных и неполных и в россыпи драных и гнилых печатных и писменных и харатейных книг, которые были в переводе у справщиков[71] прошлых лет, и те все книги в продажу не годятся»: печатных книг 118, рукописных 30 (из них 19 «харатейных», т. е. написанных на пергаменте).[72]

Таким образом, типографская библиотека состояла всего из 148 книг — рукописных и печатных оригиналов, используемых при наборе (так называемых «кавычных» книг). Это было чисто рабочее собрание с пометами и исправлениями справщиков на книгах; некоторые из книг находились уже в плохом состоянии — были «драные» и «гнилые», как сказано в описи, и ни одна из книг не годи-

[68] Румянцев В. Е. Древние здания московского Печатного двора. М., 1869, с. 33.

[69] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968, с. 92—93.

[70] Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 24.

[71] По терминологии того времени «сдать книгу (рукопись) в перевод» или «для переводу» означало передать в правильную палату оригинал, с которого должен делаться набор (Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве, с. 86—87).

[72] Белокуров С. А. Московский Печатный двор в 1649 году. — ЧОИДР, 1887, кн. 4. Смесь, с. 27—31.

лась для продажи. Следовательно, и в 1649 г. библиотеки как таковой фактически еще не существовало. Что же касается репертуара этого книжного собрания, то он соответствовал репертуару изданий Печатного двора в первой половине XVII в.

Во второй половине XVII в. положение изменилось. В типографию стали передаваться не только те книги, которые были необходимы для текущей работы Печатного двора, а целые книжные собрания. Мы уже знаем, что в 1658 г. для Печатного двора было отобрано 48 книг из числа привезенных Сухановым с Востока (см. с. 177). Эти и другие книги, в том числе и некоторые книги, купленные Никоном в Новгороде, были переданы на Печатный двор Приказом Большого двора. Всего же из этого приказа за период с 1658 по 1668 г. было передано в типографскую библиотеку 55 греческих рукописей и 17 печатных греческих книг. В числе их было много книг светского содержания: произведения Аристотеля, Гомера, Иосифа Флавия, лексиконы, грамматики, судебники, лечебники, Хронограф, «Логика» и т. д.[73]

В 1673 г. типографская библиотека получила около сотни книг и рукописей греческих и славянских из Посольского приказа. Здесь были книги, оставшиеся после известного своей ученостью митрополита Газского Паисия Лигарида. В числе книг Паисия находились и книги, принадлежавшие ранее бывшему справщику Печатного двора греку Дионисию, переданные им временно митрополиту Газскому: семь печатных и девять рукописных греческих книг, в том числе и три книги произведений Гомера.[74] В конце 1675 г., как мы уже знаем (см. с. 137), в библиотеку были переданы 59 книг митрополита Сарского и Подонского Павла.

Многие книги специально покупались для типографской библиотеки, на что расходовались в этот период уже

[73] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 160.

[74] Библиотека московской синодальной типографии, ч. 1, вып. 1. М., 1896, с. VIII—IX; Ундольский В. М. Библиографические разыскания. Очерк библиографических трудов в России. — «Москвитянин», 1846, № 2, с. 142; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 161.

довольно значительные по тому времени деньги. Только в 1677 г. было куплено около 100 книг на сумму свыше 300 руб., в том числе «Лексикон» Калепина на 11 языках, лексикон греко-латинский, сочинения Скарги, произведения Иоанна Дамаскина и др.[75] В 1675 г. на покупку было израсходовано около 60 руб., в 1679 г. — более 180 руб. В 1680 г. только за Библию полиглотту с гравюрами было заплачено 50 руб. Сохранилась практика и выменивания нужных книг на издания Печатного двора. Так, например, в 1679 г. были выменены присланные из Пскова от архиепископа Арсения «харатейные» книги, за которые были отданы печатные книги «разных выходов».[76]

Число книг в типографской библиотеке стало быстро возрастать. Изменился и состав ее книжного фонда. Это видно из описи типографской библиотеки 1679 г. В это время в библиотеке находилось уже 637 книг и рукописей, в том числе русских рукописей 126, греческих 66, рукописей на других языках три, «кавычных» книг 100, книг печатных разных (московской, киевской и кутеинской печати) около 208, греческих печатных книг около 47, книг печатных на других языках 20, различных грамот 67 листов.[77]

Следовательно, за 30 лет, прошедших после описи 1649 г., книжное собрание Печатного двора увеличилось более чем в четыре раза, причем неузнаваемо изменился характер его книжного фонда. «Кавычные» книги составляли теперь всего $^{1}/_{6}$ этого собрания, а иностранные книги, которых раньше совсем не было, — свыше 20% общего числа книг. Но рост библиотеки на этом не прекратился.

В последующие годы XVII в. поступления книг продолжались в неменьшем количестве. Наиболее значительным приобретением библиотеки в эти годы были

[75] Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве, с. 91—93.

[76] Румянцев В. Древние здания московского Печатного двора, с. 14, 33; Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве, с. 91.

[77] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 163—165.

книги Сильвестра Медведева, переданные в типографскую библиотеку в 1692 г. и увеличившими ее книжное собрание почти в два раза, несмотря на то что какая-то часть книг Медведева попала, как мы уже знаем, в патриаршую ризную библиотеку. Продолжали поступать книги и из собраний других справщиков Печатного двора. В 1699 г., например, в типографскую библиотеку были переданы книги справщика Тимофея. Поступали в библиотеку и издания Печатного двора.

Мы не знаем сколько-нибудь точного числа книг типографской библиотеки в конце XVII в. Опись, составленная в 1698 г. книгохранителем Аароном, до нас не дошла. Об этой описи мы узнаем из прошения Аарона от февраля 1718 г., где он сообщает, что в 1698 г. по распоряжению патриарха ему пришлось переписать книги после прежнего книгохранителя, причем дело это было очень трудным, потому что число книг по сравнению с прежним сильно увеличилось, да и после составления описи библиотека продолжала расти, в том числе и за счет поступления книг умерших справщиков.[78]

Несомненно, что в конце XVII в. в типографской библиотеке было значительно более 1000 книг. К сожалению, о составе этого книжного собрания мы не имеем ясного представления, так как сохранившийся каталог библиотеки относится лишь к 1727 г., когда в ней насчитывалось уже свыше 3500 книг. Однако, учитывая имеющиеся в нашем распоряжении сведения о целом ряде книжных собраний, вошедших в состав этой библиотеки (С. Медведева, С. Полоцкого, Е. Славинецкого, Тимофея, Павла Сарского и Подонского, Евфимия и т. д.), следует считать, что книжный фонд типографской библиотеки по своей ценности не уступал книжному фонду ризной патриаршей библиотеки. Здесь была хорошо представлена и русская, и иностранная литература и имелось немало книг светского содержания. Разросшейся библиотеке было тесно в прежнем помещении. В 1679 г. было велено выстроить для нее специальное двухэтажное каменное здание. Для хранения «раритетных» (редких)

[78] Там же, с. 166, 167; Библиотека московской синодальной типографии, с. IX.

книг были устроены особые резные ящики, украшенные позолотой и росписью.[79]

Типографская библиотека, как и другие крупные библиотеки того времени, находилась в ведении специального лица — книгохранителя. Должность эта была учреждена в 1670 г.,[80] когда, как мы знаем, прежнее рабочее собрание печатных и письменных оригиналов превратилось уже в подлинную библиотеку. Об обязанностях книгохранителя мы можем получить представление из известного уже нам прошения книгохранителя Аарона. В прошении Аарон, между прочим, пишет: «...и с того 206 (т. е. 1698, — *С. Л.*) года имею я от той книгохранительной службы великую суету и попечение, для того, что всякие книжные переводы (т. е. оригиналы для набора, — *С. Л.*) сыскиваю и отдаю наборщикам к тиснению книжному, а как из дела выдут, и те книжные переводы и нововыходные книги я же збираю в книгохранительную палату. Да и справщики спрашивают в правильную палату беспрестанно для всякого книжного правления и для свидетельства в книжном правлении всякие книги, иноязычные и славянские. Да с Печатного же двора из библиотеки велено школьным учителям давать всякие книги для школьных их потреб, и оттого мне великая суета и попечение».[81]

Из этой цитаты видно, что книги типографской библиотеки постоянно выдавались для пользования, причем основными читателями были справщики Печатного двора и преподаватели Славяно-греко-латинской академии. Книги выдавались и другим лицам. Среди читателей был и сам царь Федор Алексеевич.

5. Библиотека Посольского приказа

Типографская библиотека относится к числу государственных ведомственных библиотек, которые в XVII в. уже не являлись исключением. Аналогичные библиотеки суще-

[79] Румянцев В. Е. Древние здания московского Печатного двора, с. 14—15.
[80] Там же, с. 14.
[81] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей.., с. 167.

ствовали при целом ряде приказов. Наиболее значительными из них были библиотеки Посольского и Аптекарского приказов.

Точное время учреждения Посольского приказа неизвестно. В конце XVI в. это было уже довольно значительное учреждение, в котором работало 17 подьячих, не считая другого персонала (переводчики, толмачи). Большое значение, которое придавало правительство дипломатическим сношениям с иностранными государствами, ставило Посольский приказ в особое положение среди других приказов системы государственного управления России. Во главе его находились крупные государственные деятели того времени: И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев и др.[82] Работа в приказе требовала образования и знания иностранных языков. В штате приказа, помимо подьячих, ведших переписку на русском языке, находились переводчики (переводившие дипломатические документы с русского на иностранные языки и с иностранных на русский) и толмачи, переводившие устную речь.

Круг деятельности Посольского приказа был значительно шире его прямых обязанностей. Так, например, он ведал иностранцами, находившимися на русской службе; он же, как мы уже видели (см. главу II), составлял рукописные книги различного, в основном светского, содержания, составлял «Куранты».

Специфика деятельности Посольского приказа была причиной постепенного создания при нем книжного собрания, состоявшего из необходимой для работы литературы, поскольку у сотрудников Приказа постоянно ощущалась потребность в наведении различного рода справок. Из описей документов Посольского приказа мы узнаем, что уже в XVI в. наряду с различными документами там хранились, правда немногочисленные, рукописные книги, например Летописец литовских князей, Судебник, перевод польского Летописца, перевод Космографии и кое-какие другие. Однако в позднейших описях ни одной из этих рукописей в Посольском приказе уже не было.

[82] Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906, с. 34—35, 42.

Возможно, что книги, присылавшиеся к Михаилу Федоровичу из-за границы (а такие случаи были), оседали в Посольском приказе, но точных сведений об этом мы не имеем. Появление значительной библиотеки в Посольском приказе следует относить уже ко времени царя Алексея Михайловича. Это событие в какой-то мере связано с русско-польскими отношениями того времени. Еще во второй четверти XVII в. в западном крае вышло несколько книг, имевших отношение к России. Русское правительство следило за выходом такого рода литературы и поручало своим представителям покупать эти книги. Закупленная литература изучалась в Москве с целью выяснения, нет ли в книгах чего-либо, ущемляющего русские интересы.

Русским послам, ехавшим с дипломатическими поручениями, давались из Посольского приказа книги и выписки из них для соответствующих представлений. В 1650 г. русские послы добились того, что в одной из книг, вышедших на Западе, были изъяты листы, а другие книги были публично сожжены в Варшаве. По возвращении послов выданные им книги снова передавались в Посольский приказ.[83] Через послов Посольский приказ закупал в Польше интересующую его литературу. Сохранился список книг, которые требовалось купить:

1. «Хронограф, а в нем писано про все Московское государство» Герберштейна на латинском языке.
2. Хроника польская, «слагатель Гвагвин».
3. Хроника Пясецкого на латинском языке.
4. «Орбис Полонус», в котором описывается «старовечность» русских и польских шляхетских домов и их гербы.
5. Из двух польских старых летописцев (Иоанна Длугоша и Матвея Меховита) требовалось купить тот, который на польском языке.
6. Лексикон славяно-русский.
7. Библия польская большая «в лицах» с толкованиями.
8. Лексикон гданский шестиязычный.

[83] Белокуров С. А. О библиотеке московских государей.., с. 29—33.

В соответствии со списком русский посол Репнин-Оболенский купил в Люблине и во Львове лексикон славяно-русский, хронику Пясецкого, лексикон гданский трехязычный, «Гвагвин» (Хроника Гвагнина), Библию на польском языке, «Описание Польши», «Конституцию 161 года». Книги были переданы в Посольский приказ.[84]

Особенно большие поступления книг из Западного края были в то время, когда Посольским приказом руководил А. Л. Ордин-Нащокин (1667—1672 гг.). Отправляясь в 1669 г. на посольский съезд в Мигновичи, Ордин-Нащокин написал, чтобы ему прислали из Смоленска «82 книги латынских костельных, которые бывали у езовитов (иезуитов, — *С. Л.*), а сысканы были те книги в Смоленску в приказной избе». В том же году Ордин-Нащокин просил прислать ему в Мигновичи из Смоленска 128 польских и латинских книг, взятых в Смоленске у шляхтенки вдовы Рачинской. Через три года из Смоленска был затребован ряд книг в Стрелецкий приказ, откуда, возможно, они были переданы в Посольский приказ.[85]

Так постепенно создалось при Посольском приказе довольно значительное собрание книг на иностранных языках. До нас дошла опись этой библиотеки, относящаяся к 1673 г. и опубликованная С. А. Белокуровым.[86] Из описи видно, что в библиотеке Посольского приказа было в это время уже 112 печатных книг и шесть рукописей. Как распределялась эта литература по тематике и языкам, видно из табл. 16, 17.

Данные табл. 16 показывают, что тематика книг библиотеки Посольского приказа была довольно разнообразной. Несмотря на то что свыше 40% книжного фонда составляла религиозная литература, нельзя не видеть известную направленность комплектования этой библиотеки, связанную со сферой деятельности приказа. 12.7% книг имели самое прямое отношение к этой деятельности. Перечислим некоторые из них: «Уложение, или статут, коруны польской» (1583 г.), «Уложение Великого княжества литовского» (1588 г.), «Институцыя, или уло-

[84] Там же, с. 33—34.
[85] Там же, с. 34—35.
[86] Там же, с. 38—46.

Таблица 16

Распределение книг Посольского приказа по тематике (1673 г.)

Тематика	Количество книг	Процент от общего количества
Литература, имеющая прямое отношение к деятельности Посольского приказа (конституции, политика, служебные наставления и т. д.)	15	12.7
История	11	9.3
Геральдика	1	0.9
Философия	9	7.6
Филология	7	6.0
Ораторское искусство	3	2.5
Космография, география	6	5.1
Математика	3	2.5
Медицина	1	0.9
Религия	51	43.2
Неясно (из названий книг), какой тематики	11	9.3
Всего	118	100

Таблица 17

Распределение книг Посольского приказа по языкам (1673 г.)

Язык	Количество книг	Процент от общего количества
Латинский	81	68.6
Польский	17	14.4
Немецкий	9	7.6
Шведский	3	2.5
Итальянский	2	1.7
Голландский	1	0.9
Белорусский	1	0.9
Двухъязычные книги (польско-латинские, немецко-латинские, греко-латинские, немецко-французские)	4	3.4
Всего	118	100

жение цесарское», «Конституция, или уложение, коруны польской с 1550 по 1603 год», «Конституция польская 1646 году», «Подлинное объявление причин, для чего король свейский с датским войну начал», «Книга окладная доходам с Могилевского посаду и с уезду 1645 году», «Книга градская Витебская» (Витебск и Могилев находились тогда за пределами Русского государства), книга «Какову подобает быти секретарю или подьячему», наказ послам на сейм и др.

Но и среди книг по истории, филологии и другим областям знания было довольно много таких, которые несомненно нужны были в Посольском приказе: «Кроника на латинском языке о королях польских и о великих князьях литовских, також и о московских, и о прусских магистрах и курфюрстах, и о татарех», «Кроника на латинском языке о рождении и житии Владислава, короля польского», «Кроника действ во всей Европе знатных» Пясецкого, «Похвала польского Владислава, короля» в 11 книгах «с укоризною московскому государству» (Лейпциг, 1649), книга о гербах польской и литовской шляхты, грамматика латинская, лексиконы и т. д. Даже религиозная литература, изданная за рубежом, интересовала Посольский приказ, если в ней затрагивались вопросы политики и взаимоотношений между народами. Недаром Ордин-Нащокин просил прислать себе на посольский съезд в Мигновичи книги католических костелов, а среди книг, которые поручалось русским послам закупить в Польше, числилась и Библия с толкованиями.

Таким образом, общий процент книг, связанных с деятельностью Посольского приказа, был значительно выше, чем 12.7. Однако были в библиотеке приказа и такие книги, которые попали туда случайно. Сюда относится большая часть книг религиозного содержания (например, Новый завет, Послания апостольские, произведения И. Златоуста и т. д.), цифирные книги, литература по философии (сочинения Аристотеля и толкования их, произведения Сенеки), книга К. Курция об Александре Македонском, произведения Вергилия, «Книга учения конского» и др. Среди религиозной литературы, в основном католической, был целый ряд книг протестантских, на-

пример «Книга богослова кальвинского», «Казания свадебные лютерского закона». В описи мы находим и книги, закупленные, как мы уже знаем, русским послом Репниным-Оболенским: Хроника Пясецкого, Хроника А. Гвагнина и др.

Что касается распределения литературы библиотеки Посольского приказа по языкам, то, как видно из табл. 17, основную массу книг (почти 70%) составляли книги на латинском языке (тогдашнем международном), далее шли книги на польском языке (14.4%), на немецком (7.6%) и отдельные издания на других языках. Русская литература, за исключением одной книги на белорусском языке, в библиотеке отсутствовала. Это была особенность библиотеки Посольского приказа.

В последующие годы до конца XVII в. в библиотеку было четыре крупных поступления книг: в 1677 г. — книжное собрание А. С. Матвеева (77 книг), в 1683 г. — книги из Мастерской палаты (29 книг), а 1684 г. — книги из Верхней типографии (71 книга) и, наконец, в 1696 г. — книжное собрание архимандрита Македонского Николаевского монастыря грека Дионисия (76 книг). Состав всех этих поступлений восстанавливается по описи библиотеки Посольского приказа 1696 г., опубликованной С. А. Белокуровым.[87]

В описи сначала перечисляются книги, значившиеся ранее по описи 1673 г. (вместо 118 книг к этому времени осталось лишь 80), далее по порядку идут книги А. С. Матвеева, книги из Мастерской палаты и т. д. О книгах Матвеева мы уже говорили ранее (см. главу V). В числе книг, переданных из Мастерской палаты, преобладала литература по естественным наукам: 15-томный «Всемирный географический атлас» Иоганна Блеу (Амстердам, 1662), «Круг всеа земли древнего описания в лицах» (Амстердам, 1645), «Описание всего Амстердама», книги «О палатном строении», книга по анатомии, книга «резного дела», «Книга о городовом строении», «Книга землеописательная», «О гранатном деле» и др. Были и две исторические книги: Летописец на чешском языке и «Гранограф в лицах на латинском языке».

[87] Там же, с. 65—80, 57—63.

Иного содержания были книги, переданные из Верхней типографии. Здесь явно преобладала религиозная литература. Книги светского содержания составляли не более трети общего числа книг. Здесь был ряд книг по истории (например, сочинение Квинта Курция об Александре Македонском, труды Зонары, Кромера, Бельского, «Краткое описание польских королей», Летописец Каллиста), несколько книг по философии (например, сочинения Аристотеля), 11-язычный лексикон Калепина, «Судебник магдебурского права» и отдельные книги по естественным наукам: письма Плиния, «Книга земли описание», «Арифметика и геометрия», книга «Дело лекарственное, или начало физики» и др.

Греческий архимандрит Дионисий поселился в конце 80-х годов XVII в. в Нежине. Здесь и осталось его книжное собрание, которое в 1690 г. было затребовано в Москву и передано в Малороссийский приказ, а оттуда через шесть лет в Посольский приказ.[88] В книжном собрании Дионисия преобладала религиозная литература. Книги светского содержания составляли около 40% общего количества. В основном это была филологическая литература, главным образом грамматики. Кроме того, было несколько книг по философии (сочинения Аристотеля и др.), истории (сочинения Геродота, «Синопсис»), две книги Демосфена, Иллиада Гомера, «Описание земли», книга о садоводстве, арифметика и кое-какие другие.

Таким образом, за время с 1673 по 1696 г. в библиотеку Посольского приказа поступило 253 книги, а всего в ней теперь насчитывалось (учитывая то, что из старых книг осталось лишь 80) 333 книги.[89] Это была исключительно иностранная литература.

Как мы видим, библиотека Посольского приказа за 23 года (с 1673 по 1696 г.) увеличилась почти в три раза. Но дело было не только в общем увеличении книг, а и в изменении состава книжного фонда. Мы уже отмечали

[88] Там же, с. 54—55, 64.

[89] С. А. Белокуров сообщает, что в конце XVII в. в библиотеке было 374 печатные книги и около 23 рукописей (Белокуров С. А. О библиотеке московских государей..., с. 65), однако на основании каких данных приводятся эти цифры, он не пишет.

известную целенаправленность комплектования этой библиотеки: стремление подбирать литературу, нужную для работы Посольского приказа. В связи с поступлением в библиотеку целых книжных собраний этот принцип нарушился. Из того, что мы говорили о составе новых поступлений 1673—1696 гг., видно, что лишь немногие переданные книги могли интересовать Посольский приказ. Давая распоряжение о передаче книг в эту библиотеку, правительство руководствовалось, по-видимому, лишь одним принципом — передавать иностранную литературу (не обращая должного внимания на ее содержание). Вследствие этого в библиотеку поступали книги не особенно-то нужные Посольскому приказу: по философии, по архитектуре, «певческие» и в большом количестве религиозная литература. И все же процент светской литературы в библиотеке не снизился: если в 1673 г. он составлял 57, то в 1696 г. — около 55. Таким образом, это была специализированная библиотека иностранной литературы с преобладанием в ней книг светского содержания.

Следует сказать, что состав книжного фонда библиотеки Посольского приказа, как и других библиотек того времени, не был стабильным. Мы уже видели, что из числа книг, значившихся по описи 1673 г., в 1696 г. 38 книг уже не было. Как видно из сличения описей, отсутствующие книги были самой разнообразной тематики, как светского, так и религиозного содержания: польские конституции, «Книга окладная доходам с могилевского посаду», «Хроника о королях польских», «Какову подобает быти секретарю или подьячему», «Какову подобает быти верному и истинному писарю», книги счетные, «Подлинное объявление причин, для чего король свейский с датским войну начал», книга о гербах, грамматики, лексиконы, библии, книга Квинта Курция об Александре Македонском, описание Иерусалима и т. д. Значительную часть выданных книг, как мы видим, составляли книги, связанные с деятельностью Посольского приказа.

По-видимому, все эти книги выдавались для чтения сотрудникам приказа, главным образом начальству. С. А. Белокуров высказывает предположение, что некоторые из книг Матвеева были взяты им ранее из книг Посольского приказа. По названиям книги действительно

совпадают, но точные данные о выдаче книг Матвееву отсутствуют. Как мы уже знаем, в 1684—1685 гг. 17 книг «огородного и палатного городового строений и резных фигурных образцов» взял тогдашний начальник приказа В. В. Голицын и назад «не присылывал». Имеются и другие сведения о выдаче книг из библиотеки приказа, но речь каждый раз идет о начальстве, а не о рядовых сотрудниках. Выдавались ли книги на дом рядовому персоналу Посольского приказа, остается неясным.

Неясен и другой вопрос. Как известно, в Посольском приказе «строилось» довольно много рукописных книг. Об этом мы уже говорили (см. главу II). Известно, что один экземпляр каждой новой книги оставлялся в Посольском приказе.[90] Однако в описях библиотеки, опубликованных С. А. Белокуровым, ни одной из этих книг не значится. Чем объяснить такой факт: или рукописные русские книги вообще не попадали в библиотеку, или они хранились отдельно от иностранных книг и существовала какая-то особая их опись? Дальнейшие исследования по истории Посольского приказа должны разрешить этот вопрос.

6. Библиотека Аптекарского приказа

Другой крупной специализированной библиотекой XVII в. была библиотека Аптекарского приказа. К сожалению, сведений о ней сохранилось гораздо меньше, чем о библиотеке Посольского приказа. Аптекарский приказ, или учреждение, ведавшее докторами и медицинским делом в России, был создан, по мнению А. Р. Ретлингера, около 1620 г., а возможно, что и раньше. Точной даты учреждения этого приказа не сохранилось. Функции приказа в XVII в. были широкие и значительно выходили за рамки чисто медицинских дел. Как указывает тот же А. Р. Ретлингер, помимо выполнения своих прямых функций, Аптекарский приказ «заведывал царскими огородами, садами, водочными заводами, некоторыми домами,

[90] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 7, т. 13. М., 1962, с. 143.

разными иноземными мастерскими, как-то: алхимистскими лабораториями, часовых дел мастерствами, стеклянными и винокуренными заводами, складами вин».[91] В штате приказа в 1629—1645 гг. находились доктора, лекари, окулисты, аптекари, алхимисты, переводчики, часовых дел мастер и т. д.[92] Аптекарскому приказу подчинялись две аптеки, одна из которых возникла еще при Иване Грозном, а другая, называвшаяся «новой», основана в 1672 г. Приказ ведал и подготовкой медицинского персонала: лекарские ученики Аптекарского приказа получали медицинское образование под руководством докторов.[93]

Совершенно очевидно, что такое учреждение, как Аптекарский приказ, не могло обойтись без своей библиотеки. Автор статьи о библиотеке Аптекарского приказа Я. Любарский связывает возникновение этой библиотеки с созданием в 1654 г. медицинской школы при Аптекарском приказе.[94] Однако у нас имеются сведения, восходящие еще к началу XVII в., о существовании книжного собрания при первой русской аптеке. Весной 1602 г. думный дьяк Посольского приказа (Аптекарского приказа тогда еще не было) А. И. Власьев обещал английскому торговому агенту Ричарду Барнесу дать из аптеки хранящуюся там Летопись.[95] Сообщая об этом факте, М. И. Слуховский приводит другие данные о книжном собрании аптеки. В 1654 г. 30 лекарских учеников Аптекарского приказа учились в аптеке по переводным медицинским учебникам. По словам голландского путешественника Корнилия де Бруина, посетившего Москву в 1707 г., книги в аптеке содержались в отдельной комнате вместе с редкими растениями и чучелами животных; другой иностранец, датский посланник Юст Юль, посе-

[91] Ретлингер А. Р. Исследования по истории медицины XVII века в России. — «Вестник Общества гигиены, судебной и практической медицины», 1906, июнь, с. 830—833.

[92] Там же, с. 834—835.

[93] Соколовский М. К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб., 1904, с. 15, 16, 20.

[94] Любарский Я. [на титуле ошибочно В.]. Библиотека Аптекарского приказа. — «Библиотекарь», 1950, № 1, с. 30.

[95] Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные проф. В. Н. Александренко. — В кн.: Старина и новизна. Исторический сборник, кн. 14. М., 1911, с. 338—340.

тивший в 1710 г. аптеку, нашел в ней «лучшие, на всевозможных языках сочинения по медицине».[96]

Таким образом, существование книжного собрания при первой русской аптеке не подлежит сомнению. Однако в каких отношениях она была с библиотекой Аптекарского приказа, в ведении которого находилась аптека, не совсем ясно. Были ли это два разных книжных собрания, или после образования Аптекарского приказа библиотека аптеки стала библиотекой этого приказа? Последнее вероятнее, учитывая, что в тот период приказ и аптека помещались в одном здании. Но в таком случае дата основания библиотеки не 1654 год, а начало XVII в. (а может быть, и более раннее время).

Во всяком случае несомненна тесная связь книжных собраний аптеки и Аптекарского приказа. Как мы увидим далее, на многих книгах библиотеки Аптекарского приказа имеется помета «из аптеки». Отсюда можно заключить, что даже если книжное собрание аптеки продолжало существовать после возникновения особой библиотеки Аптекарского приказа, то оно являлось филиалом этой библиотеки, и мы с полным правом можем рассматривать оба книжные собрания как одно целое.

Источники комплектования библиотеки Аптекарского приказа были различны. Сохранились немногочисленные сведения о том, что книги для библиотеки приобретались в монастырях (например, в 1670 г. было куплено в Можайско-Лужицком монастыре у старца Аникиты шесть книг на латинском и немецком языках), закупались за границей (об этом мы еще будем говорить), переводились с иностранных языков. Для перевода иностранных медицинских книг в штате приказа был специальный переводчик. Известно, что в 1662 г. переводчику Христофору Синарадскому был поручен перевод книги «Pharmacopolia medico-chymica sive thesaurus pharmacologicus...».[97] Другой переводчик, принятый на работу в 1678 г., обя-

[96] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 87—89.
[97] Ретлингер А. Р. Исследование по истории медицины... — «Вестник Общества гигиены, судебной и практической медицины». 1906, август, с. 1247.

зался переводить книги, по которым «русские люди могут быть совершенными лекарями и аптекарями».[98]

О составе библиотеки Аптекарского приказа наши сведения довольно скудны. В библиотеке хранились книги по биологии и медицине на немецком, польском и латинском языках, а также лечебники и травники на русском языке, которых было довольно много.[99] В 1673 г. из библиотеки было выдано во дворец царя Алексея Михайловича в Преображенском 10 переводных травников, из них пять травников доктора Симона Сирениуса. В 1679 г. эти книги были возвращены в Аптекарский приказ из Приказа тайных дел.[100] В 1675 г. переводчик Посольского приказа Николай Спафарий, отправляясь в Китай, получил из аптеки две такие редкие книги, как описание Китайского государства (видимо, описание голландского посольства в Китай) и китайский лексикон.[101]

Иностранные книги составляли основную часть библиотеки Аптекарского приказа, но описи этих книг до нас не дошли. И все же кое-какое представление об этой части книжного фонда библиотеки у нас имеется. Дело в том, что часть книг Аптекарского приказа вошла в состав образованной в 1714 г. Библиотеки Академии наук. Сотрудниками рукописного отдела этой библиотеки была проделана большая работа по выявлению в ее фондах книг, принадлежавших когда-то Аптекарскому приказу. Всего было найдено 55 книг, опись которых опубликована в 1-м выпуске «Исторического очерка и обзора фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», там же помещен и обзор этого собрания, составленный Е. И. Бобровой.[102]

[98] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 88.

[99] Старостина Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорочных писем. — «Ученые записки Карело-Финского университета», 1947, т. 2, вып. 1, Петрозаводск, 1948, с. 57.

[100] Ретлингер А. Р. Исследование по истории медицины... — «Вестник Общества гигиены, судебной и практической медицины», 1906, август, с. 1247—1248.

[101] Михайловский И. Н. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 11—12.

[102] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 150—152, 428—433.

Из описи видно, что более трети всех выявленных книг Аптекарского приказа относилось к медицине и естественным наукам. Здесь была литература по лечебному делу, фармакологии, анатомии, химии, ботанике, минералогии, географии, математике и даже архитектуре. Из других книг светского содержания следует назвать книги по истории, например сочинения Тацита и комментарии к ним, сочинения Плутарха, Ксенофонта, по философии (например, сочинения Аристотеля), по филологии (комментарии к латинской грамматике), произведения Цицерона (венецианское издание 1583 г.). В описи значатся и книги религиозного содержания, но их было лишь около 25%.

Сохранившиеся пометы на книгах позволяют в ряде случаев установить источник, откуда они попали в библиотеку Аптекарского приказа. Так, на 17 книгах имеется помета «книга боярина Бориса Ивановича Морозова». Как известно, в ведении Морозова находился одно время приказ, и, очевидно, после смерти Морозова его книжное собрание было передано в библиотеку приказа.

В числе книг Морозова в библиотеку Аптекарского приказа поступила в основном богословская литература, а также книги по истории и философии.

Другие книги библиотеки имеют помету «книга Аптекарского приказу Романова привоза Бинияна». Роман, или Роберт, Биньян (Robert Benyon), аптекарь при царе Алексее Михайловиче, прибыл в Россию в августе 1656 г. Среди привезенной им литературы значится, между прочим, книга Германа Грубе об употреблении лекарств, изданная во Франкфурте в 1669 г.,[103] из чего видно, что Биньян ездил за книгами для Аптекарского приказа значительно позднее своего прибытия в Россию.[104] Таким образом, здесь уже налицо факт закупки книг специально для Аптекарского приказа. И действительно, среди книг,

[103] БАН, шифр $\frac{12057.0}{384}$.

[104] Луппов С. П. Основание Библиотеки Академии наук и ее первоначальный книжный фонд. — В кн.: 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. Сборник докладов на юбилейной научной конференции. М.—Л., 1965, с. 278. См. также: Боброва Е. И.

привезенных Биньяном, мы видим только одну случайную книгу (по богословию), вся остальная литература была по медицине и естественным наукам.

На некоторых книгах библиотеки Аптекарского приказа имеются пометы «из аптеки». Такие пометы стоят на книгах Антонио Сандеро «Flandria illustrata» (T. I. Köln, 1641), Франциска де Минозы «Commentarium» (Köln, 1628), Аврелия Августина «Omnium operum» (Köln, 1539).[105] Как мы видим, все перечисленные издания являются кельнскими, и встает вопрос, не были ли они закуплены для аптеки во время поездки в Кельн специального представителя Аптекарского приказа.

Интересна помета на обороте переплета книги Самюэля Маролуа «Opera mathematica» (Amsterdam, 1662): «по скаске дохтуров в аптеку годна».[106] Помета говорит о случайности попадания книги в библиотеку Аптекарского приказа. И действительно, сочинение по математике не очень-то соответствовало профилю библиотеки.

Из всего сказанного видно, что лишь часть книг библиотеки Аптекарского приказа была приобретена со знанием дела, исходя из потребностей приказа. Другая часть попала в библиотеку случайно, например книги Б. И. Морозова. И все же специфика учреждения сильно отразилась на составе книжного фонда библиотеки. Здесь было немало книг медицинского и естественнонаучного профиля. Поэтому с известными оговорками можно согласиться с мнением Я. Любарского, что библиотека Аптекарского приказа была одной из первых научных специальных библиотек России.[107]

Обзор иностранных печатных книг собрания Петра I. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 150.

[105] БАН, шифры $\frac{2138f}{1963}$, $\frac{2085\,f}{1744}$, $\frac{5014\,f}{1730—1731}$.

[106] БАН, шифр $\frac{5122f}{1906}$.

[107] Любарский Я. Библиотека Аптекарского приказа, с. 31.

7. Библиотеки других государственных учреждений

Книжные собрания имели не только Посольский, Аптекарский, но и некоторые другие приказы, однако сведений об этих библиотеках сохранилось немного. К числу приказов, имевших свои библиотеки, относился Пушкарский. Этот приказ существовал еще в XVI в. и первоначально назывался Пушечным. Сфера деятельности приказа была широкой: изготовление орудий и снарядов, возведение новых и починка старых укреплений. В ведении приказа находился Пушечный двор в Москве, отливавший пушки, колокола и другие изделия из металла. Изготовление снарядов производилось на особом Гранатном дворе, пороха — на «зелийных мельницах». Селитра для пороха добывалась в различных местах России. Ремонтом городовых укреплений ведал Городовой стол Пушкарского приказа. Приказу подчинялось большое число людей (в 1629 г., например, свыше 3500 человек), находившихся в различных населенных пунктах России: мастеров, мастеровых людей, колодезников (которые должны были обеспечить водой осажденные города), подсобных рабочих и т. д. В штате Пушкарского приказа имелись чертежники, на обязанности которых лежало изготовление чертежей фортификационных укреплений.[108]

Таким образом, Пушкарский приказ был не только административным учреждением, но и своеобразным управлением по производству сложных по тому времени работ. Сотрудники его должны были иметь большие специальные познания в области техники. Для них необходима была и специальная литература. Так постепенно создалась при Пушкарском приказе своя библиотека, о которой, к сожалению, мы знаем очень мало, так как из архива Пушкарского приказа до нас дошли лишь единичные дела.

Приведем сохранившиеся сведения. В 70-х годах XVII в. из Пушкарского приказа была выдана некоему Исачке «для учения огнестрельных и гранатных дел и

[108] Богоявленский С. О Пушкарском приказе. — В кн.: Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пгр., 1917, с. 361—364, 371—372, 375—379.

для всяких тайных промыслов» печатная книга на немецком языке.[109] Отсюда видно, что специалистам и ученикам Пушкарского приказа выдавалась для пользования техническая литература, без которой они не могли обойтись.

Из другого факта выдачи книг мы можем получить некоторое представление о составе книжного фонда библиотеки. В 1637 г. по требованию боярина Б. И. Морозова, руководившего воспитанием царевича Алексея Михайловича (будущего царя), из Пушкарского приказа было выдано в царский дворец для обучения царевича 29 книг на иностранных языках. Перечень этих книг в переводе на русский язык приводится в статье С. Богоявленского о Пушкарском приказе.[110] Из перечня видно (насколько можно установить из очень неясных заглавий), что тематика взятой литературы была разнообразна: здесь были книги по фортификации, строительному делу, устройству водовзводных машин, геодезии, географии, астрономии, арифметике и т. д.

В 1683 г. в Пушкарский приказ из ликвидированного в 1676 г. Приказа тайных дел были переданы в числе различных служебных росписей (городских пушечных нарядов, запасов пороха, свинца и т. д.) также и некоторые рукописные книги: «Книга о наряде и огнестрельной хитрости», книга «О оружейном дому, в чем быти устроенным наряду и всяким ратным припасом», тетрадь с записками иноземцев Петра Марселиуса и Филимона Акемы о тульских и каширских заводах, опись крепостных ворот, стен и башен Москвы.[111] Все эти материалы были ранее взяты из Пушкарского приказа и теперь возвращались назад.

Приведенные факты дают основания полагать, что книжное собрание Пушкарского приказа являлось очень интересной по своему составу специализированной библиотекой XVII в. Здесь была хорошо представлена техническая литература, а также литература по смежным с технической научным дисциплинам.

[109] Там же, с. 375.
[110] Там же, с. 384—385.
[111] Дела Тайного приказа, кн. 1. — «Русская историческая библиотека», 1907, т. 21, стлб. 680—681.

Из других государственных учреждений, имевших свои книжные собрания, следует упомянуть **Мастерскую палату**, куда, как мы знаем (см. с. 115), была передана в 1683 г. часть книг, оставшихся после царя Федора Алексеевича. Книжное собрание было и при **Образной палате** царя, в которой хранились главным образом иконы. Как видно из описи, опубликованной А. И. Успенским и относящейся примерно к 1669 г., в Образной палате находилась 131 книга. Почти все книги были рукописные религиозного содержания. Из светских книг здесь находились только 1 экз. Хронографа и 3 экз. Летописца. Одна из книг была на греческом языке. Из общего числа книг, хранившихся в палате, 18 было выдано в ноябре 1660 г. протопопу Благовещенского собора.[112]

М. И. Слуховский в своей книге говорит также о библиотеках Приказа тайных дел и Записного приказа.[113] Однако, на наш взгляд, существование этих библиотек подлежит сомнению. Приказ тайных дел, учрежденный царем Алексеем Михайловичем, был, как известно, ликвидирован после его смерти. Значительная часть дел приказа была роздана по различным учреждениям, откуда эти дела были ранее взяты. Другая часть дел, оставшаяся нерозданной, сохранилась в архиве в виде самостоятельного архивного фонда.

В числе дел Приказа тайных дел имелись и книги. Как показывает изучение описей дел приказа, опубликованных в 21-м томе «Русской исторической библиотеки», эти книги можно разделить на две группы: книги, принадлежавшие лично царю (поднесенные ему Н. И. Одоевским, Ю. А. Долгоруким и т. д.), и книги, затребованные из других учреждений, например из Пушкарского приказа. Из числа затребованных книг некоторые были взяты лично для царя. Вспомним, например, травники, полученные из Аптекарского приказа.

Таким образом, говорить о специальном подборе книг для библиотеки Приказа тайных дел не приходится.

[112] Успенский А. И. Церковно-археологическое хранилище при московском дворце в XVII веке. — ЧОИДР, 1902, кн. 3, отд. 1. Материалы исторические, с. 60—66.

[113] Слуховский М. И. Библиотечное дело в России..., с. 89, 90—92.

Книги, попавшие в приказ, не представляли сколько-нибудь цельного собрания и, по-видимому, хранились в разных местах, да и число их было невелико. Следовательно, библиотека Приказа тайных дел, как таковая, практически не существовала.

Еще меньше оснований говорить о существовании библиотеки Записного приказа. Этот приказ был учрежден 3 ноября 1657 г. и имел задачей продолжение Степенной книги от времени царя Федора Иоанновича до самых последних лет. Разумеется, для этого начинания требовалась историческая литература. Описывая подробно довольно бесплодные попытки начальника Записного приказа получить нужные книги, С. А. Белокуров в своей статье о Записном приказе[114] нигде не говорит о том, что приказу удалось собрать хотя бы маленькую библиотеку.[115] Между тем М. И. Слуховский делает свои выводы о существовании библиотеки Записного приказа, основываясь только на данных С. А. Белокурова. Поэтому его выводы не являются убедительными.

114 Белокуров С. А. О Записном приказе. — В кн.: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, с. 53—84.

115 Некоторые книги, по мнению С. А. Белокурова, брались в Записной приказ на время и вскоре возвращались (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в., с. 65).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В I главе нашей книги говорилось, что в области культуры, как и в других областях жизни страны, предпосылки для коренных преобразований создались уже в XVII в. Материалы исследования не только подтверждают это положение, но и позволяют внести существенные уточнения. Крупнейшей вехой в истории просвещения России и в истории русской книги является не начало, а середина XVII в. Именно в это время произошли значительные качественные изменения в области культуры.

Как мы уже видели, с середины XVII в. развернулась в Москве культурно-просветительная деятельность украинцев и белорусов (Славинецкий и Птицкий, затем Полоцкий). С этого же времени ведут свое начало и первые школы, созданные не для обучения грамоте, а для получения образования (школы Арсения Грека, Ртищева, несколько позднее Полоцкого) и подготовившие почву для основания в 1687 г. первого высшего учебного заведения в Москве — Славяно-греко-латинской академии.

В области книгопечатания расцвет издательской деятельности начался несколько раньше — в 40-е годы XVII в., однако издание первых книг вполне светского содержания (Уложение, «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей») относится все же к середине века. Во второй половине XVII в. увеличивается число переводов иностранных книг светского содержания, а в 70-х годах Посольский приказ под руководством А. С. Матвеева взялся за «строение» рукописных книг разнообразной, но вполне светской тематики. Это была

уже важная ступень к просветительной издательской деятельности Петра.

Создание специальной книжной лавки Печатного двора (40-е годы XVII в.) положило начало активному распространению московских изданий среди различных слоев населения и в различных населенных пунктах России. Если в первой половине века книги Печатного двора приходилось распространять принудительно, то начиная с 40-х годов спрос на книги растет и вышедшие издания начинают хорошо расходиться, быстрота же распродажи учебных пособий вызывает удивление. Она является показателем возросшей тяги к знанию населения страны.

Собирание книг отдельными лицами из числа людей, наиболее образованных, практиковалось еще в XVI в., но тогда было редким явлением. В XVII в. количество таких собраний значительно увеличилось, все же известные нам крупные книжные собрания относятся ко второй половине века. В этот период изменился и состав частных книжных собраний: вместо библиотеки-склада довольно случайных книг (библиотека патриарха Филарета) появляются разнообразные по тематике с хорошо подобранным составом книг книжные собрания — Полоцкого—Медведева, Матвеева, царя Федора Алексеевича, Афанасия Холмогорского и др. Характерно наличие в этих собраниях большого числа иностранных книг.

Середину XVII в. можно считать и временем создания большинства крупных библиотек. В сущности до этого библиотеки существовали лишь при монастырях и церквах. Начало патриаршей библиотеки относится к XVI в., но крупной библиотекой она стала лишь после экспедиции Суханова (1654—1655 гг.). Библиотека Аптекарского приказа возникла в середине XVII в., книгохранилища Посольского приказа и типографии превратились в библиотеки только во второй половине XVII в. Все эти три библиотеки находились при светских учреждениях — явление новое в истории культуры нашей страны. В фондах их хранилось большое число светских книг и книг на иностранных языках.

Резкое увеличение интереса русских людей к литературе светского содержания характерно именно для второй половины XVII в. Как показывает наше исследование,

светская книга в это время получила большое распространение. Книги светского содержания находились и у простых людей, и в книжных собраниях знати и ученых, и в государственных библиотеках. К числу наиболее популярных в это время книг, помимо исторической литературы (летописцы, хронографы, сочинения Иосифа Флавия, «Синопсис» и т. д.), относились также Космография Козьмы Индикоплова, лечебники, различные хождения, художественная литература, в том числе особенно распространенная тогда «История о Варлааме и Иоасафе». Светская книга начинает играть все бо́льшую роль в жизни русских людей. Она проникает даже в монастырские библиотеки и в книжные собрания представителей духовенства. Постепенно ослабевает влияние церковной идеологии, создаются предпосылки для крупных изменений в духовной жизни страны.

Из всего вышеизложенного видно, что в области просвещения и истории русской книги середина, а не начало XVII в. была тем рубежом, когда Россия встала на путь постепенного перехода к новой эпохе — эпохе преобразований Петра.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

71 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

С. П. ЛУППОВ